

ГО
ПО

К-14038

ТЕТ СССР
НИЮ

ISSN 0453-8048

ПЗ19569

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

339'89

ЧЕЛОВЕК И РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

«Выща школа»

1 р. 30 к.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00295026

2

ISSN 0453-8048. Вестн. Харьк. ун-та. 1989. № 339. Человек и речевая деятельность.
1 — 128.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 339

ЧЕЛОВЕК И РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Основан в 1966 г.

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

1989

В вестнике освещены проблема человеческого фактора в развитии и функционировании языка и общие проблемы теории речемыслительной деятельности. Описаны различные характеристики речевых актов, факторы, обуславливающие выбор единиц в процессе коммуникации; рассмотрены модификации языковых единиц и их сочетаний.

Для преподавателей, научных работников и специалистов.

Редакционная коллегия: *Е. И. Морозова* (отв. ред.), *Л. В. Конопельцева* (отв. секр.), *О. И. Давыдов*, *В. И. Каравакин*, *В. А. Кухтенко*, *С. Т. Навальная*, *Э. Г. Паповяц*, *Л. Н. Черноватый*, *Ю. К. Чучко*

Адрес редакционной коллегии: 310077 Харьков, пл. Дзержинского, 4, университет, факультет иностранных языков, тел. 45-75-04

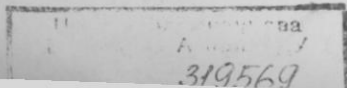
Редакция литературы по естественным наукам и филологии
Зав. редакцией *Е. П. Иващенко*

Издано по заказу Харьковского государственного университета

Х-14038

4601000000-052
М226(04)-89 Заказное

© Харьковский государственный
университет, 1989

ОТ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТРИВИУМА К СОВРЕМЕННОМУ
КОМПЛЕКСУ НАУК О РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Во второй половине XX века языкознание вступило в полосу экстенсивного развития, распространив свой интерес на две сферы, ранее не пользовавшиеся пристальным вниманием с его стороны. Одна из них — сфера мыслительного содержания речи, другая — сфера крупных речевых произведений. При этом, естественно, возникла проблема взаимоотношений между традиционной, ограниченной в своем предмете лингвистикой и новыми ее разделами. Последние, как это присуще новым научным дисциплинам, подходят к этой проблеме агрессивно и в своих крайних проявлениях даже возмещают конец «узкой», «ограниченной» лингвистики, якобы полностью исчерпавшей возможности своего развития ввиду всесторонней изученности ее классического объекта. В свою очередь, у приверженцев «узкого» языкознания, знающих, как далека еще наша наука от исчерпывающего познания своих традиционных «малых» объектов — звуков, слов, предложений, велик соблазн противопоставить агрессивности новых направлений отрицание их научной правомерности. Ясно, однако, что у молодых дисциплин есть свои предметы, настоятельно нуждающиеся в подлинно научном исследовании, и попытки «закрывать» или игнорировать их не только бесполезны, но и вредны для науки в целом.

Отсюда вытекает необходимость внимательно рассмотреть проблему взаимоотношений между «узким» языкознанием и двумя его ответвлениями. Проблема имеет два решения: либо новые ветви остаются в рамках единого расширенного языкознания, что потребует, очевидно, радикального пересмотра его предмета и даже названия, ибо язык в лингвистико-терминологическом понимании займет в расширенном предмете науки довольно скромное место; либо новые дисциплины отпочкуются от языкознания и вместе с ним образуют комплекс из трех наук, посвященных рассмотрению трех аспектов речемыслительной деятельности человека, что, очевидно, позволит сохранить языкознание как самостоятельную науку и в то же время обеспечит беспрепятственное развитие двух новых наук.

В этом свете весьма полезно обратиться к средним векам, когда существовал примечательный аналог такого комплекса. Как известно, университетский курс из семи «свободных искусств» делился на две части — тривиум и квадравиум; первый начинал обучение и состоял из трех «искусств» — грамматики, логики, риторики. Нетрудно видеть, что все три не только посвящены речемыслительной деятельности, но по сути дела охватывают все ее аспекты: грамматика рассматривала построение правильных по форме высказываний, логика обеспечивала правильность их содержания, а риторика учила соединять их в прагматически эффективный текст. Таким образом, тривиум несомненно был комплексом наставлений по рациональной организации речевой деятельности, которая по определению не может не быть речемыслительной¹.

Разумеется, тривиум был комплексом не наук, а практических предписаний. Важно также отметить, что он совершенно не учитывал своеобразие языков, потому что два его компонента — логика и риторика — универсальны, а грамматика опиралась на латинский образец, который также принимался за универсальный языковый эталон.

В XIX веке начался процесс формирования наук о речевой деятельности, который далеко не случайно в качестве первой из них породил языкознание. Причина тому — огромное разнообразие языковых форм, которое, с одной стороны, стимулировало описательный, а затем и объяснительный аспект новой науки, а с другой стороны, обеспечивало мощный практический стимул в виде обучения языкам. Лишенные национального своеобразие логика и риторика тем самым оказались оторванными от языкознания и от практики обучения языкам. Риторика научной дисциплиной в XIX веке не стала, а логика практически отошла от занятий речемыслительной деятельностью.

Только во 2-й половине XX века началось формирование двух других научных компонентов речемыслительного комплекса — науки о том, как человек строит мысль, и науки о том, как он строит речевые произведения. Аналогично тому, как описательное и теоретическое языкознание в отличие от предписывавшей средневековой грамматики ставит в центр своего внимания человеческий язык как способность строить стандартные осмысленные высказывания, наука о построении человеком мысли призвана заменить предписательную логику средневекового тривиума, а наука о речевых произведениях человека по существу есть развитие средневековой риторики.

Для судеб языкознания и двух новых наук огромное значение имеет тот факт, что последние складываются вне всякой связи со своими средневековыми предшественницами, но как ответ-

¹Мыслительная деятельность может, как известно, не быть речевой, но речевая деятельность всегда мыслительна; поэтому терминологические сочетания «речевая деятельность» и «речемыслительная деятельность» по сути дела синонимичны.

вления от лингвистики как материнской науки. Причины тому различны для обеих новых наук. Формирование мысли доступно научному наблюдению только при ее речевой экспликации, и это делает лингвиста по сути монопольным владельцем корпуса фактического материала для новой науки, а лишенные такого корпуса логики вынуждены ограничиваться умозрительными построениями. Что касается построения речевых произведений, то отношение его к лингвистике объясняется незавершенным процессом отпочкования самой лингвистики от филологии как классической науки о слове и «словесности», в которой изучение языка как способности к речевой деятельности объединяется с изучением языка как художественного средства¹. К тому же отсутствие риторики как научной дисциплины ведет к отсутствию интереса к построению речевых произведений со стороны какой-либо иной науки, кроме лингвистики, для которой в силу традиционных филологических связей такой интерес естественен.

Как бы то ни было, естественные связи между тремя отдельными компонентами нового «тривиума» — комплекса наук о речемыслительной деятельности человека — дополняются и осложняются историческим фактом начавшегося и еще далекого от завершения размежевания между тремя науками. Нужно ли, однако, такое размежевание, если все равно между ними неизбежно сохраняются теснейшие связи в рамках комплекса? Но история науки в целом недвусмысленно свидетельствует о том, что плодотворные связи между отдельными науками возможны только при условии полной самостоятельности последних, в условиях неразмежеванности наук они лишаются возможности вносить свой вклад в общее дело. Связи между науками нужны прежде всего для разработки пограничных, переходных областей между их объектами. В речемыслительном комплексе таковы области перехода от содержания мысли к ее внешнему выражению, от внутренней структуры речемыслительного кванта — высказывания — к соединению высказываний в речевом произведении. Их плодотворное изучение невозможно без четкого представления о том, что в них определяется каждым из взаимодействующих автономных объектов. Так, рассматривая взаимоотношения между так называемыми глубинными и поверхностными структурами высказывания, необходимо в полной мере осознать, что первые принадлежат механизму формирования мысли и тем самым не входят в объект языкознания, тогда как вторые являются собственно языковыми объектами. Статус собственно языковых объектов присущ также предложению и его компонентам; но вхождение предложения в текст как речевое произведение означает его выход за пределы объекта языкознания и включение в сферу интересов другой, хотя и смежной науки.

¹ Филология как объединение науки о естественном объекте (языке) с наукой о его художественном использовании уникальна, так как не существует наук, объединяющих, скажем, музыку с акустикой, живопись с оптикой или с химией красок, балет с физиологией движений, хотя, конечно, имеются стыки соответствующих самостоятельных наук.

Обсуждая проблему взаимоотношений между тремя науками речемыслительного комплекса, необходимо в полной мере учитывать тот факт, что две новые науки, как и их исторические предшественницы — логика и риторика, имеют лишь единые, универсальные для всего человечества объекты, тогда как материнская наука — языкознание — имеет дело с идиоэтническими объектами, поскольку даже универсальные свойства всех языков мира в каждом языке получают специфическую реализацию. Лингвисты, перешедшие в новые науки, как правило, продолжают считать себя работниками единой расширенной науки и не склонны поддерживать размежевание наук в комплексе, что в немалой мере объясняется, среди прочих причин, и чисто номенклатурными обстоятельствами организации науки. Этим объясняется, в частности, тот примечательный факт, что исследования по «глубинной семантике», «семантике высказываний» и тому подобным ипостасям науки о человеческой мысли весьма часто ограничиваются одним языком (например, английским), выбор которого целиком зависит от склонностей и познаний исследователя, поскольку для этой науки внешняя, собственно языковая форма мысли несущественна. Исследования по «лингвистике текста», «дискурсному анализу» и тому подобным ипостасям науки о речевых произведениях, напротив, на первый взгляд представляются идиоэтническими; однако до сих пор не выявлены и, по всей видимости, не существуют идиоэтнические особенности структуры текстов — при переводе текста на другой язык изменяется все то, что относится к собственно языковым сущностям, и сохраняется в полной неприкосновенности все то, что относят к построению текста.

Исторический процесс развития комплекса наук о речемыслительной деятельности человека рано или поздно приведет к четкому размежеванию трех составляющих его наук. Для пользы дела необходимо, чтобы это случилось как можно раньше, потому что продолжающаяся неразмежеванность вредит развитию всех трех наук — и материнской, и двух дочерних. Размежевание предполагает ряд научно-организационных мероприятий — выделение лабораторий и кафедр в научных и учебных учреждениях, раздельную подготовку кадров, организацию издания научной и учебной литературы. Немаловажно и терминологическое разделение. Автор настоящей публикации, будучи языковедом в изложенном понимании этого термина, не считает себя вправе предлагать названия для двух новых наук; однако мы вправе настаивать на недопустимости использования ими названий, которые включали бы слова «лингвистика» или «языкознание» (например, «лингвистика текста») и тем самым провозглашали бы экспансию дочерних наук в сферу материнской науки.

Поступила в редколлегию 22.12.87

КОММУНИКАНТЫ

В лингвистической литературе при исследовании языкового общения основное внимание уделяется, как правило, роли языка, а в последнее время и организации коммуникативного процесса. Многое из того, что имеет отношение к коммуникантам, учитывается недостаточно. Ф. де Соссюр этот аспект речевой деятельности считал второстепенным [5, с. 57]. Представители трансформационной грамматики, например Н. Хомский, связывали лингвистическую теорию «с идеальным говорящим—слушающим, существующим в совершенно однородной речевой общности» [8, с. 9].

В реальной коммуникации участвуют люди определенного пола, возраста, психологического типа, социального и культурного статуса и т. д. Все эти признаки оказываются коммуникативно-релевантными. Так, роль пола и возраста показана Н. Трубецким на фонетических системах [7]. Анализировалось также влияние половых и прочих различий на процесс вербального общения [9]. В современной лингвистической прагматике эти факторы учитываются в несравненно большей степени, однако они требуют дальнейшего изучения.

К числу человеческих признаков, в наибольшей степени определяющих характер вербальной коммуникации, относятся следующие: 1) языковая компетенция; 2) национальная принадлежность; 3) социально-культурный статус (социальная принадлежность, профессия, занимаемая должность, культурные нормы и обычаи, уровень образования, место жительства, семейное положение); 4) биологические данные (пол, возраст, состояние здоровья, наличие или отсутствие физических недостатков); 5) психологический тип (темперамент, элементы патологии); 6) текущее психологическое состояние (текущие знания, цели и интересы); 7) степень знакомства коммуникантов; 8) устойчивые вкусы, пристрастия и привычки; 9) внешний вид (одежда, манеры и т. д.).

В различных социумах эти признаки имеют неодинаковую значимость и поэтому в разной степени отражаются на вербальной коммуникации. Их влияние зависит также и от типа коммуникации.

В настоящее время принято различать три основных типа вербальной коммуникации: массовую, коллективную и индивидуальную. Это разграничение производится по признаку адресата. Пример массовой коммуникации — выступление говорящего по радио или телевидению. В случае коллективной коммуникации адресатом говорящего является аудитория, например присутствующие на профсоюзном собрании, на лекции в вузе, на торжественном митинге и т. д. В индивидуальной коммуникации заняты отдельные лица.

Массовая коммуникация несимметрична, так как здесь отсутствует смена ролей, типичная для диалога, канал обратной связи закрыт. При коллективной коммуникации появляется возможность ограниченной обратной связи, хотя смена ролей исключена. Индивидуальная коммуникация симметрична — обеспечивает нормальную смену ролей. Количество признаков адресата, учитываемых говорящим, минимально при массовой коммуникации и максимально при индивидуальной.

Независимо от коммуникативной симметрии или асимметрии отношение между говорящим (или пишущим) и адресатом не равно по коммуникативному статусу. Говорящий всегда находится в более выигрышной позиции, обладая коммуникативным приоритетом перед адресатом, поскольку говорящий творец высказывания или текста, тогда как адресат только воспринимает и перерабатывает его, хотя эта переработка нередко носит чрезвычайно творческий характер. Таким образом, смена ролей характеризуется тем, что каждый коммуникант то повышает, то понижает свой коммуникативный статус. Статус адресата ниже статуса говорящего, но выше статуса слушающего. В свою очередь статус слушающего выше статуса третьих лиц, не участвующих, но упоминаемых в ходе коммуникации. С учетом сказанного систему коммуникативных приоритетов можно представить следующей схемой:

Говорящий — Коммуникативный приоритет 1

Адресат — Коммуникативный приоритет 2

Слушающий — Коммуникативный приоритет 3

Третьи лица — Коммуникативный приоритет 4

Итак, говорящий — это точка отсчета в вербальной коммуникации. Именно он задает стратегию общения, специфика которой находит свое выражение в системе установок, или ориентаций говорящего.

Можно выделить семь таких установок. Они подразделяются на две группы: межличностные и внеличностные. Имеется четыре межличностных установки: на самого себя, на адресата, на слушающего и на третьих лиц.

Установка на самого себя показывает, как говорящий представляет себя самому себе (например, в случае дневниковых записей), адресату или слушающему. В последних двух случаях эта установка корректируется с учетом партнеров по коммуникации. Она выражается в выборе дейктических местоимений для 1-го лица и других средств самохарактеризации говорящего.

Установка на адресата является коммуникативно самой важной, потому что она обеспечивает информационный обмен. Она показывает, как говорящий примеряет свое речевое поведение к параметрам адресата. С этой установкой связан весь спектр

иллокутивных функций и прочих модусных значений. Выбор их может определяться любым набором коммуникативно-релевантных признаков адресата.

В тех случаях, когда речевое общение между коммуникантами наблюдает слушающий, о присутствии которого говорящему известно, имеет место установка на слушающего. Она выражается в том, что говорящий учитывает его присутствие и в соответствии с этим строит свое коммуникативное поведение (ср. влияние таких слушающих, как иностранцы, женщины, дети, в присутствии которых считается запрещенной некоторая информация или некоторые формы выражения). Как отмечалось в литературе [2, с. 272], все множество иллокутивных функций воспринимается слушающим в форме информатива, означающего, что слушающий информируется о характере и содержании общения между основными коммуникантами. Если говорящий не знает о присутствии слушающего, то имеет место информирование без установки на слушающего.

В ходе вербальной коммуникации говорящему нередко приходится ссылаться на лиц, не являющихся ни адресатом, ни слушающим, но оказывающих значительное влияние на характер речевого или текстового обмена, поскольку эти лица могут входить в сферу интересов говорящего или адресата. Коммуникативный учет этих лиц говорящим можно назвать установкой на третьих лиц.

Все межличностные установки могут содержать и не содержать оценки.

К внеличностным установкам относятся установки на действительность, на пропозициональное содержание высказывания или текста и на языковые средства.

Установка на действительность выражается прежде всего в референции. Как известно из работ, посвященных этой проблематике [1, 3, 4, 6], языковые выражения характеризуются различными видами референции и могут быть в принципе нереферентными. В понятие действительности включаются пространственные и временные координаты, в частности исторический фон, социокультурные реалии и представления языкового коллектива.

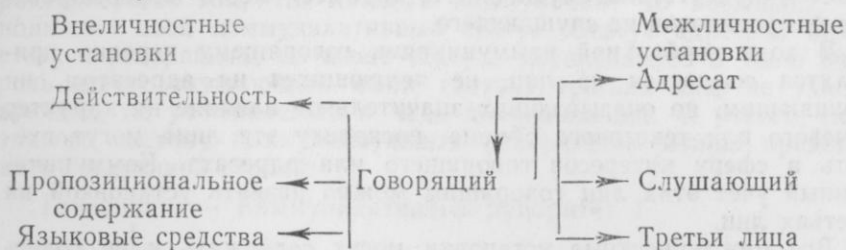
Установка на пропозициональное содержание не совпадает с установкой на действительность, так как пропозиции не принадлежат действительности, а отражают ее в языковых выражениях и находятся в сфере действия модальных, иллокутивных и прочих операторов, задающих те или иные отношения между миром и содержанием наших мыслей. Поэтому пропозиции должны быть согласованы с миром [10, с. 53].

Установка на языковые средства предполагает, что в каждом конкретном случае говорящий для выражения пропозиционального содержания и прочих установок выбирает те средства, которые, по его мнению, оптимальным образом удовлетворяют его конкретной коммуникативной задаче.

К сфере установки на языковые средства следует отнести выбор функционального стиля, использование литературных или диалектных форм языка, возможность употребления устаревших выражений и т. д., вплоть до выбора конкретных синтаксических конструкций и конкретной лексики.

Внеличностные установки также могут содержать оценку. Хотя оба вида установок — межличностные и внеличностные рассматривались здесь порознь, это не означает, что между ними отсутствует связь. Напротив, эта связь является самой тесной. В самом деле, выбор тех или иных фактов действительности, пропозиционального содержания и языковых средств всегда рассчитывается говорящим на определенного адресата, корректируется с учетом слушающих, если таковые имеются, и может соотноситься с третьими лицами.

Рассмотренная здесь система установок может быть представлена следующей схемой:

Выбор говорящим практически любой установки обусловлен коммуникативно-релевантными характеристиками коммуникантов. Выявить тонкие закономерности этого выбора и показать, какие признаки в каждом конкретном случае оказываются ведущими, означает проникнуть в святая святых общения людей.

- Список литературы: 1. Гак, В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М., 1973. С. 349—372. 2. Кларк Г. Г., Кардсон Т. Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. 1986. С. 270—321. 3. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции). 1982. 432 с. 4. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985. 271 с. 5. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. 695 с. 6. Сусов И. П. Предложение и действительность // Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств. Калинин, 1980. С. 11—25. 7. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М., 1960. 372 с. 8. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972. 259 с. 9. Maliz D. N., Borker R. A. A Cultural Approach to Male—Female Miscommunication // Language and Social Identity / Ed. J. Gumperz. Cambridge. 1982. P. 196—216. 10. Searle J. R. and Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logic. Cambridge etc., 1985, 227 p.

Поступила в редколлегию 01.09.87

**О «ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКЕ» И
«КОММУНИКАТИВНОЙ ГРАММАТИКЕ»**

На первый взгляд, эти названия могут показаться синонимичными, так как: «функциональная... грамматика возникает в рамках наиболее перспективного и прогрессивного (коммуникативного) подхода к языку» [5, с. 139]; «с функциональной точки зрения язык рассматривается как инструмент, используемый людьми в целях общения» [1, с. 111]; «функциональная грамматика описывает факты языка с точки зрения их использования в данном произведении речи в данных условиях» (там же); «коммуникативная грамматика... дает систематическое описание грамматических структур во взаимосвязи с их значением, употреблением и ситуацией» [13, с. 11]. Если согласиться с высказыванием В. М. Солищева, «речь — это язык в действии, в функционировании» [9, с. 35], то функциональная грамматика — это прежде всего грамматика речи. С другой стороны, речь — это общение, осуществляемое с помощью языковых средств, поэтому коммуникативная грамматика — тоже грамматика речи. Возникает вопрос о совпадении границ коммуникативной грамматики и функциональной грамматики, и этот вопрос только кажется тривиальным.

Дело в том, что, по мнению многих лингвистов, [8, с. 21—24] коммуникативная функция — только одна из функций языка (выделяют также когнитивную, эмотивную и другие функции). Получается, что коммуникативная грамматика представляет собой всего лишь часть функциональной грамматики. Такое впечатление складывается при следующих высказываниях: «тема-рематический анализ ...названный анализом функциональной перспективы предложения или шире — коммуникативного синтаксиса» [8, с. 64]; «и в центр интересов данной работы (данного фрагмента функциональной грамматики английского языка) был положен актуальный аспект синтаксиса английского языка» [8, с. 188]. Наряду с функциональным синтаксисом (актуальным аспектом синтаксиса), пишет Н. А. Слюсарева, необходимо создать «функциональную морфологию», которая мыслится как аналоговый аспект синтаксиса (иными словами — ролевая грамматика), теснейшим образом связанный с репертуаром морфологических категорий [8, с. 190]. Имеется в виду нечто похожее на функциональную грамматику А. В. Бондарко, которая может быть кратко охарактеризована как грамматика функционально-семантических полей (ФСП) и категориальных ситуаций [2, с. 20—32; 3, с. 21]. В основе значительного числа ФСП, объединяющих элементы разных уровней, лежат морфологические категории, о чем говорят такие названия ФСП, как поле актуальности, поле темпоральности, поле залоговости и т. д.

Не следует думать, что функциональная грамматика в таком

виде есть что-то принципиально новое. Достаточно вспомнить, что и ранее в хороших грамматических описаниях характеристика грамматических форм и конструкций сопровождалась перечнем их функций и примерами из разнообразных текстов (см., напр. [10]). Правда, далее перечисления дело обычно не шло — лишь спорадически и в иных терминах функционирование грамматических форм соотносилось с коммуникативным намерением говорящего или пишущего и с официальной/неофициальностью ситуации общения.

Целесообразно поэтому попытаться уяснить, что исследует и описывает функциональная грамматика в том виде, в котором она существует в данный момент. В своем ФСП-варианте функциональная грамматика являет собой более высокую ступень описания языковой компетенции, а в аспекте обучения языку — правильного использования языковых форм в речевом отображении той или иной денотативной ситуации. Но, и это естественно, ФСП-вариант не может выйти за пределы денотативной семантики в область так называемой коммуникативной семантики, которая определяется как семантика выбора из нескольких семантических структур, соответствующих одной денотативной ситуации, обусловленного ситуацией общения (ср. [7, с. 12]). Знание факторов, обуславливающих выбор языковых средств в зависимости от динамики ситуаций общения, осознание не только правильности употребляемых конструкций, но и их уместности относительно цели и ситуации общения составляет то, что Д. Хаймс назвал коммуникативной компетенцией [12].

Чтобы, например, предпочесть длительную форму прошедшего времени как более вежливую с целью узнать причину появления незнакомца в своем саду носителю, в данном случае носительнице, английского языка, недостаточно того, что эта форма является компонентом ФСП темпоральности и аспектуальности, ср.: Sheila: Are you — er...? Gregory: I beg your pardon? Sheila: Were you wanting to see someone? Gregory: Yes. Sheila: My husband? Gregory: Not...altogether... Sheila: Me? Gregory: Partly (Ayckbourn). Вполне очевидно, что подобных коммуникативных (прагматических) функций грамматических форм ФСП-вариант функциональной грамматики не учитывает. Если же функциональная грамматика замыкается на ФСП, то принципиально новых сведений их анализ для хорошо изученных европейских языков почти не дает (ср. [5, с. 140]).

Обратимся к другому фрагменту функциональной грамматики, упоминавшемуся выше, — актуальному синтаксису. Если подойти строго, то придется признать, что теория актуального членения не добилась впечатляющих успехов по сравнению с фактом, установленным в самом начале — потенциальной способностью подлежащего выражать тему, а сказуемого — рему. По своей значимости это не отличается от того факта, что определенные синтаксические построения потенциально соотносятся с вопросительной интонацией, другие — с повествовательной. В свя-

зи с последним можно вспомнить, что вопросительная интонация, наложенная на «повествовательную» синтаксическую структуру, образует вопросительное высказывание. Возникает вопрос, а всегда ли сказуемое функционирует как рема, или «коммуникативный центр» высказывания (о равнозначности терминов рема и коммуникативный центр высказывания [4, с. 106]).

Большинство лингвистов сходятся в том, что в актуальном синтаксисе центральной единицей анализа является высказывание, которое, в отличие от абстрактной модели предложения, относится к определенному отрезку действительности, к конкретной ситуации и представляет собой органическую составную часть дискурса. Но в таком случае возникают сомнения относительно целесообразности сведения коммуникативного аспекта синтаксиса к тема-рематическим отношениям. В речи не менее важным оказывается выделение коммуникативного фокуса высказывания с помощью «акцентного выделения» (АВ). Возьмем два высказывания — одно с нейтральным произнесением, второе — с акцентом на слове пальто: «Я прошу дать мне пальто» и «Я прошу дать мне ПАЛЬТО». «В обоих случаях ремой будет слово *пальто*. Тот существенный для коммуникативных целей факт, что во втором случае возникает фраза — тень: «а не...», оказывается для теории актуального членения незначительным» [6, с. 39]. Между тем при общении на английском языке в предложении с его относительно жестким порядком слов акцентное выделение часто является единственным средством выделения коммуникативного фокуса: если, например, в предложении *He'll be twenty in August* выделить с помощью интонации и ударения слово *twenty*, то высказывание будет о том, что «ему» в августе исполнится именно двадцать лет; если же выделить *August*, то высказывание будет о том, что двадцать лет ему исполнится именно в августе, а не в каком-либо другом месяце [11, с. 15]. Без акцентного выделения высказывание *John called Mary a Republican, and then she insulted him* характеризует скорее странность поведения Мэри; если же акцентное выделение помещается на местоимении *him* (при этом, кажется, ударным становится и местоимение *she*), то можно заключить, что в социальной группе, к которой принадлежат Джон и Мэри, назвать кого-то республиканцем значит нанести ему оскорбление [6, с. 3].

Знаменательно, что с помощью акцентного выделения практически любой элемент высказывания, независимо от того, входит он в состав «ремы» и «темы» или нет, может стать его коммуникативным фокусом, что подтверждают результаты опроса информантов. Предложение *I didn't take your rep* было предъявлено 13 информантам (англичанам и американцам) с просьбой поместить акцентное выделение в какой угодно последовательности и во всех возможных вариантах. Из общего числа акцентных выделений (30) чаще всего выделялись элементы *I*, *didn't* и *your* (соответственно 8, 7 и 6 раз); *take* выделено 5 раз, а *rep* — 4 раза. Т. М. Николаева не делает попытки со-

поставить традиционное актуальное членение с акцентным выделением традиционно тематического члена (в данном примере элемента I), но автор данной статьи склонен считать, что в высказывании с акцентным выделением I именно этот элемент становится ремой. Высказывание с акцентным выделением I подракумеваает «взял кто-то другой, но не я». Интересно, что в отличии от первых двух высказываний I didn't take your pen и I DIDN'T take your pen, которые можно назвать общеотрицательными, высказывания с АВ на TAKE, YOUR и PEN являются частно-отрицательными: «не взял, а одолжил»; «взял не вашу ручку, а чью-то еще»; «взял не ручку, а что-то еще». Кстати, rep с АВ было меньше всего, что вполне объяснимо — АВ здесь выполняет функцию контрастного ударения для элемента уже входящего в состав ремы. Коммуникативный фокус высказывания может выделяться не только с помощью АВ, но также путем опущения элементов структуры предложения, не несущих большой коммуникативной нагрузки и/или известных из контекста, а также из описываемой денотативной ситуации.

Сказанное — отнюдь не призыв отказаться от термина функциональная грамматика, тем более от ФГ как направления в лингвистике, поскольку она опирается на описания языка и речи, осуществленные с помощью других грамматик. В то же время, если ФГ призвана быть грамматикой речевого общения, или коммуникативной грамматикой, то термин этот должен быть наполнен новым содержанием. По-видимому пора преодолеть боязнь покинуть пределы чисто языковых явлений и заняться изучением всех форматоров коммуникативных (прагматических) смыслов высказываний. Тем более, что грамматика речевого общения необходимо предполагает существование и совершенствование внутриязыковых системно-структурных грамматик, так как коммуникативная компетенция предполагает наличие языковой компетенции.

Список литературы: 1. Александрова Е. С., Минаева Л. В., Миндрул О. С. Основные аспекты изучения языка на 13 Международном конгрессе лингвистов // *Вопр. языкознания*. 1983, № 5. С. 110—117. 2. Бондарко А. В. Категориальные ситуации // *Вопр. языкознания*. 1983, № 2. С. 20—32. 3. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. Л., 1984. 133 с. 4. Кормановская Т. И. О коммуникативной организации сложносочиненного предложения (На материале английского языка) // *Вопр. языкознания*. 1987, № 3. С. 102—110. 5. Кубрякова Е. С. // *Вопр. языкознания*. 1987, № 2. С. 137—141. Рец. на кн. А. В. Бондарко. Функциональная грамматика. Л., 1984. 133 с. 6. Николаева Т. М. Семантика акцентного выделения. М., 1982. 104 с. 7. Почепцов Г. Г. Коммуникативные аспекты семантики. К., 1987. 132 с. 8. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981. 208 с. 9. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // *Вопр. языкознания*. 1984, № 2. С. 31—42. 10. Хаймович Б. С., Роговская Б. И. Теоретическая грамматика английского языка. М., 1967. 298 с. 11. Brazil D., Coulthard M., Johns C. Discourse intonation and Language teaching. — Lnd.: Longman, 1980. 205 p. 12. Hymes D. On communicative competence // *Sociolinguistics* / Ed. by J. B. Pride and J. Holmes. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 269—294. 13. Leech G., Svartvik J. A communicative grammar of English. Lnd.: Longman. 1975. 323 p.

Н. А. ТОРОПОВА, д-р филол. наук

**ТИПОВЫЕ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЛАСТИ
АБСТРАКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ (на материале немецких
логических частиц)**

Принципиальным теоретическим положением многих современных лингвистических направлений является коммуникативный подход к языку. Усилия специалистов направлены на поиски адекватных моделей речевых актов — главных структурных единиц языкового взаимодействия [2, с. 50—52].

В качестве основных элементов речевого акта выделяются: говорящий; адресат; текст. Из этих компонентов важнейшими являются говорящий (отвечает за то, каким будет текст) и *текст*. Именно в тексте в конечном счете находит отражение вся *речемыслительная деятельность* говорящего (курсив мой — Н. Т.) [2, с. 42]. На основании языковых фактов, извлекаемых из текста, можно сделать определенные выводы относительно мыслительной деятельности человека, получить некоторое представление об устройстве его сознания.

Компоненты сознания говорящего

Виды памяти	Сенсорная сфера	Рациональная сфера	Вербальная сфера
Постоянная память	Образная память	База знаний	Язык (словари, грамматика)
Поле зрения	Чувственный образ КС и ФД	Текущее сознание	Текущий текст

КС — коммуникативная среда; ФД — фрагмент действительности [2, с. 34].

В процессе создания текущего текста участвует сознание, которое оперирует вербальными единицами, заимствованными из языка.

В наши задачи входило наблюдение над речемыслительной деятельностью, знаками которой являются логические частицы — служебные слова со значением *только, лишь, даже, еще, уже, именно* и т. п. сущность которых состоит в том, что они являются средством организации текста, его смысловых отношений. Предметом обсуждения данной работы является одно значение *только*, но принципы подхода и методы анализа распространяются на все слова этого класса.

Рассматривая возможность построения функциональной (активной) грамматики русского языка, Н. Ю. Шведова исходит из

четырех изначальных функций языка. К их числу она относит: 1) функцию именования; 2) функцию непосредственной коммуникации; 3) функцию представления всех видов зависимостей, связей и соотношений; 4) функцию квалификации и оценки (подчеркнуто мною — Н. Т.) [7, с. 30].

Интересующие нас логические частицы выполняют прежде всего третью функцию, т. е. функцию связи и соотношения однородных понятий. Эта функция ускользала от внимания исследователей, не выходявших за рамки отдельных изолированных предложений. В толковых и других словарях семантика таких слов описана по принципу «замкнутого круга», например, значение частицы *nur* разъясняется посредством частицы *bloß*, а значение *bloß* посредством *nur* и т. д. Обращение к тексту позволило выявить совершенно иные аспекты и функции логических частиц и более адекватно описать их семантику [4].

Рассмотрим несколько примеров.

(1) *Alle* vertraten die Absicht, Bich müße abgelöst werden. *Nur* er stemmte sich dagegen (8, S. 125). «Все придерживались мнения, что Боха нужно сменить. Только он сопротивлялся».

(2) “Was ist da komisches dabei?” “*Nichts. Nur meine Unternehmer, die Reither vom Tagesanzeiger*”, heißen genauso”.

(9, с. 179) «Что в этом странного?» *Ничего. Только моих шефов, Райтеров из газеты «Тагенсанцайгер», зовут точно так же».*

В качестве служебного синсемантического слова логическая частица, в данном случае *nur*, сопровождает другие слова, являющиеся знаменательными частями речи, или целые предложения. Сопровождаемые логической частицей языковые единицы выполняют по отношению к ней роль ядерных элементов, соотносимые частицы с однородными понятиями, которые можно назвать противочленами (термин употреблялся автором в более ранних работах [6] или коррелятами логической частицы.

Корреляты и ядерные элементы логических частиц находятся всегда в разных пропозициях, обычно в разных предложениях, которые объединяют частицы в сверхфразовое единство, образуя его логико-семантическую основу. Последняя представляет собой содержательное значение отношений между коррелятом и ядерным элементом, в приведенных примерах — это значение исключения части из целого: *все* придерживались определенного мнения, один человек был против; в случившемся не было *ничего* странного за исключением одного момента.

В традиционных описаниях логических частиц корреляты не учитывались, но связующая (соотносительная) функция частиц интуитивно ощущались. Факт нашел отражение в том, что многие логические частицы относили (и сейчас нередко относят) к союзам. Текст дает возможность выявить типы коррелятов, соответственно типы контекстов употребления логических частиц и виды связей в форме весьма абстрактных отношений между пропозициями. Так, для частицы *nur* «только» характерен контекст приведенного типа, т. е. с кванторами общности и отрицания (*все*,

ничего) в качестве коррелятов¹ и со значением исключения части из целого. Это значение возникает лишь в процессе создания текущего текста.

Типизированные контексты функционирования логических частей с их абстрактным релятивным значением можно отнести к «шаблонным блокам типового текущего сознания», облегчающим построение каждой конкретной мысли [2, с. 49]. В своей речемыслительной деятельности говорящий стремится использовать прежде всего типовое, поскольку его легче и быстрее приспособить к конкретной ситуации. Текущее сознание оперирует вербальными единицами, в том числе схемами отношений, заимствованными из языка. А. В. Бондарко подчеркивает, что правила и типы функционирования языковых единиц относятся к системе языка, представляя собой его активный, динамический аспект [1, с. 23].

Выявление типовых контекстов функционирования частиц представляет собой важную и достаточно сложную задачу, однако такое исследование является скорее ответом на вопрос, *как* функционирует язык и соответственно сознание. Современная же теория и прикладные задачи лингвистики требуют ответов на вопросы типа *почему?* [2, с. 37].

319559 Применительно к нашим примерам (1) и (2) возникает вопрос: почему в структурах со значением «все — исключение х», «ничего за исключением х» сначала делается категоричное утверждение относительно всего множества, затем дается противоречащая этому информация? Вернемся к диалогу (2) в русском варианте.

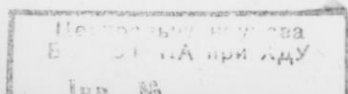
— Что в этом странного?

— *Ничего. Только моих шефов ... зовут точно так же.*

На вопрос человек уже ответил с полной определенностью отрицательно («Ничего»), затем, несмотря на категоричность предыдущего утверждения, возразил сам себе. Чем это объясняется?

Ответ на поставленный вопрос не дан нам в прямом наблюдении. Подобные явления можно объяснить с позиций приоритетных стратегий, которые действуют по принципу «более важного» и признаются современной теорией одним из главных механизмов текстообразования. Интересное объяснение в плане приоритетных стратегий получили, например, сочинительные конструкции [2, с. 146—219]. Существует мнение, что члены сочинительных структур равноправны в семантическом отношении, следовательно, соединены произвольно. Однако в большинстве случаев слова нельзя менять местами, например *муж и жена, отцы и дети, профессора, преподаватели и студенты*. Сочинение организовано по принципу приоритета и первая позиция предназначается для более

¹ Интересно, что английская частица *only* с одинаковым значением «только» функционирует в подобных же контекстах, т. е. с общим утверждением или отрицанием в препозиции [3].

важного, престижного с определенной точки зрения — социальное/ общественное положение, возраст, большая/меньшая активность («хищник и жертва») и т. п.

Аналогичное объяснение могут получить и обсуждаемые нами семантические структуры «все/ничего за исключением х», но отношения здесь гораздо сложнее сочинительных отношений. Дело в том, что логические частицы не только соотносят понятия, но и маркируют ремю высказывания. На семантические структуры отношений, обозначаемых логическими частицами, накладывается в обязательном порядке рематическое значение. Если логическая частица сопровождает не предложение, а слово, то последнее обязательно является ремой в предложении, и, как правило, выделяется логическим ударением. В примере (1) сочетанием *пуг* *ег только он* представлен рематический элемент. По всей вероятности, в данном случае следует говорить о двух приоритетных линиях.

Описывая фрагмент действительности, говорящий оценивает ситуацию в целом, отвлекаясь от частных. Информирова же в дальнейшем об исключении, говорящий выделяет его как важное и новое для адресата, т. е. как ремю. Вопреки первому, логическому, приоритету на первый план выступает приоритет коммуникативный. Таким образом, логическая частица в сочетании со знаменательным словом служит знаком целого комплекса мыслительных операций, в том числе оценочных приоритетного характера, причем находящихся в определенном противоречии друг с другом.

Как в структурах с логическими частицами, так и в приведенных выше сочинительных конструкциях реализованы опять-таки типовые приоритетные стратегии, которые не зависят от индивидуального намерения говорящего [2, с. 52]. Типовыми могут быть также коммуникативные намерения и другие аспекты речевых актов, в том числе принципы выделения новой для адресата информации (ремы). Употребляя слово с логической частицей, говорящий автоматически приписывает этому слову функцию ремы.

Изложенное показывает, что типовые контексты функционирования логических частиц позволяют сделать косвенные заключения об определенных «шаблонных блоках типового текущего сознания», т. е. о «регламентированной» речемыслительной деятельности говорящего, включающей приоритетные стратегии логической и коммуникативной природы достаточно высокой степени абстракции.

В заключение отметим, что правила функционирования логических частиц далеко не всегда сводимы к типовым контекстам и, следовательно, не всегда свидетельствуют о типовых речемыслительных процессах. Явления такого порядка требуют специально-го освещения, хотя и частично и в несколько ином ракурсе они затрагивались в других работах автора.

Список литературы: 1. Бондарко А. В. К теории функциональной грамматики // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985. С. 16—29. 2. Моде-

лирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под ред. А. Е. Кибрика, А. С. Нариньяни. М., 1987. 280 с. 3. Оскотская Б. А. К вопросу о значении частиц в современном английском языке // Студия германистика, Л., 1976. С. 199—209. 4. Торопова Н. А. Семантика и функция логических частиц. Саратов, 1980. 173 с. 5. Торопова Н. А. Логические частицы как знаки способов мышления в немецком и русском языках // Контрастивная и функциональная грамматика. Калинин, 1985. С. 134—139. 6. Торопова Н. А. Положительный противочлен отрицания nicht (пресуппозиция отрицаний) // Филол. науки. 1978, № 2. С. 68—78. 7. Шведова Н. Ю. Один из возможных путей построения функциональной грамматики русского языка // Проблемы функцион. грамматики. М., 1985. С. 30—37. 8. Claudius E. Menschen an unserer Seite. Berlin, 1960. 9. Weiskopf F. G. Abschied von Frieden. Berlin, 1961.

Поступила в редколлегию 10.10.87

И. Я. ХАРИТОНОВА, д-р филол. наук
Л. А. ИВАНОВА

СТЕПЕНЬ АДЕКВАТНОСТИ ОТРАЖЕНИЯ МИРА В ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

В настоящее время наиболее естественной и отвечающей истинному положению вещей является антропоцентрическая теория языка.

Антропоцентрическая точка зрения на язык предполагает рассмотрение языка не самого по себе, а во взаимодействии с мышлением, в соотношении *язык — мышление*, входящем в гносеологическую триаду *объективная действительность — мышление — язык*. Отражая в языке реальный мир, человеческое мышление определенным образом обобщает и упрощает объективную связь явлений природы и вносит элемент субъективности, обусловленный активным творческим характером познавательной деятельности человека. Субъективный элемент сохраняется на уровне языковой интерпретации мысли и влияет на процесс отражения внешнего мира в языковой системе: в зависимости от глубины познания человеком реального мира, от правильного «видения» его, этот мир будет представляться в языке в более или менее адекватном виде.

Специфика репрезентации объективной действительности в языке детерминирована двумя факторами: объективными, т. е. закономерностями реальности, и субъективными, т. е. особенностями человеческой природы — биологическими и социальными. Адекватность/неадекватность отражения объективной реальности в языке прослеживается на множестве явлений, относящихся, в частности, к области лексико-грамматического взаимодействия. В качестве примера рассмотрим один из лексических пластов современного немецкого языка — глаголы со значением «появление».

«Появление» в широком смысле слова может рассматриваться как процесс восприятия чего-либо в результате воздействия объекта на органы чувств человека. Так как любой процесс восприятия

предполагает обнаружение объекта в воспринимаемом поле, различение в этом объекте отдельных признаков и их синтез [3, с. 92], то сам процесс появления обязательно будет связан с субъектом восприятия, с субъектом появления и разнообразными ощущениями (зрение, слух, обоняние, осязание, вкус), благодаря которым различаются определенные области восприятия: визуальное восприятие, слуховое восприятие, восприятие обонянием, тактильное и т. п. Благодаря их взаимодействию осуществляется образное восприятие предметов окружающего мира, т. е. создается субъективный образ объективного мира [2, с. 426].

Таким образом, отсутствие изоморфизма между внеязыковой ситуацией «появление» и ее интерпретацией в языке очевидно.

Поскольку одной из наиболее важных областей восприятия является визуальное восприятие [2, 393] и в лексикографических источниках различных языков «появление» трактуется только в связи с визуальностью, то при анализе немецких глаголов акцент будет сделан именно на визуальном восприятии.

Значение появления может реализоваться в четырех семантических вариантах с четырьмя основными семами глаголов:

1) появление в пространстве конкретного предмета (в широком смысле), воспринимаемого человеком визуально (сема «визуальное представление»);

2) перемещение в пространстве и появление в определенной точке пространства в результате перемещения (сема «движение»);

3) противопоставление: отсутствие — наличие предмета (в широком смысле) — (сема «начало бытия»);

4) изменение характеристики предмета — возникновение (появление) нового физического свойства (сема «физическое свойство»).

В соответствии с названными семами выделяются четыре семантические подгруппы глаголов появления: глаголы визуального представления (*sich zeigen, sichtbar werden* и др.); глаголы движения (*kommen, aufsteigen* и др.); глаголы начала бытия (*entstehen, sich bilden* и др.); глаголы физического свойства, обозначающие появление светового элемента (*aufleuchten, aufblitzen* и др.).

Соотнесенность процесса появления с процессом визуального восприятия, а на основе этого наличие в значении появления семы «визуальность», указывает на то, что в смысловой структуре глаголов появления, представленных четырьмя семантическими подгруппами, заложен семантический компонент, который предeterminирует обязательное выражение *пространства*.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что время как объективно реальная форма существования материи, которое в действительности неотделимо от пространства, а в языке характеризуется своими индивидуальными формами выражения, не специфично для семантики глаголов появления, т. е. оно не предопределяется содержательной структурой данных глаголов.

Объясняется это тем, что пространство и время имеют наряду с общими, универсальными свойствами, присущими различным сферам бытия материи (объективность, независимость от сознания человека, абсолютность, неразрывная связь друг с другом и др.) свои специфические свойства, которые определенным образом влияют на способы выражения пространства и времени в языке.

Представив эти свойства в сравнении, можно обнаружить, что время более абстрактно, визуально не наблюдаемо, так как оно не представляет собой отдельной вещи или какого-либо специального физического процесса. В силу этого временные характеристики свойственны глаголам появления, как и любым другим процессуальным глаголам.

Пространство более конкретно, его формы и размеры, характеризующиеся трехмерной протяженностью, визуально воспринимаемы, наблюдаемы человеком. Следовательно, восприятие появления чего-либо должно обязательно предполагать восприятие пространства появления, что, естественным образом, обуславливает наличие в смысловой структуре глаголов идеи пространства (семы локальности). Экспликация данной семы в предложении осуществляется разными способами — явным или имплицитным.

Выделение в смысловой структуре глаголов появления семы локальности ставит ряд вопросов, связанных со сложным и неоднозначным характером самого понятия «пространство». Под пространством понимается, в частности: *непосредственное окружение человека* (дом, комната, улица) — все то, что находится на наиболее близком расстоянии от человека или является местом нахождения самого человека и в связи с этим имеет конкретный характер; *сфера деятельности человека* (типа завод, институт, кафедра и т. п.), что представляет собой более широкий смысл пространства; *географическая территория* (город, область, страна и т. п.), характеризующаяся широкими пространственными границами, способными переходить в некую абстракцию (типа полюс, экватор и др.); и, наконец, *Вселенная* — весь окружающий (близкий и далекий) человека материальный мир.

Неодноплановый характер пространства получает свое выражение в языке. В связи с этим возникает вопрос: что обуславливает языковое выражение представленных выше разных видов пространства? Несомненно то, что глагол не дифференцирует пространственного смысла. Ср., например, центральные глаголы анализируемой группы *erscheinen*: *Der Mann erschien in der Tür. Das Schiff erschien am Horizont. Am Himmel erschien ein Stern.*

Таким образом, смысловая структура глаголов появления только предопределяет выражение семантики пространства; задачу конкретизации его различных параметров выполняет *субъект появления*, его содержательная структура. Субъектную позицию могут занимать имена существительные, обозначающие: а) категории материального мира (имена с конкретными значениями); б) мыслительные категории (имена, обозначающие

абстрактные понятия). Основным отличительным признаком (имеющим в данном случае первостепенное значение) имен является признак визуальности: конкретные имена обладают данным признаком, у абстрактных имен он отсутствует. На этой основе все субъекты появления делятся на визуально воспринимаемые и визуально невоспринимаемые субъекты.

В зависимости от степени удаленности от органа восприятия человека, в чьем поле зрения оказывается тот или иной возникающий (появляющийся) предмет, первая группа субъектов появления распадается на три подгруппы по трем признакам, а именно:

1) *визуальное восприятие на близком расстоянии* (имена существительные, обозначающие людей и их совокупности, особей животного мира, артефакты);

2) *визуальное восприятие на отдаленном расстоянии* (имена существительные, обозначающие предметы естественного происхождения типа Berg, Wald и т. п.);

3) *визуальное восприятие на очень далеком расстоянии и в связи с этим возможность искаженного восприятия* (имена уникальных объектов — Sonne, Stern).

К визуально ненаблюдаемым субъектам появления относятся имена психических состояний, эмоций (типа Hoffnung, Freude и др.).

Промежуточное звено между двумя выделенными группами субъектов появления — имена, обозначающие физические явления, проявление некоей субстанции (Licht, Feuer). Эти имена составляют нижнюю границу конкретности, которая примыкает к абстрактным именам. Однако они относятся к материальному миру, поскольку обозначают те физические явления, которые воспринимаются органами чувств, соответственно чему способны выступать как субъекты появления.

Различие субъектов появления определяет то или иное конкретное выражение локальности.

Наблюдается следующая закономерность: субъекты подгруппы а) обуславливают более конкретную локальность, чем субъекты подгруппы б). Локальность, предопределенная именами в), содержит в себе наиболее высокую степень субъективности, характеризуется размытостью границ между действительным и видимым.

Данное положение вещей зависит от далекого/близкого расположения появляющегося перед глазами наблюдателя предмета объективной действительности, который в языке представлен как субъект появления. Чем ближе данный предмет находится от взора человека, тем конкретнее и точнее отражается пространство появления данного предмета, и, наоборот, чем дальше расположен предмет, тем неправильней представлено его место появления. По данному поводу отмечается следующее: «В процессе непосредственного созерцания вещи нередко представляются не

так, как они существуют сами по себе, а так, как они воспринимаются в зависимости от условий и самого устройства органов восприятия» [2, с. 76]. Таким условием для настоящего исследования является расстояние между тем, что *появляется* и тем, кто *воспринимает* это появление. (Ср. искаженное восприятие человеком объектов типа «Солнце взошло», «Вдали возникли горы» и т. д.).

Вторая группа субъектов появления, визуально ненаблюдаемых, обуславливает абстрактный характер локальности — «псевдолокальность». В качестве пространства появления выступает внутренний мир человека: его душа, голова, сердце, которые выполняют функции вместилища возникающих чувств, настроений, состояний, заполняющих все «нутро» человека, весь «сосуд» его души [1, с. 98].

Например:

In ihm flammte Hoffnung auf.

In seinem Kopf entstand eine Ahnung.

Итак, под влиянием смысловой структуры субъектов появления выделяются три вида локальности: конкретная, искаженная, псевдолокальность. Чем ближе значение субъекта появления «привязано» к визуальности, тем конкретнее выражается локальность и, наоборот, слабая связь с визуальностью вызывает более свободный характер локальности, ведущий к искаженности, а от него к псевдолокальности.

Таким образом, тезис о субъективности языка подтверждается, наряду с множеством известных фактов, также явлениями искаженного отражения картины мира в языке.

Список литературы: 1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976. 140 с. 2. Большая медицинская энциклопедия / Под ред. акад. Б. В. Петровского, Т. 17. 3-е изд. М., 1981. 3. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

Поступила в редколлегию 01.09.87

Г. В. ЕНГЕР, канд. филол. наук

МЕХАНИЗМ КОНТРОЛЯ ЭТАПА ВНУТРЕННЕГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ

Этап внутреннего программирования включает два звена: звено ориентировки в ситуации и звено ситуативно-смыслового синтаксирования. Звено ориентировки выделяет в соответствии с замыслом предметы и связи между ними. Во втором звене происходит переход от симультанного образа, ситуации к внутриречевым схемам. Высказываются предположения, что для этого звена характерны определенные типы связей: последовательность, смежность, вхождение, причинно-следственная связь и т. п. [1, с. 132—

135; 2, с. 119]. Существуют определенные правила ситуативно-смыслового развертывания симультанного смыслового образа. Эти правила служат как бы накатанными рельсами развертывания и их распад или трудности использования этих правил приводят к тому, что признаки ситуации выхватываются случайно; тем самым затрудняется расчленение и иерархизация материала [1, с. 136].

И. Н. Горелов на основании анализа немоделируемых в художественной литературе особенностей разговорной речи, данных речевой патологии и собственных экспериментов (перекодировка вербального сообщения в жестовое) предположил, что типология нарушений представляет собой одновременно типологическую нормативную систему «внутреннего синтаксиса» [4, с. 72—73]. Представляется, что анализ нарушений в естественной речи путем сравнения дефектного высказывания с высказыванием, соответствующим замыслу, даст возможность определить основные типы правил ситуативно-смыслового развертывания и в соответствии с ними построить модель механизма, контролирующего их выполнение.

Первая группа правил требует «расщепления смысловых сгустков» (термин Л. С. Выготского). Сюда могут быть включены следующие случаи:

1. *Разведение субъекта и объекта действия:* Im Stadtbezirk Dresden beobachtete ein PKW nicht die Vorfahrt. Bei Verkehrskontrollen am vergangenen Wochenende wurden von der Verkehrspolizei 12 Fahrzeuge unter Alkohol gestellt¹.

В этих предложениях вместо обозначения водителя названа автомашина. Смысловой комплекс представлен только одним компонентом. Такие ситуации стали привычными. Поскольку описываемые факты весьма наглядны, то представление о событиях оказывается настолько ярким, что препятствует необходимому развертыванию смысловых комплексов.

2. *Разведение субъекта действия и действия (состояния):*² Beim Versuch, ein Eisenrohr an der Gabelwand einer Scheune abzuschweissen, geriet ein Hausstock in Brand. Отсутствие субъекта действия (напр. des Schweissers) приводит к неправильной связи Versuch и Hausstock.

3. *Разведение действия и его объекта:* Die Kriminalität ist Hauptaufgabe der Räte. Здесь имеется в виду Kampf gegen die Kriminalität. Возможен и обратный случай — представлено только действие: Zu Verleihung der ersten II Preisträger...

4. *Разведение субъекта действия и результата действия:* Weitere Schwarzbauten, die vorgefunden werden können... bis zu 500 DM bestraft werden. Beschädigungen werden strafrechtlich verfolgt.

¹ Здесь и далее все примеры взяты из журнала "Sprachpflege" за 1960—1983 гг. [11].

² Речь идет о семантических категориях. Действие в поверхностной структуре может быть выражено и отглагольным существительным.

Здесь выражен только результат (неправомерных) действий, а имеются в виду лица, совершившие правонарушение.

5. *Разведение объекта действия и его результата:* Bei den Feldbaubrigaden sind 173 200 MDW nicht geerntet werden. Здесь не указан объект действия — Getreide. Его позицию занимает результат действия — плата за труд.

6. *Разведение предмета и его признака (характеристики):* Überschrift: In Kurven ist Geschwindigkeit unangebracht.

Здесь имеется в виду grosse Geschwindigkeit. Надпись на почтовой марке: Der erste Mensch schwebte frei im kosmischen Raum.

Правильно: Der erste Mensch im kosmischen Raum schwebte dort frei.

Необходимость разведения предмета и его признака связана с тем, что в объективной действительности признаки предметов, их свойства, качества неотделимы от самих предметов. «Вещь существует конкретно как данная вещь лишь потому, что существуют другие качественные определенности вещи, отличие от которых и составляет ее собственную сущность» [5, с. 77]. При переходе от симультанного образа ситуации к внутривербальным схемам в соответствии с замыслом требуется представление в этой схеме предмета и его признака.

Вторая группа правил требует развертывания или конкретизации логико-семантических отношений. Сюда могут быть включены следующие случаи.

1. Развертывание причинно-следственных отношений:

Impfaktionen haben begonnen, um der Trinkwasserverschmutzung zu begegnen.

Но цель прививок — не воспрепятствовать загрязнению воды, а предотвратить возможные из-за загрязнения заболевания. Для правильного выражения смысла необходимо восстановить всю логическую цепочку:

Wegen Trinkwasserverschmutzungen (причина) — Krankheiten (1-е следствие) — Impfaktionen (2-е следствие); ... um Krankheiten wegen Trinkwasserverschmutzung zu begegnen.

2. *Экспликация логико-семантических конкретизаторов (указаны в скобках):* Die (nur) leichten Verletzungen, die das Kind erlitt, sind der vorbildlichen Fahrweise des PKW—Fahrers zu verdanken. Bewege dich an heißen Tagen draussen (nur) im Schatten.

В приведенных примерах необходимо включение ограничителя “nur”.

3. Конкретизация временных отношений.

Наиболее типичны здесь следующие взаимосвязи: а) *Период и его часть.* Bis auf 49 Grad im Schatten kletterte in Jordanien das Thermometer; hier herrscht seit 25 Jahren die schlimmste Hitzewelle. Den wärmsten Tag erlebte Prag am 28. Oktober mit 20,1 Grad Celsius. Здесь в обоих случаях необходимо введение конкретизатора in diesem Monat, в противном случае часть периода воспринимается как весь период. б) *Период и повторяемость действия.*

Alle von einem Betrüger geschädigten Personen werden gebeten bis zum 24. täglich von 9 bis 15 Uhr im VPKA vorzusprechen.
Правильный смысл: Alle...werden gebeten bis zum 24 von 9 bis 15 Uhr im VPKA vorzusprechen; VPKA empfängt täglich.

4. Развертывание дистрибутивных отношений: Wir in der DDR verzehren nur acht bis 9 Kilogramm Fisch im Jahr. Здесь имеется в виду про Kopf. Zu beachten ist dabei aber, dass das Gesamtvolumen aller abgestellten Fahrzeuge 30 Liter nicht übersteigen darf. 30 литров — это емкость горючего не всех машин, а каждой в отдельности. Поэтому здесь необходима коррекция — введение дистрибутивного показателя или замена je aller... jeder.

Число приведенных примеров искажений замысла можно было бы легко увеличить. Однако анализ свыше 1500 ошибочных фраз дает основание утверждать, что все они иллюстрируют нарушение двух типов правил — разведения смысловых сгустков и развертывания логико-семантических отношений. И это вполне объяснимо: указанными правилами охватываются основные логические категории — вещь, свойство и отношение, а также важнейшие логико-семантические связи. Смысловые сгустки связаны с универсальными типовыми сочетаниями фундаментальных понятийных категорий, которые выделяет, например, А. В. Бондарко — «действие—действие—адресат», «действие—действие—орудие действия», «субъект состояния—состояние», «носитель признака—признак». Близкие к перечисленным сочетания выделяет и У. Чейф [10, с. 17—19].

Теперь, учитывая результаты анализа «отрицательного материала», полученного в «естественном» эксперименте, перейдем к построению блок-схемы механизма контроля на этапе внутреннего программирования. При этом мы будем опираться на некоторые положения теории А. Р. Лурия о процессе порождения высказывания на ранних этапах [6, с. 21, 24, 26, 36, 65—66, 70; 7, с. 194—195, 198—199, 289].

Первым этапом на пути последовательного превращения мысли в развернутую речь является уровень семантических представлений (психологический коррелят семантической записи в модели «смысл—текст»). Эта исходная «запись» предполагает тематическое членение и образована по типу симультанной, смысловой схемы, состоящей из определенных элементов высказывания и группы векторов или связей между ними. Семантическая запись имеет характер свернутого речевого высказывания, которое в дальнейшем должно быть превращено в систему последовательно связанных элементов. Для отбора соответствующих речевой задаче элементов и включения их в симультанную схему необходимо торможение «фоновых» элементов и множества потенциальных связей. При определенных поражениях мозга, связанных с нарушением контролирующей деятельности, всплывают побочные ассоциации и смысловая запись становится дефектной. Поэтому можно предположить наличие специального механизма, осуществ-

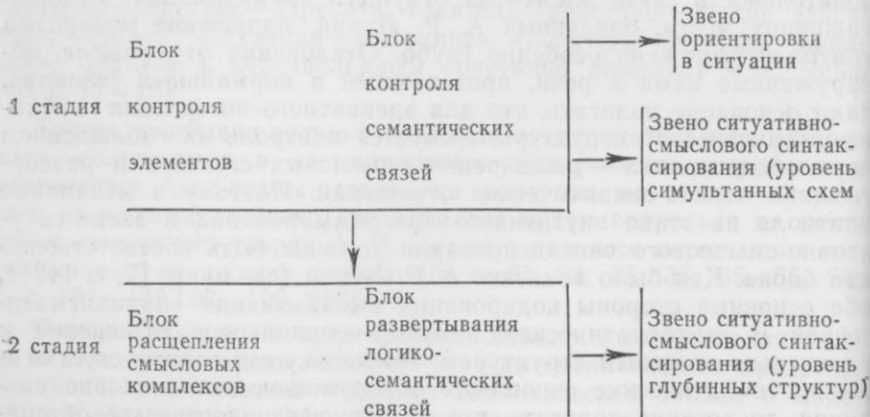
вляющего контроль за правильным образованием смысловой записи. Учитывая ее сложную структуру, можно также полагать, что этот механизм состоит по крайней мере из двух блоков — блока контроля правильности выбора ситуационных элементов и блока контроля связей между ними.

Вторым этапом трансформации мысли является уровень глубинных структур, представляющих собой уже не симультанную схему, а дерево зависимостей. Переход от симультанной синтаксической схемы к глубинно-синтаксическим структурам осуществляется по А. Р. Лурия с помощью внутренней речи, позволяющей вычленив наиболее существенное содержание, фиксируемое глубинно-синтаксическими структурами. Этот переход связан с существенным расширением темы и ремы, которые разделяются на целую цепь звеньев программы-высказывания. Порождение глубинной структуры не только предполагает создание определенной схемы, определяющей последовательность звеньев высказывания, но и постоянный контроль за протеканием всплывающих компонентов высказывания. Нарушение этого контроля в случаях динамической афазии приводит к невозможности перейти от симультанного семантического представления к правильной глубинной структуре — в ней оказывается непредставленной последовательность связи элементов будущего высказывания. При поражениях мозга, описанных А. Р. Лурия, нарушение механизма контроля выражено особенно грубо. Отклонения от замысла, обнаруженные нами в речи, протекающей в нормальных условиях, дают основание полагать, что для адекватного построения глубинно-синтаксической структуры требуется контроль за соблюдением двух видов правил — расширения смысловых сгустков и развертывания логико-семантических отношений. Поэтому в механизме контроля на этапе внутреннего программирования в звене ситуативно-смыслового синтаксирования должны быть соответственно два блока. Как было показано А. Р. Лурия (см. напр. [7, с. 142]), обе основные стороны кодирования высказывания (парадигматическая и синтагматическая) имеют неодинаковое отношение к различным мозговым структурам. Поскольку смысловые сгустки и логико-семантические отношения обнаруживают не меньшие различия, то логично полагать, что их психофизиологическое обеспечение имеет аналогичный характер.

Нарушения в работе механизма контроля на этапе внутреннего программирования высказывания при порождении речи в обычных условиях могут быть объяснены следующим образом.

Речевое оформление мысли — вообще сложная задача: «Ничего более нелогичного, чем предполагать, что этот процесс протекает плавно и не встречает никаких затруднений. У человека, располагающего относительно недостаточным речевым опытом, он неизбежно сталкивается с рядом препятствий» [6, с. 38]. Идеальная цель речевого акта — максимально эксплицитная, полная и точная фиксация мысли и передача ее в адекватной форме слушающему. Решение этой задачи даже для лиц, имеющих

постоянное дело с переработкой речевой информации сопряжено с трудностями [10, с. 19]. Одна из главных трудностей заключается в следующем. Вербализация всей ситуации в целом невозможна и нецелесообразна: она существенно замедлила бы речемыслительную деятельность и фиксировала бы в высказывании элементы, которые и без того понятны воспринимающему информацию. Поэтому говорящий (пишущий) постоянно решает сложную задачу необходимого и достаточного выбора ситуационных элементов с учетом умения воспринимающего воссоздать ситуацию по фоновым знаниям. При этом ситуация, разворачивающаяся перед мысленным взором говорящего, играет двойную роль: с одной стороны, на ее основе производится отбор элементов, а с другой стороны, поскольку говорящему сам замысел (хотя бы в общих чертах) уже известен, то некоторые элементы и связи между ними представляются ему настолько самоочевидными, что он их при ситуативно-смысловом синтаксировании учитывает не полностью или даже вообще не учитывает. На работу механизма контроля внутреннего программирования кроме ситуационных помех и индивидуальных психофизиологических особенностей организма влияют сложность речевой задачи и речевой опыт передающего информацию.

Список литературы: 1. Ахутина Т. В. Нейролингвистический анализ динамической афазии. М., 1975. 2. Ахутина Т. В., Глазман Ж. М., Цветкова Л. С. Проблемы нейролингвистического исследования афазий / А. Р. Лурия и современная психология. М., 1982. С. 119—125. 3. Бондарко А. В. Проблемы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. 4. Горелов И. Н. Неформальные компоненты коммуникации. М., 1980. 5. Колшанский Г. В. Логика и структура языка. М., 1965. 6. Лурия Р. А. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975. 7. Лурия Р. А. Язык и сознание. М., 1979. 8. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982. 9. Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975. 10. Юрьев А. И. О разграничении паронимии и смежных явлений / Актуальные проблемы лексики. Калинин, 1982. 11. *Sprachpflege. Zeitschrift für gutes Deutsch*. Leipzig, 1960—1983.

Модальность принадлежит к тем категориям, содержание которых до сих пор является предметом споров в логике и лингвистике. Формальная логика, как известно, разграничивает узкую и широкую модальность. В узком смысле модальными считаются значения действительности, необходимости и возможности. Соответственно данным типам модальности выделяются ассерторические, аподиктические и проблематические суждения. Данные виды модальности в логике обычно интерпретируются в аспекте «возможных миров». Аподиктические суждения истинны во всех мирах, ассерторические — в действительном мире, проблематические — истинны хотя бы в одном из возможных миров [4, с. 63—64]. Таким образом, в логике значения необходимости и возможности сводятся фактически к истинности, связанной с определенными временными параметрами: необходимым является то, что имеет место в настоящем, прошлом и будущем времени; возможным оказывается то, что имело, имеет и будет иметь место хотя бы в один какой-то момент времени; действительное — это то, что имеет место в настоящий момент [4, с. 65].

В лингвистике значения возможности и необходимости противопоставлены значению реальности, истинности, которая не ограничена, как в формальной логике, каким-то одним параметром времени.

Для современной лингвистики характерно широкое понимание модальности, как такой универсальной категории, которая выражает отношение говорящего к высказываемой мысли и характеризуется весьма разнообразными средствами выражения. Н. А. Слюсарева, например, считает, что данная категория сводится к представлению высказывания говорящим в виде сообщения /утверждения факта как достоверного (реального), возможного, нереального, желаемого, требуемого, необходимого, отрицаемого, вызывающего вопрос/интерес, сомнение, сожаление, удовлетворение, уверенность, предположение и т.п. [3, с. 51—52].

Как видим, в определении модальности в широком функциональном аспекте положены различные субкатегориальные признаки, неравноправные по своей значимости в реализации номинативно-коммуникативного содержания предложения. Отношение говорящего к содержанию высказывания базируется на различных признаках, представляющих основу различных типов, уровней модальности, выделяемой в предложении.

1. В зависимости от отношения говорящего к коммуникативному назначению предложения представляется правомерным выделить следующие типы модальности: констатацию, вопрос, побуждение. Модальность такого рода реализуется в первую очередь в определенных грамматических типах предложений (утвердительно-вопросительном и побудительном), в которых инди-

каторами модальности выступают: определенный порядок слов, интонация, наличие вспомогательного глагола, морфологическое значение глагола. Каждая из данных модальностей носит обличительный характер, являясь одним из основных признаков предложения как коммуникативной единицы языка. Следует отметить, что однозначное соответствие данных модальностей грамматическим значениям глагола соблюдается не всегда. Модальность констатации может реализоваться в утвердительных предложениях с глаголом-предикатом в форме как изъявительного, так и сослагательного наклонения. Значение констатации может быть не связано с грамматической формой глагола вообще, что, например, имеет место в односоставных именных предложениях типа *Ночь. Тишина*. Возможны и совмещения данных модальных значений в рамках одного предложения, например, модальности констатации и вопроса (*Я куда-то положила ручку*), сообщения и побуждения (*У нас не курят*).

Второй слой модальности включает значения совмещающиеся с выделенными выше и базирующиеся на более широких межличностных функциях предложения. Здесь речь идет о таких модальных аспектах, которые приобретают предложение как единица речевого акта. К ним относятся: согласие/несогласие, выражение, отказ, угроза, обещание, упрек, жалоба, приказ, запрещение, предупреждение и т. п. Данные значения, не закрепленные за определенными грамматическими типами предложения, имеют прямые, косвенные и скрытые формы выражения, то есть реализуются в предложениях различного грамматического статуса и лексического состава. Например, отказ на просьбу может выражаться отрицательным предложением (*Не могу*), утвердительным (*Занят*), вопросительным (*Кто же может сделать это так быстро?*), побудительным (*Сделай сам*).

Третий слой модальности базируется на отношении говорящего к содержанию предложения с точки зрения реальности/нереальности действия, его возможности, вероятности, желательности, необходимости. Средства выражения данных значений весьма разнообразны: это и морфологические формы глагола и модальные глаголы, модальные слова, вводные элементы предложения, эксплицитные модусные единицы типа *Я считаю*, *Я надеюсь* и т. п. Специфической особенностью единиц такого рода является их двойственная функциональная направленность. С одной стороны, они сами по себе выражают модальное значение (возможность, вероятность, уверенность и т. п.), а с другой — они модифицируют модальное прагматическое значение всего предложения, т. е. участвуют в выражении модуса категоричности/модуса некатегоричности высказывания. Сравним: *Я полагаю/надеюсь, возможно, надо думать — Я уверен/не сомневаюсь*, очевидно, конечно, действительно, несомненно. В сферу средств выражения модуса некатегоричности/категоричности вовлекаются местоименные слова с семой неопределенности типа *кто-то, как-то, куда-то, как-нибудь*, глагольные транспонированные формы

(Ну, пошли-Пойдем!), порядок слов (Я не буду помогать- Буду я помогать!).

Особого внимания заслуживает изучение функциональной вариативности модальных операторов, модифицирующих не только эксплицитные суждения, но и скрытые пресуппозиции, органически связанные с тем или иным высказыванием. Модальное слово **действительно**, например, может не только интенсифицировать значение истинности, передаваемого предложением факта (Я, действительно, помогу им), но и подтверждать истинность пресуппозиции адресата речи (Я действительно ошибся- Вы считаете, что я ошибся, и это так и есть). Характерно употребление данного прагматического оператора при конкретизации, иллюстрации общего положения, факта (Был допущен ряд ошибок в планировании. Действительно, при планировании объема работ на данном участке...), подтверждении истинности предшествующего высказывания с последующей аргументацией: На недостаточную разработанность теории внутренней формы повлияла также особая сложность ее семантической природы, ее знаковых характеристик: **«Действительно, признание статуса внутренней формы вносит определенные коррективы в интенсификацию языкового знака...»** (Т. Княк).

Модальное слово **конечно** в вопросительном предложении изменяет характер прямого вопроса, ориентируя адресат в сторону подтверждения истинности пресуппозиции говорящего, сравним: Ты знаешь об этом? и Ты, конечно, знаешь об этом?- Я считаю, что ты знаешь об этом, но так ли это? (Прав я или не прав?). В сферу модальных модификаторов вовлекаются весьма разнообразные предикативные единицы-апеллятивы, актуализирующие ассоциативную линию «говорящий—слушающий» [2, с. 35—36]. Общая модальность предложения с такими модификаторами конкретизируется в плане воздействия говорящего на адресат, которого он старается убедить в чем-то, вызвать у него доверие, солидарность, смягчить или усилить категоричность высказывания: поверь мне, уверяю тебя, ты подумай, ты вообрази, ты знаешь, ты представляешь, если хочешь знать и т. п. Апеллятивы такого рода способны не только уточнять коммуникативную функцию высказывания, но и изменять основное модальное значение предложения. В разговорной речи весьма распространены высказывания типа *Ты думаешь, он нам помог?*, в которых модификатор **ты думаешь** является сигнализатором отрицательного значения предложения.

Модальные модификаторы могут выражать и эмоциональное отношение говорящего к высказываемому факту (подумайте только, видите ли и т. п.) и расширять, таким образом, коммуникативную программу говорящего за счет включения в нее элемента побужительности.

Модальность предложения может базироваться на субкатегориальном признаке эмоционального отношения говорящего к содержанию высказывания. В круг данных значений включают-

ся такие, как одобрение, восхищение, удовлетворение, возмущение, досада, упрек, осуждение, ирония. В составе предложения данные значения могут быть выражены лексическими конституентами (к счастью, видите ли, к несчастью), порядком слов (Будет она помогать!). Частицы и союзы обладают весьма емким экспрессивно-эмоциональным потенциалом: сравним: Он не позвонил — Он даже не позвонил. Он не может придти — Но он не может придти — Но он же не может придти. Яркой иллюстрацией грамматических средств выражения данного значения являются инфинитивные предложения, основное коммуникативное значение которых сводится не к сообщению, передаче новой информации, а к выражению эмоциональной реакции на определенный факт: Не сказать ни слова! — осуждение; Успеть так много сделать! — одобрение, восхищение.

В предложении различается также модальность оценки: положительная, отрицательная, нейтральная. Как известно, в языке оценка выражается различными средствами: лексическими, грамматическими, лексико-грамматическими, интонационными. Модальное значение оценки носит в языке факультативный характер и может реализоваться как единица модуса, отделенная от структуры, выражающей предметно-логическое содержание высказывания (хорошо) плохо, что...; К счастью он пришел вовремя. Однако в большинстве случаев оценочный модус сливается с диктальной частью предложения и представлен, таким образом, имплицитно. В образовании оценочного модуса участвует положительная и отрицательная лексика, включающая денотативные и прагматические семы оценки: «Целесообразно различать имплицитные и эксплицитные внутренние формы» (Т. Р. Кияк) — положительный модус. «Недооценка категориальных свойств внутренней формы привела к нагромождению в современном языкознании различных терминов и понятий...» (Т. Р. Кияк) — отрицательный модус. Оценочное значение может быть присуще грамматической форме, например, императиву, предполагающему положительную оценку побуждаемого действия со стороны адресанта и отрицательную оценку действия противоположного. В изучении оценочной модальности предложения особый интерес представляет исследование совмещения оценочного значения с другими модальностями. Лингвисты отмечают, что оценочная модальность не противопоставляется в целом другим модальным значениям, а совмещается с ними, хотя при этом могут возникать ограничения на сочетаемость и модификации оценочных структур. Аффективная лексика, например, обычно не употребляется в побудительных предложениях /*Сделай это прекрасно!/* или же в вопросах: /*Ты прекрасно провел время?/* [1, с. 124].

В заключение отметим, что модальное значение предложения не может сводиться, как это имеет место в логике, только к истинности суждения и ограничиваться формами наклонения глагола сказуемого. Предложение как номинативно-коммуникативная еди-

ница языка характеризуется синкретизмом облигаторных и факкультативных модальных значений, лежащих в основе прагматических аспектов высказывания. Необходимость пересмотра вопроса о содержании категории модальности, предполагающего выход за пределы предложения в сферу текста, диктуется всем ходом исследования языковых единиц и их категорий в рамках функциональной грамматики.

Список литературы: 1. Вольф Е. В. Функциональная семантика оценки. М., 1985. 2. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986. 3. Слюсарева Н. А. Проблемы функциональной морфологии современного аглийского языка. М., 1986. 4. Формальная логика / И. Я. Чупахин, А. М. Плотников, К. А. Сергеев и др. Л., 1977.

Поступила в редколлегию 01.09.88

Е. В. ТАРАСОВА, канд. филол. наук

О МНОГООАСПЕКТНОЙ ПРИРОДЕ ВРЕМЕНИ (ВРЕМЯ ФИЗИЧЕСКОЕ, ПЕРЦЕПТУАЛЬНОЕ, ЯЗЫКОВОЕ, ХУДОЖЕСТВЕННОЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ)

Анализ категории времени — одна из наиболее активно разрабатываемых тем в отечественной и зарубежной науке. Проблема времени привлекает не одно поколение исследователей своей неисчерпаемостью и многогранностью. Оставаясь традиционной в науке, она предстает сегодня как никогда ранее актуальной, источником непримиримой борьбы диалектико-материалистических и идеалистических идей. Это закономерно, ибо понятие времени, наряду с понятиями пространства и движения, — одна из важнейших категорий диалектико-материалистической теории познания. Выявление многочисленных аспектов проблемы времени, которые привлекают в настоящий момент ученых самых различных специальностей, вызвано объективным процессом дифференциации знания. Поскольку познание рассматривается в марксистской гносеологии как процесс, основанный на практической преобразующей деятельности человека, постольку требуют изучения темпоральные характеристики самого процесса отражения действительности, активного, творческого осмысления бытия. Занимая важное место в модели мира, время характеризует ту или иную культуру наряду с другими компонентами этой модели.

Основная идея, неоднократно подчеркиваемая и философами, и представителями других наук — это идея о комплексном характере времени, которая требует для решения этой проблемы усилий ученых самых разных специальностей и направлений. Комплексный характер проблемы времени, независимо от того, в рамках какой научной дисциплины она рассматривается, выражается в ее довольно

сложной концептуальной структуре. Несмотря на столь важную и постоянно возрастающую роль феномена времени во всех сферах деятельности человека, в отношении его природы далеко не все ясно. Ученым приходится признать, что достоверных научных данных о восприятии времени имеется еще не достаточно, во всяком случае значительно меньше, чем о восприятии пространства.

В последние годы настойчиво высказывается мысль об особых свойствах, содержании и специфике проявления времени на различных структурных уровнях материи, в различных областях познания, человеческой деятельности. Признается, что биолог, психолог, химик, зоолог, физик и языковед могут по-своему изучать время, и познавательный интерес представляет не только абстрактная всеобщность нахождения общественного бытия «во времени» природы, но, главное, факт специфического отражения и воспроизведения времени творчеством, порождения собственного времени в структуре человеческой деятельности.

Как показывает анализ достаточно противоречивой литературы по данному вопросу, основная трудность заключается в том, чтобы выяснить основные «модальности времени» [3], принципы их различения, а также определить их инвариантные свойства и мировоззренческое содержание различных представлений о времени. Такая полимодальная трактовка ориентирована на то, чтобы выявить специфику той или иной формы времени, не допуская «ее редуцирования, „сползания“ к физической форме времени [2, с. 35]. С полным основанием считается, что актуальность признания множественности форм времени особенно возросла в 20 веке, когда вопросы реальности и статуса форм времени стали объектом изучения целого ряда нефизических наук. Плодотворность познания ими своей предметной области осуществляется в специфических теоретических формах, по своему гносеологическому статусу ничем не уступающих физическим теориям. В соответствии со спецификой объекта исследования активно обсуждается и аргументируется существование специфических времен, в частности, химического, биологического, физиологического, геологического, географического, исторического и других форм времени. Эстетики и искусствоведы говорят о реальности художественного времени, языковеды считают бесспорным факт существования времени грамматического. Каждая из этих специальнонаучных форм опирается на реляционное понимание времени, на собственную концепцию времени, сформулированную в данной конкретной науке и являющуюся составной частью специальнаучной картины мира.

Надо сказать, что из трех существующих типов научной картины мира, отражающих особые уровни систематизации научных знаний, а именно: «общенаучной картины мира», «естественнонаучной картины мира» и «специальнонаучных картин мира», статус последних является наиболее дискуссионным в науке. Наиболее убедительной представляется точка зрения, согласно которой общая научная картина мира не исключает, а предполагает нали-

ние специальных научных картин мира и создается в результате их синтеза. Точно так же всеобщая временная структура действительности не может быть познана без глубокого анализа конкретнонаучных форм проявления (модальностей) времени, результаты исследования которых приобретают широкое общенаучное значение.

Если философов и естествоиспытателей проблемы времени занимают уже несколько тысячелетий, то интерес к ним со стороны литературоведов и лингвистов возник сравнительно недавно, это явление последних десятилетий. А между тем невозможно глубоко раскрыть общее понятие времени, не учитывая характер восприятия временных отношений человеческим сознанием и оформления их средствами языка. Категорию времени в языке можно отнести к концептуальным категориям, с помощью которых определяется соотношение между лингвистической и экстралингвистической деятельностью человека.

Философская интерпретация времени исходит, как известно, из разграничения времени 1) бытийного как формы реального бытия и 2) времени, отраженного в культуре, обществе и индивидуальном сознании, т. е. как самостоятельного параметра духовной жизни общества и личности. Эта вторая форма известна как **время перцептуальное**. Перцептуальное время играет исключительную роль среди когнитивных структур и процессов, участвующих в восприятии реального мира. С его помощью реальный мир трансформируется в «проецируемый мир», который и является доступным человеческому сознанию. Перцептуальное время, следовательно, отражает объективно существующее, действительное время. «Человеческие представления о пространстве и времени относительны, но из этих относительных представлений складывается абсолютная истина, эти относительные представления, развиваясь, идут по линии абсолютной истины, приближаясь к ней» [1, с. 162—163]. И далее В. И. Ленин пишет: «Тот факт, что ощущение времени и пространства дают человеку биологически целесообразную ориентировку, подтверждает объективно правильное отражение в сознании человека реального времени, существующего вне человека» [1, с. 166]. Таким образом, перцептуальное время рассматривается здесь с позиций марксистско-ленинского учения об идеальном как отражение всеобщей временной связи явлений объективной действительности. Определение перцептуального времени включает интерпретацию его как системы понятий, адекватно отражающих как свойства объективного времени, так и субъективное преломление их в сознании.

Одним из способов изучения свойств перцептуального времени может стать анализ данных языка, ибо естественный язык связан с реальным миром именно через перцептуальный мир, проецируемый нашим созданием. Мы считаем поэтому, что время в его языковой интерпретации (**время языковое**) обусловлено онтологически и является отражением именно перцептуального

времени. Своеобразие языкового времени в том, что оно демонстрирует отношения, в которых находятся свойства объективного и перцептуального времени в формах языка.

Языковое время недопустимо смешивать с **временем лингвистическим**, данные термины и понятия не должны употребляться однозначно. Время языковое — это система разноуровневых средств языка, его разнообразных единиц и структур, существующих в языке независимо от познающего субъекта, это — гетерогенная совокупность языковых элементов, набор и природа которых определяется системой правил предпочтения, характеризующих данный естественный язык. Лингвистическое время — понятие «второго порядка», отражающее метаязыковую функцию языка; это — язык, описывающий, «познающий» самого себя. Лингвистическое время выражает научное представление о характере языкового времени и включает систему взглядов и воззрений на языковое время, допускающую самые различные подходы и интерпретации. Иными словами, время языковое и время лингвистическое отличаются между собой как понятия онтологии и гносеологии.

Категорию времени в европейских языках нередко отождествляют с понятием «грамматического времени», подразумевая под ним выражение временных отношений в рамках видо-временной системы глагола. Опубликована обширная литература, посвященная анализу того, каким образом понятие о времени преломляется в грамматической категории времени (глагольной). Однако между языковым временем и глагольными средствами его выражения нет однозначного соответствия. Грамматическая категория времени — это строевая единица, обладающая определенными специфическими формализованными и для каждого языка стандартными глагольными средствами обнаружения. Темпоральность же есть категория более высокого ранга, которая подчиняет себе грамматическое время как одну из используемых в естественном языке стратегий для отражения времени языковыми средствами.

Отдельного рассмотрения заслуживает малоисследованный вопрос о так называемом **художественном времени** в его отношении ко времени языковому. Последнее десятилетие отмечено появлением исследований художественного времени [4—6 и др.], которое предполагает существование временной перспективы целого текста и рассматривается как категория художественного текста. Большинство исследователей художественное время понимается как комплексная категория, объединяющая и подчиняющая себе категории более частного порядка — сюжетное время, ретроспекцию, проспекцию и др. Действительно, литература создает особое, условное время, подчиненное закономерностям художественного целого. Событийная природа литературного произведения (романа, рассказа, поэмы и т. д.) требует причинно-временной мотивированности действия. Художественное время как раз и является категорией развития действия и проявляется

прежде всего в характерном порядке событий в данном произведении. Оно является категорией формы художественного произведения, а именно — его сюжета. Это — «конкретное бытие» времени в произведении» [4, с. 54].

Действительно, функционирование языкового времени в тексте опосредствуется отношением слоев и подслоев времени сюжетного (художественного). Отсюда происходит и так часто акцентируемое различными авторами несоответствие контекстуальных и языковых функций временных форм и вывод о том, что художественное время якобы подчиняет себе время языковое (или же художественное время просто отождествляется с темпоральностью). С этим невозможно согласиться, если вспомнить, что в речи (тексте) нет ничего, чего не было бы в языке. С лингвистической точки зрения высказывания или тексты управляются системой данного языка как некоторая иерархия уровней и единиц этой системы. Текст, следуя соссюрианской традиции, рассматривается как манифестация языка. Поэтому текстовые функции языковых форм (в том числе временных) являются реализациями потенциалов языка, а это значит, что художественное время представляет собой одну из конкретных манифестаций времени языкового и свойства художественного времени обусловлены свойствами языкового времени.

Нельзя забывать, что речевое творчество имеет не только индивидуальный, но и коллективный характер. Поэтому, чтобы получить адекватные знания о языковой категории темпоральности, представляющей собой отраженные и переработанные в коллективном сознании представления о реальном времени, необходимо выйти на макротекстовый уровень исследования, не ограничивающийся анализом временной структуры одного конкретного текста художественного произведения. При исследовании особенностей темпоральной организации речи следует исходить из целой совокупности разнообразных текстов с тем, чтобы нивелировать действие таких факторов, как индивидуальность авторского стиля, своеобразный характер сюжетопостроения и т. п. В таком собирательном смысле (как совокупность текстов) текст можно рассматривать как продукт естественного языка и как феномен культуры и общественного сознания данного народа. И только в этом случае возможно выявление общих закономерностей национально-речевого проявления языковой категории темпоральности.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Соч. 4-е изд. Т. 14. С. 45. 2. Жог В. И., Канке В. А. Проблема реальности и статуса форм времени и пространства // *Философ. науки*. 1981, № 2. С. 25—30. 3. Каган М. С. Время как философская проблема // *Вопр. философии*. 1982, № 10. С. 41—47. 4. Ржевская Н. Ф. Изучение проблемы художественного времени в зарубежном литературоведении // *Вестн. МГУ. Сер. литературы и языка*. 1969, № 5. С. 28—35. 5. Тураева З. Я. Лингвистика текста. Л., 1986. С. 240. 6. Тураева З. Я. Категории времени. Время грамматическое и время художественное. М., 1979. 186 с.

Поступила в редколлегию 30.10.87

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СЛОВАРЯ

Слово или знак, которые использует человек, есть сам человек.

(Ч. Пирс)

Сообщения как единицы «коммуникативного обмена» между общающимися различаются, среди прочего, своей информативной ценностью. Она устанавливается прежде всего на основе познавательных запросов адресата. Говорящий, учитывая ряд показателей (социальный/профессиональный статус адресата, его возраст, пол, образовательный ценз, субъективно-личностные характеристики, познавательные установки и мн. др.) прогнозирует потенциальную информированность/неинформированность адресата о предмете сообщения, заинтересованность/незаинтересованность в сообщаемом. Иногда осуществляется зондирование адресата относительно двух названных его коммуникативных качеств информированность и заинтересованность: Я тебе рассказывал...? Ты знаешь...? Ты слышал...? Хочешь знать...? и под.

Имеются, однако, ситуации речевого общения, в которых обмен «неинтересными» с познавательной точки зрения сообщениями нормален. Для коммуникантов важным является не столько конкретное лексико-семантическое содержание сообщения (оно традиционно и отличается ограниченной вариабельностью), сколько само использование такого сообщения, выступающего уже как особый целостный знак. Естественна в этих условиях сниженность требований к творчеству сообщения как в аспекте формы, так и содержания. Это, например, приветствия, поздравления, выражение соболезнования и под.¹ Несущественность словесного содержания приводит к тому, что вместо речевых сообщений могут использоваться их жестовые эквиваленты: поклон вместо приветствия или прощания, пожатие руки или объятие как знак сочувствия и т. д.

Стандартность подобных языковых выражений, полная угадываемость их коммуникативного значения при сниженной значимости их лексического содержания может иметь результатом де-

¹ При общей тенденции к унификации формы и содержания этикетных обменных реплик возможны этнические и социальные различия. Так, если в русской национальной культуре принято и социально поощряется варьирование содержания письменных поздравлений с праздником, то в западноевропейской, североамериканской культурах получила широкое распространение стандартизация соответствующих сообщений: на поздравительной открытке имеется готовый текст (например: англ. Season's greetings или Merry Christmas, франц. Bonne année, фламанд. Met de beste wensen или Beste en oprechte wensen и под.) отправитель лишь указывает внизу, кем направлено поздравление.

лексикализацию составляющих подобных единиц. Под делексикализацией мы понимаем утрату словами их лексической индивидуальности. Она выражается в утрате словами лексической отдельности, т. е. утрате статуса слова, в семантических сдвигах в направлении утраты лексического значения и, как крайняя ступень, в деэтимологизации, обычно связанной с разрушением исходной фонетической формы слова. Результаты процесса могут быть разными относительно степени делексикализации. Вместе с тем их объединяет общность коммуникативно-обусловленной природы происшедших преобразований. Два примера в качестве иллюстрации возможных различий в степени делексикализации: в рус. *здрасьте* (<*здравствуйте*) можно наблюдать фонетическое разрушение при сохранении в коллективном сознании исходного значения (оно поддерживается использованием в речи и исходной, нередуцированной формы), тогда как в *спасибо* (<*спаси бог*) произошло стяжение предложения в слово.

Для многих постоянно воспроизводимых в одинаковых речевых ситуациях речений, особенно при закреплении в качестве этикетной формулы, характерно изменение исходной речеактовой характеристики высказывания. Например, пожелание $\Rightarrow$ формула приветствия/прощания: *Farewell!* архаическая формула прощания $\cong$ До свидания! < букв., этим. Отправляйтесь счастливо!; *Good-bye!* формула прощания $\cong$ До свидания! < *God be with you/ye!* букв. Да будет с тобою бог!, с заменой *God* словом *good*; *Godden!* (Шексп.), *Good den* и т. д. (наряду с *Good even!*) «Добрый вечер!» < *God give you good even!* Да даст тебе господь добрый вечер!; клятва — чертыхание: *Zounds!* < (by) *God's wounds!* Примером неизменности речеактовой характеристики речения может служить, например, *Wellaway!/Welladay!*, восклицание ламентации < др.-англ. *weg la weg*, букв. горе вот горе! (др.-англ. *weg* > совр. англ. *woe*, *lā* > совр. англ. *lo*).

В современном английском междометии *lo* «возглас удивления, радости, горя (также *lo and behold!*) $\cong$ подумай только!, и вдруг!, и вот!, смотри-ка! слились др.-англ. *lā* (ср.-англ. *lo*) и др.-англ. *lōsa* (ср.-англ. *lō*). Для нашего вопроса интерес представляет развитие второй формы: древнеанглийский директив *losa* (форма императива от глагола *losian* «смотреть») утрачивает знаменательность и, соответственно, речеактовое содержание. Первоначальные семантические и прагматические свойства прослеживаются в сев.-диал. арх. *los!* (императив, мн. ч.) и нелитер. *loo thee!* «ты посмотри». (Эволюционно-семантическую параллель являют собой венг. междометие *pé, pi* «вот! смотри!», этимологически соотносящееся с глагольной формой *péz!* «смотри!» и *lám!* «вот!» из *látom* «вижу»).

Косвенным свидетельством утраты речением его структурно-семантической сущности в некотором языке может быть способ его передачи при переводе на другой язык. Показательным в этом случае является фонетическое воспроизведение, а не собственно

перевод или калькирование в языке-реципиенте. Можно предполагать, что интерпретация такой единицы билингвом-переводчиком отражает трактовку слова языковым сознанием в исходном языке. Например: др.-евр. *hallelūyāh* «букв. хвалите Яха (т. е. Иегову)» — греч. *allelouīa*, лат. *alleluia*, (и далее англ. *hallelujah*, *alleluia*, рус. аллилуйя и т. д.), др.-евр. *āmēn* «правда (слово используется адвербиально $\cong$ воистину, истинно)» — греч. *āmēn*, лат. *āmēn*, (и далее англ. *amen*, рус. *аминь* и т. д.).

Таким образом, в изменении семантики слова, а также структуры и самого статуса языковой единицы как слова факторную роль играют коммуникативно-функциональные характеристики его употребления. Особенность рассматриваемого явления в его ряде проявлений (наиболее отчетливо при стяжении высказывания в слово) заключается в том, что при этом происходит изменение способа означивания — на смену семантическому способу приходит семиотический (Э. Бенвенист. *Общая лингвистика*. М.: Прогресс, 1974).

Поступила в редколлегию 06.10.87

Ю. А. ЖЛУКТЕНКО, д-р филол. наук

НОМИНАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

В лингвистических исследованиях последнего времени особенно большое внимание уделяется функциям языка. Именно функция создает или специализирует средства для ее выполнения. Функциональная грамматика уже получила всеобщее признание, необходимость такого же подхода ощущается и в лексикологии.

Известно большое значение номинативной функции. Номинация как обозначение фактов внешней действительности с помощью языковых средств — одна из главных сторон языковой деятельности. Сложность процессов номинации в том, что при всей специализации языковых единиц одна и та же функция может выполняться разными типами единиц, а одна единица — использоваться для разных функций.

Прямая первичная номинация осуществляется с помощью слова и словосочетания. Л. В. Щерба определял словосочетание как «сцепление или группу слов, составленную путем распространения слова по правилам грамматики данного языка, выражающую единое сложное расчлененное понятие, используемое как для номинации, так и для коммуникации» (Фонетика франц. языка, 123). В. В. Виноградов указывал, что коммуникативную функцию словосочетание выполняет только через предложение, вне предложения же оно является средством обозначения (Иссле-

дования по русской грамматике, 443). В современной литературе, однако, эта диалектическая двойственность словосочетания часто игнорируется, оно рассматривается только как единица «малого синтаксиса».

Общность номинативной функции слова и словосочетания обусловила то, что между ними нет четких границ, и вызвала наличие ряда промежуточных образований. Эта близость двух типов номинативных единиц (номинам) существует всегда, но особенно усиливается, когда словосочетание принимает устойчивую форму, становится (по терминологии Н. Н. Амосовой и А. М. Мухина) «фраземой».

В образовании словесных обозначений отправным пунктом является, как известно, какой-то признак или свойство объекта, которые избираются в качестве представителя всего обозначаемого. При словесной номинации этот признак выражается частью слова (корнем аффиксального производного, первой основой сложного и т. д.). В случае фразовой номинации признак выражается расчлененно — с помощью отдельного элемента сочетания — модификатора (Modifier). Расчлененность такой номинемы обусловлена сложностью отображаемого понятия, но она не нарушает цельности обозначения, его функционального единства.

Словесные номинемы образуются по моделям словообразования, достаточно хорошо изученным и описанным. Фразовым номинемам свойственна двуслойность образования: первичное — по правилам синтаксиса и вторичное — как результат дальнейших структурно-семантических процессов, направленных на усиление цельности номинативной функции и слитности содержания. К таким способам фразообразования относятся вычленение, стяжение, интеграция, аналогия, ассоциация, деривация, метафора, калькирование или заимствование из другого языка.

Первые три способа особенно распространены в терминологии, где фразовые номинемы представлены особенно широко. Уже сама терминология описательного наименования приводит к его вычленению как единой номинемы, способствующему дальнейшему стяжению и интеграции (ср. *alternating current*, *sign language*). Интеграция элементов сложной номинемы создает возможность ее замены аббревиатурой (а. с.), а в некоторых случаях символом. Большую роль в образовании фразовых номинем играет аналогия. (*Aunt Tom* от *Uncle Tom*), ассоциация (*Star wars*, *animal rights*), метафора (*air bridge*), калькирование (*the gang of the four*) и т. д.

Масштабы этих вторичных процессов образования фразовых номинем и их конкретные формы в современном английском языке еще не исследованы. Грамматический их аспект подчинен

номинативному: прежде всего возникает задача обозначения понятия и только в ходе ее реализации происходит выбор средств образования. Продуктивность вторичных способов фразообразования зависит от ряда внелингвистических факторов — потребности в номинации новых явлений посредством достаточно мотивированных знаков, актуальности обозначаемых понятий для жизнедеятельности говорящих, их частотности, употребительности, коммуникативной нагрузки и т. д. В свое время еще акад. М. Я. Капинович указывал, что достаточно надежным критерием в выделении номинативных единиц является и естественная реакция носителей языка, отражающая их речевой опыт, представления о цельности и расчлененности тех или иных единиц. Полезно учитывать также опыт лексикографии: известно, что все современные словари английского языка регистрируют, наряду со словами, также и фразовые номинемы, снабжая их семантическими дефинициями или переводными соответствиями, как цельные единицы номинации.

Представляет интерес также отражение фразовых номинем в словарях неологизмов. Их составители указывают нередко и время появления соответствующих фразем, и их источник и т. д. Например, в двух выпусках словаря английских неологизмов К. Барнхардта, отражающих новообразования 60 х—70 х гг., «неофраземы» составляют около 20 % всего собранного корпуса. Это при том, что в словаре больше представлены фразовые номинемы высокой степени слитности — стяжения и собственно фраземы. Большинство из них — термины из различных областей науки и техники, но есть немало и общеупотребительных единиц.

Поступила в редколлегию 01.10.87

Л. М. МЕДВЕДЕВА, д-р филол. наук

О ТИПАХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Речевая деятельность как один из видов коммуникативной деятельности человека, непосредственно или опосредованно связанная с его трудовой деятельностью, состоит в использовании языковых средств в целях общения. Элементарной единицей речевого общения является речевой акт (РА), под которым обычно понимается иллокутивный акт (ИА), так как всякий РА как способ достижения человеком той или иной цели выступает именно в виде ИА.

Будучи «реальным звеном в цепи речевого общения» [1, с. 263], РА вследствие своей структурной замкнутости функционирует как относительно самостоятельная единица, что может служить основанием для исследования отдельных речевых актов с целью пости-

жения всего многообразия особенностей функционирования человеческого языка, закономерностей организации речевой деятельности человека. Рассматривая процесс познания общей картины явлений, Ф. Энгельс подчеркивал, что они складываются из частных, а «чтобы познавать эти частности, мы вынуждены вырывать их из естественной исторической связи и исследовать каждую в отдельности по ее свойствам, по ее особым причинам и следствиям и т. д.» [5, с. 20].

Поскольку любому изучаемому объекту и явлению онтологически свойственны определенные существенные связи, отношения, функции, общность тех или иных внешних и внутренних черт, типы его существования не только могут, но и, надо полагать, должны выделяться с учетом каждого из этих параметров. Известные современной теории речевых актов типы РА устанавливаются, однако, как правило, с ориентацией исключительно на свойственную им иллокутивную функцию, являющуюся хотя и важнейшей, но все же лишь одной из составляющих РА. Существенность языковой формы в значительной степени проявляется не только в связи с собственно интенциональным содержанием РА, но и другими его параметрами, которые поэтому также должны приниматься во внимание в процессе анализа речевых актов. Какие же аспекты РА могут быть отнесены к его существенным характеристикам и должны учитываться при выделении типов речевых актов и, шире, разработке типологии речевых актов?

Плодотворным в этой связи представляется рассмотрение речевой деятельности и РА как минимальной единицы речевого общения в контексте комплексных деятельностных связей, анализируемых с позиций марксистской теории деятельности, обеспечивающей выявление характера структурирования общения как деятельности субъекта с учетом ее социальных, интерперсональных, психологических и других особенностей. Речевая деятельность как одна из форм человеческой деятельности возникла на основе материально-производственной деятельности, необходимыми составляющими которой являются также цель, средства, результат и сам процесс [4, с. 151]. Структурированный характер материально-производственной деятельности, с одной стороны, а также ее примат над всеми другими формами человеческой деятельности, возникшими на ее основе, с другой стороны, естественно предопределяют структурный и компонентный характер всех прочих различных видов человеческой деятельности, в том числе и речевой.

Кроме иллокутивного компонента, основными составляющими РА, включающего язык в контекст человеческой деятельности являются антропокомпоненты, само высказывание (предложение, актуализируемое в контексте РА), контекст социального взаимодействия, обстоятельства коммуникации, в состав которых могут входить пресуппозиции коммуникантов. Таким образом, РА выс-

тупает как сложное, многоаспектное явление, что указывает на ограниченность подхода к изучению типов РА, выделяемых исключительно на основе их иллокутивной составляющей, поскольку он не может обеспечить построение достаточно глубоких и всеобъемлющих обобщений и выводов, касающихся функционирования такой самобытной семиотической системы, какой является естественный человеческий язык. Расширение предмета изучения, формируемого, как известно, самим знанием, следует связывать в данном случае со структурными и типологическими характеристиками РА. Особенности структуры РА, все их существенные компоненты, свойственные им связи и отношения должны, следовательно, найти отражение и в типологическом описании РА. Правомерность такого вывода подтверждается, в частности, осознанием необходимости рассмотрения предложения в контексте полного РА, включая его автора, коммуникативные намерения последнего, адресата и другие компоненты [1, с. 263].

Анализ компонентов РА позволяет выделить два основных типа конституирующих его единиц, носящих языковой и неязыковой характер. Компоненты первого типа выступают содержательной формой, особенности которой в значительной степени предопределяются, задаются неязыковыми составляющими РА. Информативность языковой составляющей РА состоит, кроме всего прочего, в ее указании на тот или иной параметр РА, с которым она так или иначе соотносится. Иначе говоря, внешние для языка факторы, которые, как полагал Ф. де Соссюр, не могут быть систематизированы, а потому не могут составить объект изучения в языкознании [3, с. 59—61], далеко не в последней степени предопределяют структурно-семантические особенности высказывания, являющегося способом реализации РА. Важная роль внешних факторов, на которые «настраивается» высказывание, их лингвистическая релевантность указывает на правомерность разработки типологии РА с учетом как языковых, так и неязыковых факторов.

Под типом РА следует понимать в данном случае модель, образец однородной группы речевых актов, которые характеризуются определенными общими признаками, отражающими тот или иной конкретный аспект вербальной человеческой коммуникации. Каждая из составляющих РА может стать предметом изучения в типологическом плане. Ограниченные рамки статьи позволяют лишь кратко остановиться на некоторых из возможных типов РА.

Важнейшим и в то же время обязательным признаком всякого РА является признак целенаправленности, коммуникативной интенции говорящего. В настоящее время еще не установлена окончательная таксономия РА по их иллокуции, хотя неоднократно высказывалась мысль о том, что их число не является бесконечным. Наиболее полной и популярной следует, очевидно, признать классификацию ИА Дж. Серля, выделившего базисные типы РА [2]. Разработку типологии РА с точки зрения свойственной им

иллокутивной составляющей следует связывать с их анализом в терминах родо-видовых отношений. Базисные типы РА, включающие РА определенной силы, можно отнести к максимальному классу родо-видового порядка, или высшему роду (*summi genus*), представляющему собой инвариант, а РА, входящие в базисный, выступают минимальным классом родо-видового порядка, или низшим видом (*infima species*, и являются вариантами. Прагматическое варьирование высказываний, реализующихся в контексте РА, не выходит за пределы родового класса РА.

Типы РА, выделяемые с опорой на их формальные особенности, отражают особенности языковых способов их реализации и включают, в частности, РА, реализующиеся посредством предложения расчлененной (субъектно-предикатной) и нерасчлененной структуры. Самостоятельному РА может соответствовать часть предложения, комбинация синтаксически самостоятельных или зависимых предложений, а также целый текст. Отдельные типы РА могут также выделяться с учетом характера иерархической упорядоченности основных функций языка (таких как референтивная, эмотивная, конативная, фактическая, поэтическая, метаязыковая), свойственной высказываниям разного компонентного состава и разных структурных типов. С учетом соответствия/несоответствия структурно-семантических особенностей предложения иллокутивной функции РА выделяются прямые и косвенные РА, иллокутивная цель которых соответственно находит и не находит непосредственное выражение в употребляемом высказывании. Различаются идиоматичные и неидиоматично косвенные РА, эксплицитные и имплицитные. Для описания их особенностей релевантными представляются такие понятия, как исходная/производная иллокуция, конъюнктивная/дисъюнктивная организация иллокуций, иллокутивный синкретизм, прагматическая нейтрализация и транспозиция и др.

С точки зрения внутренней структуры РА, обусловленной сочетанием пропозиционального и иллокутивного значений, выделяются РА, представляющие собой комбинацию иллокутивного и пропозиционального значений, и РА, содержание которых исчерпывается их иллокутивной силой. Особенности комбинаций иллокуций и пропозиций в количественном плане позволяют выделить простые, усложненные и комплексные РА. Сообразно сфере реализации РА могут быть устными и письменными. Большинство ИА допускают обе формы реализации, хотя некоторые их типы проявляют своеобразный крен в ту или иную сторону.

К типам РА, ориентирующимся на составляющие акта коммуникации в личностном плане, относятся эндоцентрические (эгоцентрические, внутренние) и экзоцентрические (внешние) РА, различающиеся по числу антропокомпонентов (один и более) и характеру коммуникации (интра- и интерсубъектная); симмет-

ричные и асимметричные; моно- и полиадресатные; явно и неявно адресованные и др.

С точки зрения участия других знаковых систем в речевом общении можно говорить о гомогенных РА, основывающихся только на одной — языковой — семиотической системе, и гетерогенных, или синкретических РА, в реализацию которых одновременно вовлекаются не только языковая, но и другие знаковые системы. Сравнительным изучением видов традиционного синкретизма семиотических систем и специфики их проявления в различных культурах занимается, как известно, антропология. Для теории коммуникации и теории речевых актов, в частности, несомненный интерес представляет комбинация РА с параречевыми, скажем, жестами рук и мимикой, функционирующими как знаки.

С учетом проявления в РА связи языковой деятельности с внеязыковой практической деятельностью выделяются конвенциональные (различающиеся по степени конвенциональности) и неконвенциональные РА.

«Стройный универсум» общечеловеческой культуры, с одной стороны, а также культурно-историческая детерминированность речевой, как и любой другой деятельности человека, с другой стороны, лежат в основе универсальных и социально обусловленных, или этноспецифических РА.

С точки зрения особенностей связи РА в дискурсе, относящихся к их синтагматическому аспекту, выделяются единичные и парные РА, не связанные и связанные логическими отношениями следования (строгой и нестрогой импликацией) соответственно; контекстно связанные и контекстно свободные РА.

В заключение следует подчеркнуть, что выявление типов речевых актов (предложенный их перечень ни в коем случае не следует рассматривать как исчерпывающий) необходимо связывать со всем многообразием свойственных им аспектов. Изучение типов РА, выделяемых с учетом их парадигматических и синтагматических особенностей представляется важным в плане анализа актов вербальной коммуникации, поскольку каждый тип речевого акта обобщает известные типы отношений, имеющих место в ситуации общения, и имеет, следовательно, самое непосредственное отношение к выявлению закономерностей использования языка человеком для достижения многообразных целей, возникающих в процессе социального взаимодействия людей.

Список литературы: 1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. 360 с. 2. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 170—194. 3. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977. С. 31—288. 4. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 839 с. 5. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 339—626.

Поступила в редколлегию 01.10.87.

РЕЧЕВОЙ АКТ И ОРГАНИЗАЦИЯ ДИСКУРСА

Проблему речевого акта (РА) и организацию дискурса можно понимать по крайней мере двояко: как проблему «роль РА в организации дискурса», или «РА в дискурсе», и как проблему «отражение организации дискурса в РА», или «дискурс в РА». Мы остановимся на второй стороне проблемы «РА и организация дискурса» — на проблеме «дискурс в РА».

РА развертываются не в вакууме, а в определенном контексте. Вербальную составляющую данного контекста образует дискурс. В зависимости от того, какую позицию в дискурсе занимает РА (реализация)¹, инициальную, медиальную или финальную, РА (реализации) можно разделить на инициальные, медиальные и финальные.

РА — реализации, соотносимые с одним РА — типом, могут иметь фиксированные и нефиксированные дискурсные координаты. Назовем РА — типы, реализации которых имеют фиксированные дискурсные координаты, РА с маркированным дискурсным компонентом, а РА — типы, реализации которых имеют нефиксированные дискурсные координаты — РА с немаркированным дискурсным компонентом. РА с маркированным дискурсным компонентом включают инициальные РА — типы, медиальные РА — типы и финальные РА — типы.

Большинство РА имеют немаркированный дискурсный компонент. В качестве примера немногочисленных РА с маркированным дискурсным компонентом можно привести акт приветствия (инициальный РА) и акт прощания (финальный РА). В некоторых случаях, несмотря на то что РА имеет фиксированные дискурсные координаты, его нельзя определить как инициальный, медиальный или финальный РА, однако его можно охарактеризовать в общем плане как неинициальный РА, т. е. РА, реализация которого занимает медиальную или финальную позицию, или как нефинальный РА, т. е. РА, реализация которого занимает инициальную или медиальную позицию. Например, РА ответа является неинициальным, поскольку он может быть реализован либо как медиальный, либо как финальный, но никогда как инициальный, а РА спрашивания является нефинальным, так как соотносимый с ним РА — реализация может занимать инициальную или медиальную позицию, но не финальную.

В основе представленной классификации лежит абсолютное положение РА в дискурсе. РА можно разделить и в зависимости

¹Сочетание **речевой акт** может употребляться и в значении «тип речевого акта», и в значении «реализация речевого акта одного из типов». В тех случаях когда смешение данных значений будет для нас нежелательным, **речевой акт** в первом значении мы обозначим как **речевой акт (тип)**, а во втором значении — как **речевой акт (реализация)**.

от их относительного положения в дискурсе, т. е. их положения относительно друг друга.

Как известно, реализация некоторых РА требует реализации других РА. Например, РА спрашивания требует реализации, предопределяет реализацию РА отвечающего. Назовем РА, необходимо предполагающие в будущем реализацию по крайней мере еще одного РА, проспективными, или катафорическими РА. К числу проспективных относятся такие РА, как жалоба, предложение, приглашение.

Наряду с РА, необходимо предполагающими реализацию в будущем другого РА, существуют такие РА, которые также необходимо предполагают реализацию по крайней мере еще одного РА, но уже в прошлом. Назовем такие РА ретроспективными, или анафорическими РА.

Различие между проспективными и ретроспективными РА состоит в различной ориентации их пресуппозиций: в случае проспективных РА пресуппозиция ориентирована на будущее, а в случае ретроспективных РА — на прошлое. Ретроспективными являются, например, РА отказа, возражения, согласия. Следует отметить, что класс ретроспективных РА гораздо более многочисленный, чем класс проспективных РА.

Пресуппозиции проспективных и ретроспективных РА, о которых шла речь выше, являются прагматическими пресуппозициями, при этом пресуппозициями особого рода: в роли пресуппозитора выступает не участник РА (подобные пресуппозиции можно определить как антропологические), а сам РА. Назовем их акторчевыми пресуппозициями.

С точки зрения объекта пресуппозиции рассматриваемые пресуппозиции являются дискурсными, поскольку они определяют положение соответствующего РА в дискурсе.

Интересно, что пресуппозиции ретроспективных РА оказываются сильнее пресуппозиций проспективных РА¹ (это находит отражение в том, что нарушение первых делает РА более неотмеченным в дискурсном плане, чем нарушение вторых), поскольку, по-видимому, ретроспективные пресуппозиции, т. е. пресуппозиции, ориентированные на прошлое, сильнее проспективных пресуппозиций, т. е. пресуппозиций, ориентированных на будущее.

В силу того, что дискурсные пресуппозиции ретроспективных и проспективных РА оказывают влияние на функционирование данных РА, их необходимо включать в условия успешности.

Помимо РА, которые предполагают целый набор возможных РА, т. е. РА с нежесткой дискурсной пресуппозицией, существуют такие РА, которые предполагают какой-то один РА, т. е. РА с жесткой дискурсной пресуппозицией. Например, РА вопроса является проспективным РА с жесткой дискурсной пресуппозицией,

¹ О сильных и слабых пресуппозициях см. Почепцов О. Г. Пресуппозиция вопроса // Новые тенденции в изучении грамматики романских и германских языков, К., 1981. С. 112—120.

а РА ответа — ретроспективным РА с жесткой дискурсной presupпозицией.

Наряду с ретроспективными и проспективными РА, существуют РА, которые являются одновременно и ретроспективными, и проспективными, т. е. ретропроспективные РА. К числу ретропроспективных можно отнести, например, РА мольбы. На первый взгляд может показаться, что все побуждения входят в класс проспективных РА. Действительно, побуждения предполагают некоторую реакцию со стороны адресата, однако иногда помимо этого они предполагают совершение РА в прошлом. Если мы расположим побуждения по степени их интенсивности, то по мере приближения к максимуму будет возрастать вероятность того, что мы имеем дело с ретроспективным РА (проспективность побуждения при этом сохраняется). Человек не начинает акт побуждения с требования или мольбы. Требованию и мольбе обычно предшествует отказ (именно отказ вызывает интенсификацию побуждения) и, таким образом, интенсивные побуждения предполагают даже не РА, а акторечевую диадку.

Наконец, существуют такие РА, которые не предполагают обязательной реализации другого РА ни в будущем, ни в прошлом, хотя в дискурсе за ними естественно могут следовать другие РА, равно как и предшествовать им. Подобные РА относятся к классу РА с немаркированным дискурсным компонентом.

Причиной ретроспективности/проспективности РА может быть: а) прагматическая природа данного РА и б) конвенции связанной с данным РА языковой культуры. Соответственно можно различать два типа ретроспективных и проспективных РА. К первому типу относятся такие РА, как РА спрашивания, предложения, согласия, а ко второму типу такие ритуальные акты, как открытие/закрытие собраний, приветствие/прощание.

Для теории РА наибольший интерес представляют ретроспективные/проспективные РА неконвенциональной природы, поскольку их ретроспективность/проспективность носит закономерный характер, и ее изучение позволит выйти на закономерные связи, существующие между РА.

РА представляет собой единство, образуемое локутивным и иллокутивным актами, которое иногда дополняется перлокутивным актом. Термин речевой акт может употребляться для обозначения локутивного акта, иллокутивного акта, перлокутивного акта и для обозначения РА *in toto*, т. е. совокупного РА. Что же представляют собой ретроспективные и проспективные РА? Локутивные акты? Иллокутивные акты? Перлокутивные акты? Или совокупные РА? Ответы на все эти вопросы, кроме предпоследнего, можно дать и априорно, если иметь ответ хотя бы на один из них, поскольку локутивный акт, иллокутивный акт и совокупный РА не существуют изолированно, и поэтому ретропроспективность/проспективность какого-либо одного из этих актов предполагает ретроспективность/проспективность остальных актов.

Приводившиеся выше ретроспективные и проспективные РА представляют собой иллокутивные акты. Что касается ретроспективных/проспективных локутивных актов и совокупных РА, то они обозначаются одними и теми же лексическими единицами, поскольку как в случае локутивных актов, так и в случае совокупных РА иллокутивная и перлокутивная слагаемые оказываются неспецифицированными; на первый план выходит характеристика речевого действия с точки зрения его осмысленности, например: **продолжить** (ретроспективный локутивный акт/совокупный РА), **начать** (проспективный локутивный акт/совокупный РА).

Существование же ретроспективных/проспективных перлокутивных актов априорно доказать нельзя, поскольку из наличия ретроспективного или проспективного локутивного/иллокутивного/совокупного РА не следует, что имеется ретроспективный/проспективный перлокутивный акт. Пример ретроспективного перлокутивного акта — *to add insult to injury* "to cause offence to someone after one has already caused harm to him in some other way". Пример проспективного перлокутивного акта — *to soften up* "to prepare (someone) to listen to persuasion".

Поддавляющее большинство РА с маркированным дискурсным компонентом составляют иллокутивные акты. Это отнюдь не означает того, что ретроспективные/проспективные локутивные акты и совокупные РА реализуются реже. Они совершаются ровно столько же раз, сколько и локутивные акты. Все дело в том, что иллокутивные акты дифференцированы в языке в гораздо большей степени, чем локутивные акты и совокупные РА.

Ретроспективный/проспективный РА вместе с РА, реализацию которого он предполагает, образует акторечевую диаду, состоящую из РА — антецедента и РА — консеквента. Данные диады могут быть однородными в акторечевом плане и неоднородными. Однородная диада — локутивный акт — локутивный акт, иллокутивный акт — иллокутивный акт. Неоднородная диада — иллокутивный акт — перлокутивный акт (соотносимые, естественно, с разными совокупными РА).

В последнее время появилось множество классификаций РА, выделено большое число отдельных типов РА. Выделение типов РА не должно превращаться в самоцель. Конечная цель поиска новых типов РА, новых оснований для классификации РА — это выход на параметры РА и установление того, какие из них являются наиболее существенными.

Существование ретроспективных и проспективных РА позволяет сделать вывод о том, что организация дискурса находит отражение в РА. Отсюда следует, что наряду с другими параметрами необходимо выделять дискурсный параметр РА. В некоторых случаях РА различаются именно дискурсными параметрами. Так, имеются пары РА, один из которых является дискурсно маркированным, а второй идентичный первому в иллокутивном плане —

дискурсно немаркированным. Ср.: пояснить — объяснять, уточнять — спрашивать (вопросу-уточнению, в отличие от вопроса, всегда предшествует некоторый РА).

Поступила в редколлегию 06.10.87

В. И. КАРАБАН, канд. филол. наук

АДРЕСАТНОСТЬ ПРОСТЫХ И СЛОЖНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

Наиболее адекватным из существующих подходов к изучению речевых актов (РА) с точки зрения полноты описания представляется подход, где РА трактуется не только как коммуникативный акт выражения интенции адресата, но прежде всего как интеракционный акт, акт межличностного речевого общения. При таком подходе и адресант, и адресат считаются взаимосвязанными равноправными участниками речевой коммуникации и важное значение здесь придается такой существенной характеристике РА, как межличностность, под которой понимается свойство РА, отражающее разнообразные отношения в плане «адресант—адресат». В настоящее время уже достаточно хорошо описан первый член данного отношения, тогда как состояние исследованности второго члена отношения и самих отношений нельзя считать удовлетворительным. В этой связи в статье рассматривается один из аспектов межличностности РА — адресатность, то есть характеристика РА на основании таких существенных признаков адресатов, как конкретность (наличие или отсутствие адресата в ситуации общения) и количество адресатов.

На указанном основании простые речевые акты (ПРА) могут быть разделены на конкретно-направленные и неопределенно-направленные. Конкретно-направленные РА включают два следующих типа: 1) индивидуально-направленные (моноадресатные) и 2) коллективно-направленные (полиадресатные). Неопределенно-направленные РА разделяются на собственно общеадресатные (когда релевантные характеристики адресата не установлены адресантом) и индивидуализированно-общеадресатные (когда адресанту известен лишь коммуникативный статус адресата, например, *And now, my dear reader, we shall continue*).

Исходя из данной адресатной классификации ПРА, все сложные речевые акты (СРА), определяемые нами как РА, состоящие из двух (и более) ПРА, объединенных по замыслу адресанта определенными внутренними интеракционными функциями в цельную речевую единицу, подразделяются на гомоадресатные (где компонентные ПРА имеют различную адресатную направленность) и гетероадресатные (где компонентные ПРА характеризуются различной адресатной направленностью). Гомоадресатные

СРА могут быть моноадресатными (адресатом обоих компонентов является одно конкретное лицо), полиадресатными (адресатом обоих компонентных ПРА выступает конкретная группа лиц), собственно общеадресатными и индивидуализированно-общеадресатными. В гетероадресатных СРА возможны различные сочетания адресатных типов ПРА.

В речевой деятельности абсолютное большинство СРА являются гомоадресатными, причем наибольшей частотностью характеризуются моноадресатные СРА, меньшая частотность у собственно общеадресатных СРА, полиадресатные СРА имеют довольно низкую частотность и совсем редко встречаются индивидуализированно-общеадресатные СРА. Соотношение частотности видов гомоадресатных СРА изменяется в зависимости от сферы речевого общения (например, для межличностного общения характерны моноадресатные) и, реже, полиадресатные (СРА, а для ситуаций массовой коммуникации — собственно общеадресатные СРА).

Гетероадресатность СРА наблюдается в случае следующих СРА — представление (1), повеление (2) и предположительный запрос (3): 1) Mr. Upjohn introduced them: "*Lady Carter—George Winterbourne.*" (R. Aldington. *Death of a Hero*). 2) Well, you can get away now, Turgis — you, too, Miss Matfield. (J. B. Priestley. *Angel Pavement*). 3) He's devoted to Miss Dawglish — aren't you, dear (W. Golding. *The Pyramid*).

Следует отметить такую особенность гетероадресатных СРА, как параллелизм синтаксических и семантических структур и/или эллиптичность (как правило, второго компонента). В иллокутивном плане компонентные ПРА характеризуются тождеством или значительным сходством. Подобное локутивное и иллокутивное сходство компонентов объясняется, отчасти, необходимостью компенсации определенной разъединяющей силы разноадресатности компонентов.

Разноадресатность СРА — повелений отлична от разноадресатности СРА — предположительных запросов: в первых оба компонента обычно моноадресатны и адресатность каждого из компонентов маркируется обращениями, тогда как во вторых первым компонентом является, как правило, общеадресатный ПРА, а вторым — моноадресатный ПРА и обращением маркируется только второй компонент. Кроме того, в СРА — повелениях компонентные ПРА характеризуются формально идентичными, но референтно разными подлежащими, в то время как в СРА — предположительных запросах подлежащие компонентов референтно идентичны, но различны по форме.

Гомоадресатные СРА могут быть не маркированы обращениями или же маркированы только в первом компоненте. В последнем случае адресатность второго компонента имплицитруется адресатностью первого компонента: 4) Hello, Leo, how are you? (L. Hellman. *The Little Foxes*).

5) Lemme alone, I'll be all right. (W. Faulkner. Soldier's Pay).
В гетероадресатных СРА маркируется адресатность или обоих компонентов, или только последнего компонента:

6) Go it, Figs, go it, Cuff. (W. Thackeray. Vanity Fair).

7) He hasn't got any stuff, have you, Mr. Turgis? (J. B. Priestley. Angel Pavement).

Нам больше не удалось установить какие-либо другие, кроме рассмотренных выше, виды разноадресатных СРА, но даже если они и будут обнаружены, то это все равно составит совсем незначительную долю видов СРА, встречающихся в речевой деятельности. Это даёт основание полагать, что типичный СРА является гомоадресатным и в этом отношении сходен с типичным ПРА. Одно из существенных отличий СРА от ПРА в плане адресатности состоит в том, что СРА (чаще) могут быть гетероадресатными.

В указанном отношении СРА отличаются и от дискурсивных цепочек, для которых более характерна, чем для СРА, гетероадресатность, поскольку дискурсивные цепочки представляют собой значительно менее цельные речевые единицы, чем СРА:

8) Come in, gentlemen. Mr. Whiteside, these gentlemen are deputy sheriffs. (M. Hart, G. S. Kaufman. The Man who Came to Dinner).

Интересно то, что в случае редупликации знака РА дискурсивная цепочка выступает как гетероадресатная, а СРА — как гомоадресатный:

9) Freddy: Yes. Thanks awfully. Good—bye.

Mrs. E. Hill' Good—bye, Mr. Higgins.

Higgins: Good—bye. Good—bye. (B. Shaw. Pygmalion).

Здесь редулицированные знаки прощания Хиггинса направлены на разных адресатов (на миссис Хилл и на Фредди), тогда как в случае редупликации Good—bye, good—bye такое прощание является моноадресатным. Следует отметить, что существуют определенные социально-этикетные ограничения на порядок адресатности прощаний в дискурсивных цепочках:

10) Doolittle: Afternoon, gentlemen. Afternoon, maam.

(B. Shaw. Pygmalion).

11) Clara: Good—bye, Mrs. Higgins. Good—bye, Colonel Pickering. Good—bye, Professor Higgins. (B. Shaw. Pygmalion).

В [10] Дулиттл обращается с прощанием сначала к Хиггинсу и Пикерингу, а затем к прислуге; в [11] Клара сначала прощается с женщиной и лишь потом — с мужчинами.

Проведенный анализ показывает, что адресатность РА является существенным аспектом межличности речевых актов и что имеются определенные различия между простыми, сложными речевыми актами и дискурсивными цепочками РА в плане адресатности. СРА, выражаемые посредством асиндетических полипредикативных образований (компоненты которых в письменной речи разделены «внутренними» знаками препинания), представляют собой более цельную сложную речевую единицу, чем СРА,

выражаемые посредством асиндетических полипредикативных образований, компоненты которых разделены «внешними» знаками препинания. Это может свидетельствовать о том, что первые планируются адресатом как сложные речевые единицы в гораздо большей степени (их можно назвать планируемыми СРА), чем вторые (которые можно считать непланируемыми СРА).

Обращения используются с речевыми актами не только для указания их адресатности, но и для маркировки тем самым их гетероадресатности. Исследование свидетельствует о релевантности таких параметров адресатности речевых актов, как количество адресатов и наличие адресата/адресатов в ситуации общения, для описания различных структурных типов и видов РА в системе употребления и их реализаций в речевой деятельности.

В качестве перспективы изучения дирекциональности и межличностности РА можно указать исследование другого аспекта — «исходности», адресантности РА, а также описание типов и видов РА в зависимости от всех параметров дирекциональной межличностной оси речевых актов «адресант — адресат». На основании характера дирекциональности могут описываться не только ПРА и СРА, но и глобальные речевые акты (выражаемые посредством дискурсов), поскольку именно дирекциональность лежит в основе разграничения монолога и диалога.

Поступила в редколлегию 01.10.88

Э. Г. ПАПОВЯНЦ, канд. филол. наук

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАЧЕСТВЕННО ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Теория речевых актов убедительно продемонстрировала, что пропозитивное значение не является единственным значением синтаксических единиц. Однако проблема взаимодействия пропозитивного и коммуникативно-интенционального содержания представляет собой область недостаточно исследованную на сегодняшний день [3, с. 3].

Целью настоящей статьи является дифференциация качественно-характеризующих высказываний по признаку коммуникативной интенции. Изучение качественно характеризующих высказываний в коммуникативном аспекте показало, что исходной интенцией говорящего в данном случае является описание. Высказывания качественной характеристики с исходной интенцией строятся строго по определенным структурно-семантическим моделям (см. [1, с. 8—14]), т. е. в определенной степени стандартизированы в структурно-семантическом плане.

Акты конечной интенции исследуемых высказываний демонстрируют значительное разнообразие. Их показателями являются

не столько особенности структурного оформления высказывания, сколько особенности его семантики и ситуации реализации.

Как известно, в зависимости от того, насколько доступна содержащаяся в высказываниях информация относительно конечной интенции говорящего, их можно разделить на два класса: высказывания с заданной конечной интенцией и высказывания с инференциальной конечной интенцией [2, с. 81—82].

Представляет интерес анализ качественно-характеризующих высказываний с инференциальной конечной интенцией, которые в различных контекстуальных и ситуативных координатах демонстрируют широкий интенциональный спектр.

Так, например, в соответствующих речевых ситуациях качественно-характеризующее высказывание может приобретать различные иллокутивные силы, выражая в разных градациях предостережение, угрозу, уверенность, одобрение, неодобрение, комплимент, критику, самокритику, обещание, сожаление, досаду, восхищение, защитную реакцию, оскорбление.

Приведем для иллюстрации примеры коммуникативно-интенционального варьирования качественно-характеризующих высказываний, обусловленного различием контекстуальной ситуации:

1) предостережение: You know how malicious people are (S. Maugham); 'I hope you've been discreet,' she said, 'That Baby's a ghoul' (T. Sharp);

2) угроза: I am... too aggressive, self-willed and contemptuous (Th. Dreiser);

3) уверенность: I'm a middle-aged gent. In another two or three years I'll just be a fat old party (S. Maugham);

4) одобрение:

Quite a character, Armstrong (S. Maugham);

5) неодобрение:

You're making yourself a perfect fool (S. Maugham);

6) комплимент: "Oh, Julia, you are a brick, I never knew what a wonderful woman you were" (S. Maugham);

7) восхищение: Oh, those tales, those tales! shall I describe them? (A. Huxley);

8) критику: Ah, he wasn't a man! He was a baby that cries for the newest toy (D. H. Lawrence);

9) самокритику: I'm a child in these matters (P. B. Snow);

10) обещание: Mon cher, you are funny. You don't want me, you have as much of me as you want; and you wish the rest of me to be dead. I admit nothing, but I am not going to be dead (S. Maugham);

11) сожаление: Oh, my dear, life is so short and love is so transitory (S. Maugham);

12) досаду: Oh, this journey! It was two hours cut clean of his life (A. Huxley);

13) защитную реакцию: "You... you are a bad woman", said Soames suddenly. Annette shrugged her shoulders. "I do not think

so. Living with you has killed things in me, it is true; but I am not a bad woman. I am sensible — that is all" (J. Galsworthy); 14) оскорбление: You liar, you filthy liar (Maugham);

Таким образом, прагматическое содержание описанных выше качественно-характеризующих высказываний неоднозначно, поскольку они могут совмещать в себе несколько иллокутивных сил. Возможность реализации двух или более иллокутивных сил в качественно-характеризующих высказываниях свидетельствует о том, что эти силы не тождественны по своему назначению. Определить какая иллокутивная сила доминирует или нейтрализуется, можно только в соответствующей речевой ситуации, зная все факторы как лингвистического, так и экстралингвистического контекста.

Приведем пример высказывания, в котором совмещаются несколько иллокутивных сил (в частности описание и отрицательная оценка) и которое получает различную прагматическую трактовку у различных адресантов.

"I want a camera with an excellent lens", she told the assistant, one that can be operated by a complete idiot "You need an automatic camera", said the man. "No, she doesn't, said Blott who resented being called a complete idiot..." (T. Sharp, 132)

Высказывания качественной характеристики нередко принимают участие в комплексных актах коммуникации, например, к оценочному речевому акту нередко добавляется утверждение, выражающее авторскую мотивацию оценки: She was a tetchy woman; a woman whose only pleasures were knowing the worst or bearing the worst (J. Fowles);

"And James was of nervous temperament — one of those men whom things will not leave alone, who suffer tortures from anticipation and indecision (J. Galsworthy).

Проведенное исследование позволяет заключить, что акторечевые интенции неотделимы от локуции в процессе речевой деятельности. Однако лишь исходная акторечевая интенция является необходимым конституирующим параметром высказывания (подобно структурно-семантическому). Конечная же акторечевая интенция не относится к числу сущностных характеристик высказывания.

Список литературы: 1. Паповянец Э. Г. Предложения качественной характеристики в современном английском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. 1983. 24 с. 2. Почепцов Г. Г. Основы прагматического описания предложения. К., 1986. 115 с. 3. T. A. Van Dijk. Studies in the Pragmatics of Discourse. Mouton; the Hague, 1981, 331 p.

Поступила в редколлегию 01.10.87

**ВЫСКАЗЫВАНИЯ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ РЕЧЕВЫЕ
ДЕЙСТВИЯ АДРЕСАТА, В СОСТАВЕ ДИАЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНСТВ**

На современном этапе развития философского и социально-гуманитарного знания деятельностная проблематика интенсивно разрабатывается представителями ряда наук, в том числе и языковедами. Трактую общение как деятельность, как взаимодействие партнеров по коммуникации и их воздействие друг на друга, многие исследователи выделяют среди многообразных функций общения регулятивную функцию [1, с. 59; 2, с. 41 и др.]. Деятельностный подход к функционированию языка позволяет выявить типовые соответствия между определенными деятельностными ситуациями и их вербальным обеспечением. В процессе общения коммуниканты осуществляют регуляцию речевой деятельности своей и собеседника, часто обмениваясь высказываниями, цель которых — побудить адресата к осуществлению/неосуществлению тех или иных речевых действий (РД).

В данной статье ограничимся описанием некоторых структурных, реляционных, акторечевых (РА) и гиперсинтаксических свойств лишь тех регулирующих высказываний (РВ), которые являются «информационным следом» такого РА, который, насколько нам известно, ранее не выделялся и не описывался. Среди директивных РА, побуждающих адресата к осуществлению/неосуществлению РД, можно часто встретить РА, в которых побуждение передается косвенно — указанием на отсутствие необходимости осуществления/неосуществления адресатом РД. Назовем подобные РА нон-несесситивами. Нон-несесситив является синкретическим РА — иллокутивная сила «побуждение» сочетается в нем с иллокутивной силой «сообщение» или «запрос информации» (риторические вопросы, которые здесь не рассматриваются).

Наиболее типичными структурными моделями, по которым строятся РВ, являются следующие: конструкция с вводным *there*: *there is no need...*; конструкция с вводным *it*: *it is not necessary...*; конструкции с модальными глаголами *have to/need*: *You don't have/need...*

Так как любое действие, в том числе и речевое, входит в структуру общечеловеческой деятельности, то, вычленив действие при отражении объективного мира, человек соотносит понятие о данном действии с другими понятиями о действиях, предметах, явлениях и т. д. Назовем их атрибутами действия, поскольку через эти понятия можно охарактеризовать вычленяемое действие, т. е. указать на действие и оценить его через его атрибуты. К основным атрибутам РД мы относим время, место, фазис, мотив, цель, субъект, объект РД, его отношение к другим действиям (род —

вид, целое — часть, причина — следствие), ситуацию общения и ее компоненты, пропозициональное содержание высказывания, соответствующего данному РД, и языковые средства и способы его оформления, количественные и качественные параметры действия и некоторые др.

В реляционном плане указанные модели представляют собой конструкции с предикатными актантами, в которых эксплицирован модусный компонент, содержащий сему «отсутствие необходимости», общую для данных моделей. Предикат диктальной части, номинирующий исходный денотат (РД/атрибут РД) или указывающий на него, выражается глаголом в инфинитиве, герундием, существительным с коммуникативной семой, дейктическими словами. Иногда диктальная часть может быть элиминирована. Это происходит только тогда, когда в состав высказывания-стимула входит перформативный интродуктор или же диктальная часть его содержит указание на РД. Связь между РВ и стимулом обеспечивается нулевой анафорой ($\emptyset$). В условиях, когда в реплике-стимуле (РС) нет указания на РД/атрибут РД, межфазовая связь осуществляется способом, который мы назовем номинацией прагматического атрибута. В РВ чаще всего номинируется иллокутивная сила РА-стимула. Например: — Oh, you poor darling. — You needn't pity me (B. Travers).

Если воспользоваться формулой Серля $F(p)$, где F — иллокутивная сила; p — пропозиция [3, с. 171], то в данном случае РВ функционирует как реакция на F .

Элиминироваться могут также подлежащие *there, it, you* и глагол-связка *is*. В отличие от конструкций с *there* и *it*, в которых обычно имплицитруется агенс и его кореференция адресату, в конструкциях с модальными глаголами агенс диктального предиката кореферентен не только адресату, но и подлежащему, равно как и агенсу модусного предиката. Как видим, в состав моделей входят негаторы, которые могут перемещаться из модусной части в коммуникативный интродуктор. К характерным для РВ коммуникативным интродукторам относятся: *I think/don't think; I'm not sure; I suppose; I'm afraid*.

РА «нон-несесситив» совершается, как правило, тогда, когда адресатом нарушаются коммуникативные правила, и поэтому часто связан с отрицательными эмоциями, что находит отражение в наличии дерогативных сем в семантике РВ. В подобных условиях нон-несесситив может сопровождаться РА «упрек», «предостережение», «распоряжение». Если же РД, описываемое в р-стимулирующего РА, или сам этот акт имеет своим бенефициантом автора РВ, то нон-несесситив сочетается, как правило, с РА «благодарность».

В диалогических единствах (ДЕ) РВ могут сочетаться с высказываниями в составе сложной реплики. Наиболее распространенное сверхфразовое единство (СФЕ) с РВ представляет собой двух-трехкомпонентный причинно-следственный комплекс, в котором РВ отводится роль следствия. Причинно-следственная

связь в большинстве примеров является ретроспективной (1) и проспективной (2) бессоюзной связью. Например:

(1) — You don't have to explain to us. We know. We all know (A. Ayckbourn). *Тебе не придется нам это объяснять, мы это знаем.*

(2) — We settled everything, didn't we? There's no need to fight any more (A. Haily). *Мы все уладили, не так ли. Нет нужды больше бороться.*

Несколько реже причинно-следственная связь оформляется коннекторами. РВ в этом случае занимает постпозицию, а связь является проспективной. Появление коннекторов особенно характерно для СФЕ, объединяющих несколько реплик говорящего, прерываемых репликами адресата. Например:

— I didn't break it on purpose. And it wasn't a piece of pottery.

I appreciated giving it to me. All right?

— Yes.

— So there's no need to start an argument, is there?

— No (D. Storey).

Еще один характерный для РВ вид гипersинтаксических отношений — сопоставительно-альтернативные, контаминированные каузальные отношения. Связь, оформляющая эти отношения, бессоюзная. Например: — You don't have to convince me. Save it for your husband (L. Hellman).

В данном СФЕ сопоставляется две ситуации, причем говорящий отдает предпочтение последней, которая всегда описывается предложением с побудительной семантикой. Нон-несесситив в подобных сложных репликах сочетается обычно с РА «совет», «предложение», «просьба», «распоряжение».

Тот факт, что в данной работе в качестве примеров РВ приводятся высказывания, побуждающие к неосуществлению РД, не является случайным. Данная коммуникативная интенция характерна для большинства нон-несесситивов. Случаи побуждения к РД при помощи данного РА редки, хотя и отмечались. Например: There's no need to keep it a secret from me (A. Ayckbourn).

Как видим, опора на категории деятельности, обладающие высокой степенью обобщенности, предоставляет возможность соотносить разноплановые лингвистические понятия, что способствует проведению комплексного исследования языковых явлений. Деятельностный подход позволяет не только вычлнить корпус типичных для данной ситуации лексических средств, но и выявить, особенно в условиях выхода за рамки предложения, типичные грамматические средства на фразовом и сверхфразовом уровне, типовые семантико-синтаксические/гиперсинтаксические отношения; установить характерные для данной ситуации типы речевых актов, их интеракциональные свойства.

Список литературы: 1. Баранникова Л. И. Основные сведения о языке. М., 1982. 2. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978. 3. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. С. 170—194.

Поступила в редколлегию 01.10.87

ИНФОРМАЦИОННАЯ НЕПОЛНОТА ВЫСКАЗЫВАНИЙ В ТРЕХЧЛЕННЫХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВАХ

В настоящее время в лингвистике происходит смена ориентации на структурную организацию речевых явлений ориентацией на их коммуникативность, перемещение акцента с письменной речи на реальное общение [Почепцов Г. Г., 1984: 30]. Поэтому большое значение для описания диалогической речи имеет положение об интеракционном характере коммуникации, т. е. о речевом взаимодействии в процессе общения.

При описании выделяемых нами трехчленных диалогических единств (ДЕ-3)¹ возникает вопрос о типах интеракций, представленных в этих единствах. Большая часть ДЕ-3 возникает вследствие необходимости устранения какого-либо дефекта коммуникации. В ДЕ-3 наблюдаются и иные виды речевого взаимодействия. Встречаются, например, ДЕ-3, содержащие этикетные формулы, а также ДЕ-3, которые образуются вследствие нежелания адресата выполнить просьбу или приказание. Можно выделить группу ДЕ-3, определяемую характером консеквента инициальной реплики—высказывания, который не сигнализирует о непонимании, а выражает какую-либо эмоциональную оценку: удивление, иронию и пр. Нередко подобные реплики выполняют чисто контактную функцию и встречаются довольно часто, особенно в живой разговорной речи. Несмотря на некоторые различия, ДЕ-3, возникающие вследствие необходимости устранить дефект коммуникации из-за недостаточной информативности высказываний, и ДЕ-3 контактного типа выполняют одну функцию—метакоммуникативную, потому что в них предметом разговора является сама коммуникация, и основное их назначение—это обеспечение надежности «канала связи» его бесперебойности (см. Девкин, 1981: 84). Согласно указанным функциям можно выделить следующие типы ДЕ-3: коррективные, некоррективные и этикетные.

Согласно принципу коммуникативного сотрудничества П. Грайса (Grice, 1975: 45), высказывание адресанта всегда должно быть в достаточной степени информативным. Результаты анализа инициальных высказываний рассматриваемых ДЕ-3 показывают, что указанное правило не всегда соблюдается. Инициальные высказывания адресанта можно разделить на информативно полные и информативно неполные с точки зрения адресата. Информационная полнота высказывания—это переменная, варьирующаяся от адресанта к адресату, так как с точки зрения адресанта его высказывания всегда полные. Эксплицитное значение высказываний не исчерпывает передаваемой ими информации. Оно составляет лишь часть их совокупного значения и взаимодействует с другой его частью—имплицитным значением (Никитин, 1984: 87). Адресат не обязательно требует восстановления всех имплицитируемых элементов, так как этот элемент может быть ясен из речевой ситуации в целом. С другой стороны, некоторые имплицитируемые элементы могут и не интересовать адресата. В то же время реплики адресата кроме запроса об уточнении информации могут выражать насмешку, сарказм, вызов.

Будучи инициатором разговора, адресант эксплицирует только самую важную по его мнению информацию, оставляя в импликации то, что представляется ему второстепенным и носит характер дополнительного сообщения (Старикова 1974: 41), тогда как адресат своим интермедиальным высказыванием просит конкретизировать содержание выданной информации:

¹ ДЕ-3 определяется нами как единица диалога и состоит из высказываний, распределенных по трем репликам, из которых две принадлежат первому коммуниканту. Первое высказывание адресанта называем инициальным высказыванием (В₁), его второе высказывание, представленное в третьей реплике,—терминальным (В₃), высказывание второго коммуниканта, представленного во второй реплике ДЕ-3—интермедиальным (В₂).

(1) — Well, your grandfather and his brother had a quarrel.

— What sort of quarrel?

— About a house. (Galsworthy. The Forsyte Saga, 25).

Информативно неполные B_1 могут представлять собой отрезки так называемой экстернализованной внутренней речи, где имплицитруемая информация понятна лишь одному адресанту, так как высказывание не рассчитано на восприятие его адресатом:

(2) — He understood well. Yes. He understood.

— Understood what?

— Nothing. (Aldridge, 246).

Коммуникативной целью адресанта является прежде всего передача информации, но в примере (2) коммуникативная цель не ставится говорящим, он как бы беседует сам с собой.

Зачастую информационная неполнота является тактическим приемом адресанта в речевом общении, служащим достижению различных целей. В первых, адресант может быть не заинтересован в передаче той или иной информации и, следовательно, он сознательно (возможно, и бессознательно) лишает высказывание информационной полноты. Информационный пробел может восполняться (3) или не восполняться (4) после встречного вопроса адресата, в зависимости от коммуникативной установки адресанта.

(3) — My mother... she worshipped him. Even after we found out.

— What?

— That during the war... he worked at Auschwitz concentration camp. (Modern English Drama, 232)

(4) — I went down town to tend to some business that I had to tend to.

— What kind of business?

— You know better than to question me like a child:

Brother. (Hansberry, 75)

Во-вторых, информативный пробел может использоваться адресатом для того, чтобы выиграть время на обдумывание дальнейших речевых действий:

(5) — Just remembered.

— What?

— I promised to go round to my Uncle Herbert's tonight. (Waterhouse, 287)

В-третьих, иногда говорящий не в состоянии подыскать языковые средства, более точно описывающие денотат, или же не сразу их находить, ср.:

(6) — ...and then I hired a boat.

— A boat?

— Oh, some of a punt. I don't know the name for it. (Greene, 78).

Наконец, в-четвертых, адресант может искусственно создавать информативный пробел для достижения эффекта воздействия на психику адресата путем концентрации внимания последнего на информации, сообщаемой в терминальном высказывании B_3 после вопросной лексики адресата:

(7) — I believe in something.

— What?

— I believe in joy. (Snow, 220).

Если в трех описанных выше случаях информационная неполнота скорее затрудняет коммуникацию, то в данном случае информативный пробел в высказывании выполняет роль особого «стилистического» (тактического) приема, рассчитанного на преодоление предсказуемости, которая порождает эллиптичность восприятия, и тем самым на концентрацию внимания адресата на информативном фокусе высказывания.

Список литературы: 1. Девкин В. Д. Диалог. Немецкая разговорная речь в сопоставлении с русской. М., 1981. 159 с. 2. Никитин М. В. Имплицитные значения в структуре вербальной коммуникации / Коммуникативная единица языка: Тездокл. Всесоюз. науч. конф. М., 1984. С. 87—90. 3. Почепцов Г. Г. Коммуникативно-прагматические аспекты семантики // Филол. науки. 1984. № 4. С. 29—36. 4. Старикова Е. Н. Имплицитная предикативность в современном английском языке. К., 1974. 142 с.

Поступила в редколлегию 12.12.87

ЗНАЧЕНИЕ ИРРЕАЛЬНОГО СРАВНЕНИЯ ИЛИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ?

При выявлении и описании типов сложноподчиненного предложения (СПП) по характеру функционально-семантического отношения придаточного предложения к главному в первую очередь учитывались признаки логико-семантической природы. Отсюда названия ряда разновидностей СПП: определительные, временные, причинные, следственные и др. Исследование предложения как высказывания, как составляющей речевых единств с определенной коммуникативной интенцией, призванных воздействовать на реципиента, показывают, что сущность предложения-высказывания не исчерпывается функциональными характеристиками его частей, логико-семантическим характером их отношения. Немаловажное значение в формировании содержательного в широком понимании, или контенсивного [2, с. 8], плана предложения, в функционировании предложения в речевых единствах играют факторы коммуникативно-прагматической природы. Учет последних побуждает по-новому оценить специфику многих типов предложения.

Традиционно СПП с союзами *als, als ob, als wenn, wie wenn* рассматриваются как бинарные образования, состоящие из главного и придаточного предложений, связанных отношением ирреального сравнения. Так, например, содержание предложения *Auf dem Bild sieht er so aus, wie wenn er lacht* парафразируется как *Auf dem Bild sieht er so aus, wie er aussieht, wenn er lacht* [7, с. 814]. Вместе с тем многие исследователи отмечают, что характер отношения главного и придаточного в этих предложениях осложнен взаимодействием ряда разнородных значений, в результате чего придаточное предложение может выражать отношения пояснительного типа, причинно-следственные, цели, уступительности [4, с. 38—41]. Указывается на способность придаточных выражать значение ложной мотивированности [3, с. 214], приобретать доминирующее значение в составе сложного [6, с. 175—176], на наличие причинного отношения в пресуппозиционной семантике этих сложных предложений [5, с. 236—237]. Ввиду неоднородности, неомогенности двух предикативных составов в подобных сложных предложениях ставится под сомнение наличие в них синтаксического отношения подчинения [3, с. 143]. Е. В. Гулыга рассматриваемые сложные предложения относит к двум структурно-семантическим типам: ирреального сравнения и ирреального состояния и указывает на наличие в них области пересечения со сложными предложениями, содержащими косвенную речь, с предложениями, главное из которых имеет модально-оценочное значение [1, с. 116—120].

При рассмотрении сложных предложений с союзами типа *als ob* обращает на себя внимание тот факт, что не все они имеют

значение сравнения, не все парафразируются в сравнительные конструкции. В одних случаях это обусловлено отсутствием мотивирующей сравнение пропозиции: *Er sah mich noch einen Augenblick an, den Kopf ein wenig schräg vorgeneigt, und mit schien, als husche irgendetwas über seine Züge* (E. M. Remarque); в других применение сравнительной парафразы осложняется тем, что выражаемое в придаточном предложении положение дел может быть фантастическим, пригодным для употребления только в ирреальной модальности. Оттенок персонификации, свойственный исходному образованию, теряется в ходе перефразирования, что приводит к неотмеченности парафразы: *Die Sonne schien, als ob sie wer bezahle* (E. Kästner); *Er war verschwunden, als hätte ihn die Erde verschluckt*. Примечательно, что среди метатекстовых средств, употребляемых для экспликации соответствующего отношения отсутствуют лексемы со значением сравнения.

Для установления семантического инварианта, характеризующего рассматриваемые сложные предложения, целесообразно привлечь всю совокупность конструкций, в которых встречаются указанные средства связи, и в которых так или иначе представлены соответствующие смысловые отношения. Среди привлекаемых образований есть и такие, которые превосходят по объему сложное предложение. Для исследователя они интересны тем, что в них лексическими средствами более полно, чем в бинарных образованиях, выражены некоторые важные черты, характеризующие специфику и процесс создания соответствующего смысла.

Исходным моментом формирования содержания, присущего рассматриваемым предложениям, является наличие некоторой ситуации, которая автору представляется неординарной, индивидуальной, так что в ходе ее осмысления, при отборе лексико-грамматических средств выражения возникает представление о другой ситуации (впечатление), непосредственно не наблюдаемой. Исходное содержание, мотивирующее и порождающее содержание впечатления, мыслится как такое, которое не исчерпывается представляющей его формой и нуждается в уточнении.

Специфичность содержания, признака, выраженного в исходном предложении, необходимость его уточнения проявляются в постановке вопросов, направленных на уточнение. Так, необычный вид аквариумной рыбки, недостаточность характеристики *schön platt* вызывают вопрос: *Hanse den durch die Mangel gedreht, daß der so schön platt ist?* (H. Kant). Ср.: *Der ist so schön platt, als ob...*; *Unverschämter Kerl, bist du ein Hund geworden, daß du solche Laute von dir gibst?* (J. R. Becher). В грамматических упражнениях, посвященных выработке навыков употребления сложных предложений с союзами типа *als ob* и приближенных к формам коммуникативной деятельности, момент наличия в исходном предложении элемента специфичности, необычности выражается также с помощью вопроса: *Auf der Straße ist es so dunkel. Ist sie nicht beleuchtet?* Затем на основе такой си-

туации предлагается построить соответствующее сложное предложение: Auf der Straße ist es so dunkel, als ob sie nicht beleuchtet wäre/sei.

Исходное содержание бывает представлено предложением, находящимся в предтексте за пределами сложноподчиненного предложения. Сохраняя смысловую связь с предложением, выражающим мотивирующее содержание, придаточное синтаксически может быть зависимым от синсемантического или асемантического выражения типа es war (ihm), es sah aus, es kommt mir vor es schien (mir), es entsteht der Eindruck и т. д., образующего своего рода связку между исходным и придаточным предложениями. В результате этого образуется трехкомпонентный фрагмент: sie (die Augen — A. П.) sind geschlossen, die Lider schwingen nach oben, die Brauen nach unten, dadurch entsteht auf merkwürdige Weise der Eindruck, als belächle diese Frau einen angenehmen Traum (E. Panitz); All das Obst und Gemüse lag da lecker und kunstlos wie einfache, einigermaßen ordentliche Beete. Deshalb sah es auch aus, als hätten die Bäuerinnen ganze Stücke ihrer eigenen Felder und Gärten mit auf den Markt gebracht (A. Seghers).

В обобщенном виде трехкомпонентные фрагменты можно представить следующим образом: Ax hatte statt — und (so daß) es war (es schien ihm/dadurch entstand der Eindruck/deshalb sah es aus etc.) —, als ob Bx statthätte/stattgehabt habe, где x обозначает признак, общий для мотивирующей и мотивированной, придаточной, частей. При членении такого фрагмента на составляющие линия первого членения пройдет между мотивирующей частью и связующим выражением. Синтаксическое отношение между непосредственно составляющими можно определить как отношение следствия, каузации: А, так что впечатление, видимость В; А обуславливает, каузирует впечатление, видимость В.

О наличии такой связи свидетельствуют не только примеры присоединения второй составляющей с помощью союзов и союзных слов следственной семантики, не только случаи наличия в первой составляющей коррелятов so, in einer (solchen) Weise, которые сочетаются с придаточным предложением следствия, высокой степени качества и меры количества, но и возможность постановки союза so daß, где имеется бессоюзная и союзная сочинительная связь, где употреблены относительно самостоятельные предложения. В данных текстовых фрагментах при выражении значения впечатления, видимости после связующих элементов, представленных выражениями man kann (könnte) glauben, es machte/erweckte den Eindruck, es schien, варьируются придаточные предложения с союзами als ob и daß.

Названные трехкомпонентные фрагменты могут трансформироваться в двусоставные путем элиминирования связующей части и присоединения придаточного предложения непосредственно к мотивирующему с помощью союза типа a als ob: Die Lider schwingen

nach oben, die Brauen nach unten, als belächle diese Frau einen angenehmen Traum. Синсемантическое или асемантическое связующее выражение обязательно, если предшествующее ему положение вещей прямо не мотивирует признак, положение вещей, выражаемые придаточным предложением. Причиной этого может быть отсутствие в ряду последовательно мотивированных положений вещей одного или нескольких звеньев. Обязательность связочного выражения может быть следствием и того, что после мотивирующего предложения употреблено предложение (предложения), не являющееся мотивирующим по отношению к придаточному. Ср.: *ich schloß im Dunkel die Tür auf. Auf dem Gang brannte Licht. Die Mutter stand im Licht. Das besorgte Lächeln der Mutter empfing mich. "Komm, ich mach dir Licht!" Und es war, als erfüllte sie das Zimmer mit ihrem Licht (J. R. Becher).* Непосредственное присоединение придаточного к мотивирующему предложению может быть связано с квалификацией только глагольного признака, одного положения вещей или нескольких однородных, в то время как подключение придаточного предложения через связочное выражение способно отражать мотивацию впечатления, создаваемого большим фрагментом текста.

Элиминация первого компонента рассматриваемых фрагментов не только обуславливает обязательность связующего выражения, синсемантического или асемантического главного предложения, но и лишает мотивации выражаемого в придаточном предложении впечатления. Естественно, что в этом случае отсутствуют и какие-либо основания для выведения значения сравнения. Значение же впечатления, хотя и не мотивированного, присуще и таким образованиям. Без обращения к контексту невозможно определить семантику конструкции типа *es war (ihm), als*. Она может быть частью трехкомпонентного фрагмента и самостоятельной двухкомпонентной конструкцией. Примечательно, что Е. В. Гулыга, определяющая конструкцию типа *es war (ihm), als ob* как предложения ирреального состояния, указывает, что они могут выражать и ирреальное сравнение, если придаточное предложение относится к предыдущему предложению [1, с. 118]. Это подтверждает положение о том, что значение данных конструкций реализуется в более широких единствах, чем предложение.

Текстовые фрагменты трехкомпонентной структуры, содержащие лексемы, словосочетания типа *den Anschein haben, der Ausdruck, die Empfindung, fühlen, das Gefühl, scheinen, zumute sein* в связующей части, а также бинарные образования с союзом типа *a als ob* противопоставлены образованиям с глаголом *tun* (*, als ob*) по признаку «произвольность впечатления, видимости» — «преднамеренное создание впечатления, видимости».

В номинативном плане конструкции, выражающие впечатление, видимость, связаны с актом приблизительной пропозициональной номинации, с авторским поиском наиболее подходящего

названия положения вещей для раскрытия специфического признака, недостаточно выраженного в исходном предложении: Was hatte sie denn für eine Stimme? Ein bißchen dunkel und tief und so, als wäre sie etwas heiser? (E. M. Remarque); Ich möchte nämlich mal wissen, ob man sich eigentlich dabei immer blödsinnig benimmt". "Wieso blödsinnig?" "Na so, als ob man halbbetrunken ist" (E. M. Remarque).

Известно, что впечатление, видимость могут подтверждаться и оказываться действительностью, а могут и не соответствовать истинному положению вещей. В одних случаях, например, при очевидной фантастичности, невероятности, референция содержания придаточного предложения определяется сама по себе в рамках придаточного предложения. В других случаях референция придаточных предложений уточняется левосторонним или правосторонним контекстом или остается неуточненной. Ср.: Sie lag ruhig (...), als schliefe sie. Aber ihre Augen waren offen (E. M. Remarque); Sie sind verheiratet, und müssen leben, als wären sie unverheiratet (E. M. Remarque).

Изложенный материал показывает, что если исходить из того, что доминирующим значением конструкций с союзами типа als ob является значение впечатления, видимости, то они предстают как единая группа образований и отпадает необходимость в членении их на предложения сравнения и состояния.

Список литературы: 1. Гулыга Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971. 206 с. 2. Сусов И. П. Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986. С. 7—11. 3. Черемышина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976. 270 с. 4. Широкова Н. А. Типы сложноподчиненных предложений, выражающих отношения сравнения. Казань, 1963. 56 с. 5. Didenko A. Semantische und pragmatische Präsuppositionen und Positionen deutscher Satzgefüge // Studia Neophilologica. 1981. Vol. 53. S. 217—244. 6. Eichbaum G. N. Zur Einteilung der Nebensätze // Probleme der Sprachwissenschaft: Beiträge zur Linguistik. The Hague, Paris, 1971. S. 170—179. 7. Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin, 1984. 2-te, unveränderte Auflage. 1028 S.

Поступила в редколлегию 01.10.87

Э. Л. НОСЕНКО, д-р психол. наук,

ГРЕБЕНЮК Н. Д.

О ВЛИЯНИИ ТРЕВОЖНОСТИ НА ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ В СИТУАЦИИ ЭКЗАМЕНА

Изучение особенностей речи во взаимосвязи с личностными характеристиками человека представляет интерес для ряда областей деятельности, в частности, для практики организации контроля знаний в ситуации экзамена.

Целью данной статьи является рассмотрение характера влияния различных видов тревожности (ситуативной, личностной и специ-

фической языковой тревожности) на показатели успешности деятельности абитуриентов в ситуации экзамена по иностранному языку.

Экзамен по иностранному языку избран в качестве предмета специального исследования в аспекте изучения характера влияния тревожности на показатели речевой деятельности, поскольку одним из ведущих объектов контроля в ходе этого экзамена является устная иноязычная речь экзаменуемых, учет конкретно-языковых характеристик которой существенно влияет на общую оценку уровня владения иностранным языком. В этом плане экзамен по иностранному языку существенно отличается от экзаменов по другим учебным дисциплинам, в ходе которых экзаменатор оценивает знания на основе анализа лишь содержания ответа экзаменуемых, а не его конкретно-языкового оформления, как на устном экзамене по иностранному языку.

Анализ исследований, посвященных изучению особенностей поведения экзаменуемых в ситуации ответственного экзамена, показывает, что экзамену нередко сопутствует состояние эмоциональной напряженности, существенно влияющее на показатели успешности выполнения экзаменуемыми деятельности, составляющей содержание экзамена, и на их речь.

Так, Т. Г. Скибина [10] отмечает, что в моменты наибольшего эмоционального напряжения (при выборе билета и начале ответа), у экзаменуемых возникают существенные психофизиологические изменения в состоянии: возрастает тонус сосудов верхних конечностей (вплоть до спазма), артериальное давление, увеличивается частота сердечных сокращений, появляется тремор. Особенно ярко эти изменения выражены, по ее наблюдениям, у абитуриентов и первокурсников.

Аналогичные данные приводят и другие авторы [8], [12]. По данным А. А. Чикина [12 с. 96], изучавшего в качестве показателя нервно-эмоционального напряжения изменения в электропроводимости кожи, этот показатель тем выше, чем менее осмыслен ответ экзаменуемого.

Т. А. Немчин, всесторонне исследовавший психические состояния студентов в обычных и экстремальных ситуациях учебной деятельности, отмечает, что при чрезмерном нервно-психическом напряжении, нередко характеризующем состояние студентов в ситуации экзамена, у них возникают изменения как в психомоторике, так и в ряде энергетических и нейродинамических показателей, причем, протекают эти изменения на фоне ярко выраженного чувства общего физического и психического дискомфорта [8 с. 45]. Установлено, что нейрогуморальные сдвиги, возникающие под воздействием ситуативной тревожности, вызванной экзаменом, не возвращаются к фоновым у ряда экзаменуемых даже на следующий день после экзамена [5. с. 107]. Важно при этом подчеркнуть, что рассмотренные выше изменения психофизиологических показателей состояния экзаменуемых сопровож-

даются и изменениями в характеристиках памяти, внимания, мышления.

Например, при выполнении экзаменационных заданий в состоянии сильного нервно-психического напряжения некоторые экзаменуемые не справляются с решением даже упрощенных вариантов стандартных задач. У них снижается объем оперативной памяти, уменьшается скорость речевых реакций (речевые задержки даже в ответа на родном языке достигают у ряда студентов 20 сек.), сокращается объем активного словаря, что затрудняет акт воспроизведения знаний [10, с. 19]. Комплекс этих факторов оказывает дезорганизующее влияние на деятельность экзаменуемых и отрицательно сказывается на ее эффективности.

Что обуславливает возникновение состояния эмоциональной напряженности в ситуации экзамена? Во-первых, степень подготовленности экзаменуемых к ответу [12]. Во-вторых, на ряд экзаменуемых, в частности, абитуриентов, эмоциональное воздействие оказывает непосредственный контакт с экзаменатором [6]. Исследователи подчеркивают в этой связи [10], что от экзаменатора в значительной степени зависит, получит ли абитуриент «положительный настрой», или к уже существующей у него «эмоции страха» добавится еще один отрицательный компонент. В-третьих, эмоциогенная ситуация экзамена может повышать уровень тревожности индивидуума, если тревожность характерна для него как черта личности [1]. Такие студенты тяжело переносят повышенную психологическую нагрузку, сопровождающую экзамен. Они с трудом сосредотачиваются на ответе, часто не могут извлечь из памяти в необходимом объеме даже хорошо усвоенный ранее материал, который легко припоминается после экзамена. Поэтому демонстрируемые ими знания носят бессистемный характер, в результате чего неадекватно оцениваются экзаменаторами. Причину этого явления объясняют так называемой диссоциацией состояний [1], заключающейся в том, что при подготовке к экзамену информация откладывается в памяти в обычном (оптимальном) психическом состоянии, а при контроле знаний ее приходится воспроизводить на фоне совершенно иного состояния. Чем сильнее рассогласование между уровнями нервно-психического напряжения, характеризующими оба состояния, тем труднее экзаменуемому продемонстрировать инстинную степень владения определенной суммой знаний, умений и навыков. У индивидуумов с высоким уровнем личностной тревожности (УЛТ) это рассогласование особенно велико, что и обуславливает снижение успешности выполнения ими экзаменационных заданий. Аналогичные данные о связи ЛТ со степенью устойчивости к психоэмоциональному экзаменационному напряжению получены многими другими авторами, которые подчеркивают, что экзаменуемые с высоким УЛТ попадают в ситуации экзамена в своеобразный замкнутый круг: высокий уровень тревожности повышает их чувствительность к эмоциональным воздействиям, а последние, в свою очередь, влияют на уровень тревожности и, в конечном итоге, дезоргани-

зуют деятельность. Особенно уязвимыми к неблагоприятным эмоциональным воздействиям, связанным с ситуацией экзамена, с нашей точки зрения, оказываются лица, сдающие экзамен по иностранному языку. Это обусловлено рядом факторов. Во-первых, в ходе устного экзамена объектом контроля, как уже отмечалось, является не только содержание ответа, но и его формально-языковые характеристики. Во-вторых, по полученным одним из авторов настоящей статьи данным [9], под воздействием эмоциональной напряженности в речи даже на родном языке появляется целый ряд существенных изменений, отражающих влияние этого состояния на память, внимание, мышление. Одной из характернейших тенденций этих изменений является тенденция к примитивизации речи. Она проявляется еще ярче в иноязычной речи, основанной на слабо натренированных навыках, которые, как установлено, распадаются под воздействием эмоциональной напряженности (при сохранности стереотипизированных компонентов деятельности!). Это и ставит экзаменуемых, сдающих устный экзамен по иностранному языку, в трудные условия, т. к. далеко не все навыки конкретно-языковой реализации устного высказывания сформированы у них достаточно прочно, а условия устно-речевой деятельности не дают возможности выполнять речевые действия под контролем произвольного внимания.

Кроме того, у многих лиц, изучавших иностранный язык в психологически неблагоприятных условиях (испытывая ошибкобоязнь и так называемый «стресс неуспеха») формируется особый вид тревожности — языковая тревожность (ЯТ) [11]. Она особенно ярко проявляется в ситуациях устно-речевого межличностного общения на иностранном языке. Наличие ее препятствует объективной оценке истинного уровня владения экзаменуемым иностранным языком.

Можно ли уменьшить влияние тревожности на результаты экзамена и каким образом? Нам представляется — путем замены устного экзамена письменным, в частности, автоматизированным.

Прежде всего отметим, что на преимущества машинного экзамена указывают и другие авторы [3, 4, 7]. Они подчеркивают, что применение программированного контроля знаний способствует поддержанию более высокого уровня работоспособности экзаменуемого и снижению напряженности организма из-за отсутствия непосредственного контакта с экзаменатором.

Учитывая то, что устная речь всегда была одним из ведущих объектов контроля при оценке уровня владения иностранным языком, авторы данной статьи провели экспериментальное исследование, в ходе которого установили следующее. Показатели качества устной иноязычной речи испытуемых высоко коррелируют с показателями качества выполнения ими контрольных заданий, предъявлявшихся в процессе автоматизированного экзамена, не предусматривавшего проверку навыков устной речи [2]. Испытуемые были дифференцированы в соответствии с уровнем личностной и языковой тревожности.

В качестве основных критериев для определения характера влияния ЛТ и ЯТ на успешность выполнения контрольных заданий при автоматизированном экзамене и заданий постэкзаменационной проверки знаний традиционным путем служили: показатели расхождений между оценками по иностранному языку 1) в аттестате и оценками, полученными на вступительном экзамене; 2) в аттестате и оценками, полученными при выполнении контрольных заданий в ходе постэкзаменационной проверки, ориентированной и на навыки устной речи.

Установлено, что расхождения между оценками у лиц, разбитых на подгруппы с разными УЛТ, примерно одинаковы при обеих нормах проверки знаний однако влияние ЛТ прослеживается в подгруппе испытуемых с объективно более низким уровнем подготовки. В этой подгруппе расхождений в оценках больше именно у высокотренированных испытуемых в обеих контрольных ситуациях.

Что касается ЯТ, то расхождения в оценках на вступительном экзамене и при традиционной форме контроля знаний с оценками в аттестате примерно одинаковы независимо от УЯТ лишь у испытуемых с объективно более высоким уровнем владения иностранным языком. У лиц с более низким уровнем подготовки эти расхождения оказались значительно выше в ситуации устного контроля для подгруппы с высоким УЯТ и примерно одинаковы для лиц со средним и низким УЯТ.

Установлено также, что уровень ЯТ коррелирует с показателями сформированности навыков иноязычной речи. Так, у абитуриентов, в устной речи которых было зафиксировано наибольшее количество пауз, семантически нерелевантных повторов, ошибок в грамматическом оформлении фраз и выборе соответствующих лексических единиц (по сравнению с показателями устной речи на родном языке), преобладал высокий УЯТ.

Итак, на успешность деятельности экзаменуемых в ходе устного экзамена значительное влияние оказывает такая индивидуально-психологическая характеристика, как языковая тревожность, особенно при недостаточной подготовленности к экзамену и осуществлении контроля знаний в ситуации непосредственного контакта экзаменуемого с экзаменатором.

Список литературы: 1. Габдреева Г. Ш. Самоуправление психическим состоянием. Казань, 1981. 2. Гребенюк Н. Д. Исследование валидности и надежности методики контроля знаний иностранного языка на вступительном экзамене с помощью ЭВМ: Автореф. дис...канд. психол. наук. К., 1987. 13 с. 3. Денисов А. Е., Казанский В. М. Дидактические принципы применения средств обучения. К., 1982. 52 с. 4. Задорожный Б. А., Немцов Н. С. Функциональное состояние студентов при применении программированного контроля знаний // Программированное обучение. К., 1981. Вып. 18. С. 117. 5. Киколов А. И., Андрияшук Д. Ю., Князева Л. И. Психоэмоциональное состояние студентов в процессе экзаменационной сессии // Педагог. и психол. проблемы учебного процесса в вузе. Казань, 1984. Ч. 2. 6. Кириленко Т. С. Психическая напряженность и ее проявления в зависимости от особенностей деятельности: Автореф. дис...канд. психол. наук. Л., 1977. 17 с. 7. Ку-

щев Б. И. Системный подход к приему вступительных экзаменов в вузы // Психология памяти и обучения. Вестн. Харьк. ун-та, 1978. Вып. 11, № 171, С. 25. 8. Немчин Т. А. Состояние нервно-психического напряжения. Л., 1983. 163 с. 9. Носенко Э. Л. Эмоциональное состояние и речь. К., 1981. 192 с. 10. Скибина Т. Г. Психологические аспекты оценки знаний // Подготовка и проведение вступительных экзаменов в вузы. Воронеж, 1974. 18 с. 11. Топуридзе Л. М. Психологические проблемы уровня владения неродным языком: Автореф. дис... канд. психол. наук. Тбилиси, 1982. 17 с. 12. Чикин А. А. О возможном способе управления напряженностью организма в ходе учебного процесса // Программированное обучение. К., 1983. Вып. 20. С. 96.

Поступила в редколлегию 01.10.87

Л. Н. ЧЕРНОВАТЫЙ, канд. пед. наук

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОММУНИКАТИВНО ОРИЕНТИРОВАННОГО АЛГОРИТМА

В мае 1987 года в Харьковском госуниверситете было проведено экспериментальное обучение по алгоритму, разработанному на основе семантической сети¹ категории «концентрация внимания на различных частях высказывания» [см. 4].

Алгоритм состоял из 14 шагов, разделенных на четыре ветви, в каждой из которых анализировались ситуации, требующие фиксации внимания на определенном семантическом компоненте высказывания, т. е. на семантическом субъекте (ветвь А), семантическом объекте (ветвь Б) и т. д. [см. 4].

Испытуемыми были 16 студентов 3-го курса факультета иностранных языков (все мужчины, возраст — от 20 до 23 лет, один испытуемый — 35 лет), которые были разделены на две группы. Методика преподавания в группах была одинаковой, поэтому обе группы были экспериментальными, а каждая группа — также контрольной по отношению к другой.

Целью обучения было формирование способности воздействовать на собеседника путем употребления соответствующих речевых средств.

Экспериментальная программа включала алгоритм, инструкции по его использованию, объяснения, а также упражнения для организации усвоения содержания алгоритма и его эффективной интериоризации. Система упражнений учитывала принцип постепенности нарастания трудностей и коммуникативной направленности см. [2, 3].

В первом шаге ветви А объяснялось, что концентрация внимания на семантическом субъекте в начале высказывания дости-

¹ Семантическая сеть — описание речевого поведения в терминах семантических категорий, которые соотнесены с ситуацией общения, с одной стороны, и с грамматической системой языка, с другой [5].

гается использованием логического ударения (Bill said it) или же ударения в сочетании с возвратным местоимением (Bill said it himself). Последовательность упражнений для этого шага выделена следующим образом.

1. **Аудирование:** Прослушайте предложение и определите элемент, на котором фиксируется внимание; 2. **Имитация** в коммуникативных условиях: «Подтвердите или опровергните высказывания» (Например, стимул: "Who is the best?" — "Nick is the best student in the group" — реакция "Yes, Nick is the best student in the group"). В данном упражнении подбирались только ситуации, требующие подтверждения высказывания; 3. **Подстановка** в коммуникативных условиях: «Подтвердите или опровергните» (Например, стимул: "Money is the most important thing in life" — реакция: "No, health is the most important thing in life). 4. **Трансформация** с коммуникативной направленностью: «Подтвердите или опровергните» (Например, стимул: "Fat people say lean people live a shorter life" — реакция: "Fat people live a shorter life themselves". 5. **Упражнения на уровне текста.** И испытуемые получили оригинальную статью с описанием событий (например, в Южно-Африканской республике), разбивались на две группы и готовили сообщения: одна группа — с точки зрения правительства ЮАР, а другая — с точки зрения Африканского национального конгресса. В сообщении нужно было сконцентрировать внимание слушателей на соответствующих его элементах; 6. **Ситуативно-ролевые упражнения** на основе карточек с индивидуальным заданием для каждого испытуемого.

По такой же схеме отрабатывались все остальные шаги алгоритма. После усвоения содержания каждого шага проводились комплексные упражнения для повторения всего ранее изученного материала.

Учебный алгоритм не давался учащимся сразу в полном виде, а вводился постепенно, по мере предъявления информации соответствующего шага. Таким образом, на каждом этапе испытуемые работали с алгоритмом только в пределах уже усвоенных ситуаций.

Реализация программы обучения заняла 12 часов. Затем был проведен послеэкспериментальный срез в устной и письменной формах¹.

Устный срез. Испытуемые в парах получили карточки с информацией для выполнения ситуативно-ролевого упражнения. Например, испытуемый А получил задание убедить испытуемого Б в том, что театр лучше кино, а испытуемому Б предлагалось убедить испытуемого А, что кино лучше театра. Неподготовленные диалоги студентов записывались на магнитную ленту и анализировались с точки зрения количества и характера средств

¹ Наблюдения в ходе эксперимента показали, что характер усвоения в обеих группах был одинаков. Поэтому при анализе результатов все испытуемые рассматривались как одна группа.

концентрации внимания, содержащихся в 3 минутах звучания диалога. Аналогичное задание было предложено 8 студентам 4 курса, которые прошли языковую стажировку в Великобритании. Результаты анализа диалогов испытуемых (7 диалогов, 21 мин. звучания на 3 курсе и 4 диалога, 12 мин. звучания на 4 курсе) представлены в таблице.

Полученные данные показывают, что студенты 4 курса использовали только интонационные средства, в то время как диалоги студентов 3 курса были гораздо разнообразнее и естественнее. Исходя из этого, можно сделать вывод, что без специального обучения студенты для воздействия на собеседника применяют только просодические явления. Это, безусловно, обедняет их речь и ограничивает возможности управления поведением других людей. Такая ограниченность особенно остро ощущается при необходимости концентрировать внимание собеседника в письменной речи, где основную роль играют грамматические средства.

Испытуемые	Количество использованных средств концентрации внимания											всего
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
3 курс	36	28	2	17	0	10	1	3	3	0	0	100
	0	70	19	16	15	12	11	11	10	5	4	175
4 курс	15	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	15
	0	11	1	0	1	0	0	4	0	2	0	19

Результаты послеэкспериментального среза (в числителе — данные устного среза, в знаменателе — письменного). Цифрами обозначены: 1 — просодические средства; 2 — структура «it is»; 3 — пассивная конструкция; 4 — инверсия типа «подлежащее-оператор»; 5 — перемещение элемента в начало предложения; 6 — возвратное местоимение; 7 — инверсия типа «so»; 8 — контрастная тема; 9 — эфатическое «do»; 10 — перемещение элемента в конец предложения для рematicеского выделения; 11 — инверсия типа «подлежащее сказуемое». Примеры реализации всех средств концентрации внимания [см. 4].

Письменный срез. 15 предложений на английском языке предлагалось опровергнуть или исправить, фиксируя внимание на элементе, который был подчеркнут или давался в скобках (например: "John always gets up at 7" → "Seldom does John get up at 7"). Как следует из таблицы, коэффициент усвоения у студентов 3 курса (14 испытуемых, предъявлено 210 предложений) составил 0,82 (172/210), что соответствует оценке «хорошо» [см. 1], в то время как аналогичный коэффициент на 4 курсе (5 испытуемых, предъявлено 75 предложений) равняется 0,25 (19/75), т. е. уровень владения соответствующими средствами неудовлетворителен. Студенты 4 курса, чувствуя неадекватность своих предложений, в ряде случаев пытались использовать просодические средства в письменной речи, проводя черту под элементами, на которых необходимо было фиксировать внимание.

Результаты экспериментального исследования свидетельствуют о том, что овладение коммуникативными категориями требует специально организованного обучения, без которого формируются неполные умения, ограничивающие возможности речевого воздействия на собеседников.

Список литературы: 1. Ерецкий М. И., Пороцкий Э. С. Проверка знаний, умений и навыков учащихся техникумов. М., 1978. 175 с. 2. Китайгородская Г. А. Методические основы интенсивного обучения иностранным языкам. М., 1986. 175 с. 3. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М., 1985. 208 с. 4. Черноватый Л. Н. Семантическая сеть как основа построения алгоритма обучения // Вестн. Харьк. ун-та, 1987. № 304. С. 20—25. 5. Halliday M. A. K. Towards a sociological semantics // In: C. S. Brumfit, K. Johnson (eds). The Communicative Approach to Language Teaching. Oxford Univ Press, 1979. P. 27—45.

Поступила в редколлегию 01.10.87

В. А. КУХАРЕНКО, д-р филол. наук

«ЯЗЫК ПИСАТЕЛЯ» КАК АСПЕКТ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИВИДА

Речевая деятельность человека может служить иллюстрацией известного положения о взаимодействии общего, отдельного и единичного, ибо она представляет собой диалектическое единство присущего всем всегда; обнаруживаемого только в ряде случаев и ситуаций; и характерного исключительно для одного индивида. Литературное творчество — вид речевой деятельности. Соответственно, оно характеризуется теми свойствами, которыми отличается эта деятельность в целом (см., напр., [16; 14; 5]), и модель художественной речи как формы коммуникации включает шесть основных компонентов, присущих всем прочим формам. Это — речевой субъект, адресат, способ контакта, язык (код), сообщаемое (референт), сообщение (текст) [10].

В каждом из этих компонентов проявляется общее, универсальное для всех типов и форм речевой деятельности любого носителя любого языка; отдельное, характерное только для художественной речи как творческого процесса — «деятельности, порождающей нечто качественно новое и отличающейся неповторимостью, оригинальностью и общественно-исторической уникальностью» [18, с. 1322]; и, наконец, единичное, исходящее из особенностей одной личности — автора. В связи с тем, что художественное познание необходимо и обязательно предполагает постоянную и непосредственную связь между наблюдением и отношением к наблюдаемому, а также постоянное присутствие оценки¹ наряду с установлением факта [8], именно «неповторимость личности порождает многообразие искусства» [4, стр. 193].

¹ Ср. концепцию М. Бахтина, выдвигающего «социальную оценку» в качестве организующего фактора, которому подчинены все элементы художественной структуры [2; 3].

Единичность, единственность, уникальность свойственна каждой языковой личности независимо от сфер ее речевой деятельности. Языковая личность писателя отличается от прочих количественным и качественным расширением, как сфер коммуникации, так и средств, их обслуживающих.

Изучение языка писателя начинается с изучения принадлежащих ему отдельных текстов. На этом этапе связь между рамочными элементами модели коммуникации (субъектом речи — автором — и ее финальным продуктом — текстом) проявляется наиболее очевидно, что многократно отмечается в работах представителей самых разных направлений и школ анализа, как литературоведческих, так и лингвистических.

Отдельный текст служит своего рода испытательным полигоном для отработки методики исследования языка автора, проверки ее эффективности и, конечно, для получения первых ориентирующих результатов. Так, например, словарь одного произведения постоянно и однозначно фиксирует резкое расслоение лексического состава на зоны высокой и низкой частотности. Незначительный — до 3 % объема всего словника — списочный состав первой состоит в обратнопропорциональной зависимости с количеством словоупотреблений — до 75 % целого текста — лексем этой зоны. И наоборот, высокая представленность лексем, употребленных один-два раза, составляет такую же зависимость между основным огромным массивом словника и его относительно малым удельным весом в тексте.

Дело, однако, не только в высоких или низких количественных показателях употребляемости отдельных слов, хотя это тоже очень существенно для выявления того, какие объекты и отношения внешнего мира наиболее часто попадают в поле зрения автора¹. Еще более важно проследить, как они употребляются. Давно замечено, что особое значение для языковой личности имеют слова с «максимальным количеством связей» [9], т. е. вызывающие наибольший объем ассоциаций. В художественном тексте в эту категорию особо важных слов попадают слова тематические и ключевые. Первые очерчивают границы денотативной действительности, отражаемой в произведении, вторые формируют и формулируют его концепт, ради которого, собственно, и создается произведение.

В число ключевых и тематических слов обязательно попадает заголовок, полностью и частично повторяемый в тексте, имена основных объектов и аспектов референтной ситуации. В связи с повтором в разных контекстах, они наращивают собственную семантическую структуру (индивидуально-художественное значение), отличную от той, что зафиксирована в словаре. Подобная

¹ Ср.: «Частное — значимо. Значимое — часто. Точнее: значимость того или иного элемента текста (речь идет, разумеется, о значащих элементах) в модели мира автора этого текста находится в положительной корреляции с частотой этого элемента в тексте» [13, 199].

гиперсемантизация особо важной лексики всегда сугубо индивидуальна и происходит под непосредственным влиянием авторского мироощущения. Она была впервые обнаружена и наиболее подробно рассмотрена на материале метафорических преобразований [см., например, 15].

Совокупность данных по отдельным текстам автора представит картину его языка. При ее изучении следует исходить из системности последнего, не из количественного добавления результатов анализа одного текста к другому, но из взаимосвязи и взаимообусловленности всех обнаруженных характеристик, во-первых, и из их трансформации в общей системе писательского языка, во-вторых.

В связи со сказанным необходимо подчеркнуть единство произведений, написанных одним автором, сохраняющееся даже при эволюционных изменениях его творческой манеры и при жанровом варьировании. Исходя из понятия единства, можно рассматривать все тексты, принадлежащие одному автору, как индивидуально-стилевую парадигму. Именно она, во всей своей полноте и целостности, дает основание для выявления языковой личности писателя.

Давно замечено, что соответствие центра и периферии является универсальным принципом организации языка [7]. Ядерно-периферийные отношения характеризуют и язык индивида [9]. Можно выделить ядро и периферию и в языке (лексиконе) писателя, зафиксированном в его произведениях. В состав ядра попадают единицы, отличающиеся высокой повторяемостью в совокупности произведений. При этом важно учитывать не столько абсолютные показатели, сколько относительные, показывающие повышение частотности лексемы в языке писателя сравнительно с данными по языку в целом. Так, например, не поднимаясь в самое начало частотных списков, такие слова, как «путаник» у Ленина, «страшный» у Гоголя, «скука» у Горького, тем не менее, входят в ядро их индивидуального лексикона, ибо на фоне общезыковой нормы их употребительность у указанных авторов показывает резкий всплеск. Эти и подобные лексемы относятся к так называемым словам — фаворитам [2]. Они подвергаются существенным семантическим трансформациям, и в языке автора имеют собственное значение, лишь частично совпадающее с общезыковым. Например, слово «круг», являющееся сквозной повторяющейся единицей поэтического языка А. Блока, по мере разворачивания его лирических циклов, приобретает значения «теснота», «безвыходность», «болезнь», «смерть», довательно становится обозначением белизны, чистоты, мечты, «безысходность и т. д. [1]; «снег» в языке К. Маккаллера последующей мечты, несбыточной мечты, утраты, одиночества. Примеры можно умножать до бесконечности. В данном случае важно не столько их накопление, сколько тот принцип повторяемости и индивидуальной семантизации, которому они подчиняют-

ся в пределах авторского идиолекта и который позволяет рассматривать их в качестве ключевых слов в творчестве автора в целом.

Помимо ключевых, в состав слов-фаворитов включаются идиосинкратические слова. Они наиболее ярко иллюстрируют положение об индивидуальности выбора одного обозначения объекта из синонимического ряда, представляемого говорящему общенациональным словарем. Их специфика заключается в авторской преферабельности: имея в своем распоряжении более или менее развернутую цепочку именования, автор все же неизменно обращается к одному из них. Семантические трансформации подобных единиц не столь значительны, как у ключевых слов; они используются преимущественно в своих словарных значениях, но в непривычной сочетаемости. Они превращаются в своеобразные метки писательского идиолекта. Так, например, для А. Толстого исключительно характерно определение «пронзительный»: помимо узуальных «пронзительный голос» и «пронзительный взгляд», встречаем «пронзительные глаза», «она пронзительно посмотрела»; для И. Грековой — «обметанный» («снегом обметанные деревья», «инеем обметанная голова», «пушком обметанные губы»).

В ядро идиолекта писателя также входят слова, повторяемость которых обусловлена универсальным качеством художественной литературы — ее абсолютной антропоцентричностью. Помещающая человека в центр любого произведения, вне зависимости от конкретной темы последнего, автор не может обойтись без обозначения самого человека, времени, места и обстановки его существования. Поэтому в ядре разных идиолектов имеется общая для всех зона онтологически заданных именований человека во времени и пространстве, его основных действий, качеств, оценок. Лексику данного типа можно условно назвать универсальнотематической, в отличие от собственно тематической, отражающей конкретное содержание конкретного текста.

Помимо автосемантических единиц, в ядро авторского словаря, в силу своей исключительно высокой частотности, попадает и почти весь состав синсемантической лексики общенационального языка. Она прочно занимает первые позиции в частотных словарях, сделанных на материале любого объема. Однако, и она свидетельствует об авторской индивидуальности: «При величине порции в 16.000 слов процентное содержание служебных слов для каждого автора оказалось приблизительно одинаковым, а его отклонение от среднего значения по всем авторам, как правило, больше колебаний внутри произведений одного автора. На этом основании это процентное содержание Фоменко называет авторским инвариантом, имея в виду, что этот параметр постоянен внутри произведений одного автора и, как правило, принимает существенно разные значения для разных авторов. Этот инвариант может служить для атрибуции неизвестных произведений [17, с. 28—29]. Как видно из произведенного высказывания, даже синсемантические слова—местоимения, союзы, предлоги, артикли —

в своем функционировании подвергаются воздействию индивидуальности языковой личности¹ и, наряду со словами-фаворитами и универсально-тематической лексикой, выделяют ее из прочих.

Таким образом, действие факторов количественных (высокая частотность сравнительно с общезыковой) и качественных (стойкие семантические, трансформации) обеспечивает возможность выделения ядерной зоны лексикона языковой личности писателя, его идеолекта.

Список литературы: 1. *Абрамец И. В.* Символ «круг» в лирике Александра Блока // Филол. науки. 1984, № 6. 2. *Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 3. *Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. 4. *Брызгу М.* Научная идея и идея художественная // Проблемы философии. М., 1960. 5. *Горелов И. Н.* Вопросы теории речевой деятельности. Таллин, 1987. 6. *Гуковский Г. А.* Реализм Гоголя. М.; Л., 1959. 7. *Живов В. М., Успенский Б. А.* Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий // Вопр. языкознания. 1973, № 5. 8. *Жуков Дм.* Переводчик, историк, поэт? М., 1965. 9. *Залевская А. А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека. Калинин, 1977. 10. *Ковтунова И. И.* Поэтическая речь как форма коммуникации // Вопр. языкознания. 1986, № 1. 11. *Кухаренко В. А.* Интерпретация текста. Л., 1979. 12. *Кухаренко В. А.* Лингвостилистическое исследование английской художественной речи. Одесса, 1973. 13. *Левин Ю. И.* О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах // Структурная типология языков. М., 1966. 14. *Леонтьев А. А.* Психология общения. Тарту, 1974. 15. *Мейлах Б. С.* Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. М.; Л., 1962. 16. *Основы теории речевой деятельности.* М., 1974. 17. *Постников М. М., Фоменко А. Т.* Новые методики статистического анализа нарративно-цифрового материала древней истории // Типология культуры. Труды по знаковым системам хв. Тарту, 1982. 18. *Советский энциклопедический словарь.* М., 1980. 19. *Старинец В. С., Агабабян К. Г., Недялкова Г. И.* Экспериментальное исследование структуры ассоциативных связей // Моделирование в биологии и медицине. К., 1968. Вып. 3.

Поступила в редколлегию 01.10.87

А. В. СЛЮНИН

КОРРЕЛЯЦИЯ ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТЕКСТА И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЕГО ЛЕКСИКИ ПО ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИМ ПОЛЯМ (На материале жанра "horror story")

Функционально-семантические исследования словаря приобрели новый импульс в свете теории речевой деятельности, с одной стороны, и лингвистики текста, с другой. Настоящая статья является попыткой на материале англоязычной «прозы ужасов» выявить системный характер лексического состава художественных произведений одного жанра.

«Проза ужасов», как жанр паралитературы, для лингвистов интересна тем, что имеет четкую прагматическую направленность и дает лабораторный материал для исследования речевого воздействия, позволяющий проследить типологию формализации прагматической установки автора, которая в пределах жанра «horror story» неизменна, — вызвать у читателя дизъюнктивный эмоци-

¹О многообразии функций синсематических слов в художественном тексте [см. 11; 12].

ональный резонанс, страх определенной интенсивности. Работа исходит из мысли, что стремление обеспечить надежность реализации иллюкативного акта («прогнозируемого эффекта речевого воздействия») определяет «целесообразность отбора языковых средств» [1].

Состав типичных для жанра денотатов обуславливает словарный состав произведения. Их рекуррентность реализуется в тексте через повтор соответствующих лексических единиц. Априорно было сделано предположение о том, что для анализируемой парадигмы одножанровых произведений характерно высокочастотное употребление лексических единиц, реализующих значение «страх». Для проверки посылки о функциональном отборе и степени включенности языковых средств, в соответствии с конкретной коммуникативной установкой, были исследованы тексты трех произведений современной англоязычной «прозы ужасов» [7—9].

В таблице приведен количественный анализ словоупотреблений лексических единиц со значением «страх» в текстах исследованных книг:

Источник	Стр	Fa					Fr Ha стр.
		Noun	Verb	Adj	Adv	N+V+Adj. +Adv.	
The Omen	195	121	111	77	7	316	1,6
Terror Time	204	110	134	105	23	372	1,8
Chamber of Horrors	182	142	115	92	18	367	2,0
Всего:	579	373	360	274	48	1055	1,8

Под словоупотреблением понимается актуализация регулярных и окказиональных семантических признаков слова в синтагматике.

Данные таблицы говорят о высокой релевантности выбора номинационных средств и темы (жанра) худ. текста. Употребление 1,6—2,0 лексических единиц на страницу текста считается высокочастотным [2]. К тому же лексика со значением «страх» распределена по текстам крайне неравномерно, что вызвано очевидно композиционно-структурными особенностями последних. Так, на 10 страницах первого источника (5 % целого текста) находится 69 лексических единиц — 23 % общего числа выявленных в тексте единиц со значением «страх».

Детальный разбор выявленных единиц по частям речи был проведен по тексту романа «The Omen». Средние частоты словарных единиц составили для существительных — 4,7 (26 единиц, 121 словоупотребление); для глаголов — 5,6 (20 единиц, 111 словоупотреблений), для прилагательных — 2,2 (35 единиц, 77 словоупотреблений). Наибольшая средняя частота словарной единицы у группы глаголов может быть объяснена широтой и подвижностью лексического значения глаголов. Более высокий уровень абстракции, вызываемый необходимостью обозначать одно качество для многих предметов и явлений объясняет наименьшую частотность словарной единицы среди автосемантических слов у группы прилагательных страха. Большинство прилагательных встречаются в словнике один раз, что говорит о значительной вариативности в подборе определений.

Зафиксированные в исследованных текстах лексические единицы, различающие значение «страх», характеризуются тождеством или сходством референции. Они принадлежат к разным частям речи, но имеют сходную функциональную общность в структуре текста. Это позволяет объединить их в одну совокупность языковых единиц, связанных семантически и тематически [3]. Такие функционально-текстовые совокупности, характеризующиеся системными отношениями, мы, вслед за В. А. Кухаренко, называем функционально-семантическими полями (ФСП) [4]. Организованы они, с одной стороны, по инвариантному семантическому признаку, а с другой, включают лексемы, в семантической структуре которых в ингерентном состоянии «нет

компонента, позволяющего включить данную лексику в ФСП вне рассматриваемого контекста» [4].

Ядерно-периферийный принцип семантической организации поля предполагает двухсегментное членение ядра. Первый (базисный) сегмент образуют лексические единицы, в смысловой структуре которых доминирующее положение занимает интегрирующий семантический признак. В случае ФСП «страх» это лексемы, за которыми узуально закреплена ономастиологическая функция означивания отрицательной эмоции [страх] (fear, dismay, horror, fright, terror).

Во второй (надстроечный) сегмент ядра поля входят лексические единицы, в которых семантический признак «страх» потенциально присутствует в виде скрытой семы и закрепляется в семантической структуре лексемы контекстуально, т. е. носит текстово-обусловленный характер (ashen, stunned, halt, haunt, evil, vicious).

В базисный сегмент периферии входят словесные знаки с интегрирующим семантическим признаком в субординативной позиции [5]. Их ономастиологическая функция — означивать различные проявления эмоции «страх» (shudder, scream, cringe, freeze, tremble, gasp).

Второй сегмент периферии включает тематические слова, в смысловой структуре которых нет соответствующего семантического признака «страх», но они становятся обозначением этой эмоции в рамках целого художественного текста. Происходит «варьирование словозначения в тексте вследствие появления в его семантическом содержании текстового окказионального ассоциативного признака» [6].

В романе «The Omen» это лексемы: «number» — указание на дьявольскую силу; «black» — символ грядущей опасности; «haze», «halo» — предзнаменование смерти. Непременным условием закрепления данных признаков является частая повторяемость этих слов в процессе развертывания текста.

В ходе исследования обнаружены определенные закономерности наполнения ФСП «страх», — общие для всех анализируемых текстов. Это — повторяемость единиц, входящих в базовые сегменты ядра и периферии, и значительная вариативность элементов, входящих в надстроечные сегменты. Объясняется это тем, что в базисные сегменты практически могут включаться все языковые единицы универсального лексико-семантического поля «страх», а надстроечные сегменты формируются в связи с контекстуальной актуализацией лексических единиц, обусловленной жанром. Именно надстроечные сегменты включают элементы, которые определяют «лицо» жанра.

Хотя состав ФСП «страх» каждого произведения, входящего в жанровую парадигму «horror story», различается качественно и количественно, для них характерна приведенная полевая структура, что дает возможность структурировать ФСП «страх» всего жанра.

Итак, можно сделать вывод об определенной корреляции жанровых особенностей беллетристического текста и распределения его лексического состава по ФСП.

Список литературы: 1. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978. 104 с. 2. Индивидуально-художественный стиль и его исследование. Киев-Одесса, 1980. 184 с. 3. Симхович В. А. Функционирование лексикона в современной английской драме: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1986. 20 с. 4. Кухаренко В. А. Тхор Н. М. Семантические признаки, формирующие лексические объединения целых художественных текстов // Семантические признаки и их реализация в тексте. Волгоград, 1986. С. 12—20. 5. Вердиева З. Н. Семантические поля в современном английском языке. М., 1986. С. 4. 6. Литвин Ф. А., Новикова Т. В. О семантическом развертывании как основе текстообразования // Семантические признаки и их реализация в тексте. Волгоград, 1986. С. 20—28. 7. Bloch, Robert. Chamber of Horrors. Corgi Books, London, 1966. 182 p. 8. Hitchcock Presents: Terror Time. Dell, N. Y., 1972. 204 p. 9. Seltzer, David. The Omen. NAL, N. Y., 1976. 195 p.

Поступила в редколлегию 20.12.87

РЕАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОВА В РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В процессе коммуникации реализуемые в речи эмоционально-оценочные языковые средства имеют ряд особенностей функционирования. Если, с одной стороны, каждый участник речевого акта, являясь членом языкового коллектива, разделяет его представления, нормы, понятия, то, с другой стороны, сугубо индивидуальные вербальные реакции (оценки) носителей языка имеют широкий диапазон варьирования и предопределены множеством разноплановых социолингвистических факторов.

Особенности функционирования эмоциональных оценок связаны с общими закономерностями речевого поведения коммуникантов, ситуацией общения, ролевыми, статусными, профессиональными, этническими, социокультурными, психологическими, идеологическими и прочими факторами их характеристики. Одни и те же выразительные потребности сопряжены у отдельных индивидов с различными пластами лексики. Социолингвистическая обусловленность «реакции на ситуацию» помимо различия в употреблении оценочных слов подразумевает этимологические различия, характер синтаксических конструкций и особое просодическое оформление высказывания.

Оценка не является самоцелью в процессе коммуникации; она входит составной частью в описательный аспект высказываний и органически связана с их дескриптивными аспектами. К пропозиционному содержанию высказывания присовокупляется прагматический компонент, отражающий индивидуальную специфику ценностного восприятия мира коммуникантами. Оценочную специфику могут приобретать и те слова, которые сами по себе не являются выразителями оценки.

Хотя выражение оценки подготовлено социолингвистическим фоном высказывания (различие между добрым и злом, положительным и отрицательным релевантно лишь для носителей данной культуры), разные индивиды в зависимости от их социального статуса, психических и биологических особенностей, образования и воспитания в определенных ситуациях будут реагировать по-разному.

Если рассмотреть оценочную шкалу (от «презрительно», «пренебрежительно» в качестве низших параметров до «одобрительно», «восхищенно» в качестве верхних) не в статике, где и заложена бинарность оценочных принципов, а в динамике, можно заметить, что движение по оценочной шкале не будет прямолинейным. Оно будет осложнено сочетанием социального с индивидуальным, единообразных, стереотипизированных сведений о ценностной картине мира и субъективного отношения индивида к оцениваемому объекту [1]. При рассмотрении в динамике социальная оценка, сопряженная со сменой эпох, общественных

вкусов, представлений об окружающем мире не будет столь подвижна, как индивидуальная, определяемая многочисленными частными обстоятельствами и связанная с конкретной прагматикой речевого акта.

Конкретную специфику реализации эмоционально-оценочного потенциала слова в процессе речевой деятельности может определять целый ряд факторов:

- 1) Круг возможных коммуникативных ситуаций, в которых употреблена оценка.
- 2) Аргументированность оценки.
- 3) Средства поддержки высокого оценочного потенциала, актуализация и интенсификация оценки.
- 4) Нивелирование оценки вплоть до полной потери словом оценочности.

Особую роль в процессе коммуникации играют различные способы интенсификации оценки. В ходе устного общения существенны и психическая основа восприятия речи, обстановка коммуникации, его социокультурный фон, ролевые отношения коммуникантов и многие другие обстоятельства. Статусный паритет создает условия для наиболее полной экспликации оценки. Социальное неравенство партнеров отражается на интенсивности оценки, ее прагматическом эффекте.

Если речь идет о собственно лингвистических интенсификаторах оценки, в качестве таковых выступают лексические единицы: «злой негодяй», «нечистоплотные интриги», «умопомрачительная красота» и т. д. Паралингвистические сенсibilизаторы оценки включают индивидуальную тембровую окраску голоса, характер и силу произнесения, высоту тона. К кинесическим паралингвистическим средствам интенсификации оценочного потенциала относятся мимика, жесты, телодвижения, которые характеризуются сугубо индивидуальной и национальной спецификой.

Адаптация коммуникантов к эмоциональной оценочности отдельных лексических единиц происходит по мере увеличения количества стереотипных оценочных слов и словосочетаний. Это обстоятельство побуждает коммуникантов к поиску более действенных прагматических оценочных средств (например, за счет эстетической сниженности лексики). Подобную адаптацию (т. е. снижение действенности оценочной лексики) можно ослабить, если поддерживать интерес собеседника к сообщаемой (высказываемой) оценке — нужна его личная заинтересованность. Определенную роль играет знание нравственных критериев и ценностных ориентаций собеседника. Достаточно высоким должен быть и социальный авторитет говорящего.

Особым случаем деинтенсификации оценки следует считать так называемый «коммуникативный провал» [2]. Высказывания, содержащие оценку, могут каузировать непредсказуемые состояния коммуникантов: прямо противоположный эффект, взаимонепо-

нимание, обида и т. д. Такие состояния адресата возможны, если ограничен объем его тезауруса, существует резко отрицательный психологический настрой против любого оценочного высказывания собеседника (заранее заданная ориентация), отсутствуют необходимые для взаимопонимания фоновые знания.

Упомянутый «коммуникативный провал» имеет место, если не совпадают цели и установки коммуникантов, не совпадает значимость информации для говорящих, как в социальном плане, так и в индивидуальном. При экспликации оценки в конкретных речевых актах можно отметить соблюдение некоторых социально-психологических закономерностей, некоего оценочного этикета. Так, давая оценку третьему (отсутствующему) лицу, говорящий должен иметь в виду его отношение к собеседнику и, соответственно, ролевой статус. Существует ряд приемов, призванных смягчить категоричность, безапелляционность оценки, если она неблагоприятна не только для собеседника, но и третьего лица. Говорящий, например, может подчеркнуть субъективность оценки, ее сугубо индивидуальную принадлежность. Введение слов и конструкций типа: «мне кажется, что», «вероятно», «не думается ли вам, что...» и т. д. в некоторой мере снижает безапелляционность оценки. Эффект нежелательный категоричности могут снижать, заглушать и прилизительные, нереальные номинации, которые заведомо неточно (а иногда и ложно) отражают состояние окружающей действительности.

Резкая пейоративная оценка в сфере субколлоквиальной лексики (особенно на пороге этической допустимости) отчасти теряет прагматическую заряженность, если говорящий квалифицирует избранный объект заочно, а не при личном контакте. Аналогичным образом действенность оценки в лице администрации, корпорации и т. д. проигрывает в сравнении с оценкой индивида. Прагматическая сила оценки ослабевает и тогда, когда она относится к вышестоящему на социальной лестнице (несимметричные ролевые отношения). Демократичная форма общения, предполагающая их симметричность, стимулирует высокий оценочный потенциал лексики. К числу чисто психологических факторов, способствующих ослаблению оценочного потенциала, относится намечающаяся толерантность современного языкового общества. Так, например, прежняя резкая пейоративная оценочность слов типа: «кретин», «идиот» приобретает новые оттенки, ибо они связаны уже с точной современной дифференциацией умственных заболеланий. И в то же время во всех развитых странах существуют слова с постоянными негативными коннотациями, которые не подвержены изменениям в течение столетий; они составляют костяк оценочных номинаций: «балбес», «всезнайка», «гордец», «дармод», «злопыхатель», «лгунишка», «лежебока», «мямля», «подхалим», «болтун», «пьянчуга», «тупица», «честолюбец».

Говоря об угасании оценочного потенциала и соответствующем выпадении лексической единицы из арсенала оценочных средств,

достаточно актуальных на тот или иной исторический период, следует упомянуть еще одну причину. Иногда коннотационный ореол слова (прежде всего эмоциональная оценка) может стать таким тяжелым, что слово, «скомпрометировавшее» себя в общественном мнении заменяется синонимичным, еще не отяжеленным оценочными обертонами: речь идет об эвфемии по социально-психологическим причинам.

Вряд ли возможно выделять какие-либо закономерности, определяющие функционирование слов-оценок в речевой деятельности, ибо, несмотря на наличие некоторых стереотипизированных коммуникативных ситуаций, предполагающих употребление оценочных предикатов, оценка всегда осложнена конкретной прагматикой речевого акта.

Существуют определенные социально-психологические требования к процессу коммуникации, где высказываются оценки: речь идет прежде всего о некоем равновесии во взаимоотношениях между коммуникантами; здесь неуместно, например, неумеренное самовосхваление (как и чрезмерные похвалы в адрес собеседника) и этически недопустимая резко пейоративная оценка (на пороге конвенциональных норм приличия). Высказывая оценки по отношению к лицам, не участвующим в коммуникации, говорящий учитывает тот факт, что они могут затрагивать интересы его непосредственного собеседника.

Особый интерес представляет несовпадение оценок в пределах одного акта коммуникации, где одновременно сосуществуют разные ценностные стереотипы и создается оценочная полифония. Здесь оценка может служить языковым маркером различных социальных групп и слоев, так как производится с индивидуальной, социально-групповой, социально-классовой или с позиций макроколлективов носителей языка. Приходится говорить не об истинности оценки относительно объективного мира, а истинности относительно концептуального мира участников акта коммуникации.

В речевой деятельности индивида реализуется целый арсенал оценочных средств, где превалирует отрицательная эмоциональная оценочность, имеющая ярко выраженный антропоцентрический характер. Эта реализация зависит от конкретных прагматических характеристик речевого акта. Оценочная переориентация объясняется не только социокультурными причинами, но и субъективностью человеческого мышления, значительной ролью эмоций и ассоциаций в оценке тех или иных объектов и явлений. Преимущественное употребление эмоционально-оценочных номинаций в сфере коллоквиальной и субколлоквиальной лексики предопределено неофициальным характером общения, его спонтанностью, эмоциональностью, личностной направленностью.

Список литературы: 1. Кузнецова В. А. Категория оценки в современном английском языке // Уч. зап. ЛГПИ. Л., 1974. Вып. 13. С. 117—123.

2. Вольф Е. М. Варьирование в оценочных структурах // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979. С. 273—294. 3. Шакирова С. Н. Лингвистически и прагматически обусловленное эмоционально-оценочное осложнение нейтральных существительных в речи // Сб. науч. трудов. Ташкент. ун-та, 1982, № 685. С. 134—144.

Поступила в редколлегию 11.11.87

Т. М. ТИМОШЕНКОВА, канд. филол. наук

КОННОТАТИВНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАГМАТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Реализация прагматической целеустановки высказывания определяется целым рядом факторов, среди которых далеко не последнее место занимают факторы стилистического характера. Экспрессивность и эмоциональность высказывания, достигаемые за счет использования средств, принадлежащих к разным уровням языковой структуры, «тесно спаяны с коммуникативной целью речевого акта» [1, с. 14]. Несоблюдение принципа выразительности не только, как отмечает Дж. Лич, лишило бы процесс общения всякой прелести [2, с. 68]. Во многих случаях субъективная оценка говорящего, предназначенная для воздействия на адресата, воспринимается последним не только как выражение мнения, а как руководство к действию [1, с. 14], что в значительной степени усиливает, а иногда и определяет перлокутивную силу высказывания. Попытаемся проиллюстрировать эти положения на примере предложений номинальной модели $N_1 - V_{\text{сop}} - N_v$, где N_1 и N_v характеризуются семей $[+ \text{человек}]$, а N_v представляет собой существительное со значением «имя лица», образованное от глагола путем деривации.

Экспрессивно-стилистический потенциал предложений данной модели реализуется уже на уровне словообразования существительного — предикатива:

(а) Имена с префиксами *archi-*, *extra-*, *hyper-*, *super-*, *ultra-*, представляющими собой средства выражения категории интенсификации (*superswindler*, *extrasaver*, etc); имена с суффиксами, обладающими стилистической коннотацией: — *ling*, (*hireling*); — *ard* (*jailard*); — *ster* (*trickster*) — отрицательная качественная характеристика; — *ee* (*seductee*, *educatee*) — шутливый оттенок.

(б) Имена, при образовании которых происходят метафорические переносы значения исходного глагола: *crawler* (подхалим), *squealer* (доносчик).

в) Имена-окказионализмы, при образовании которых используются необычные транспозиции глагола в сферу имени существительного: "...She is a great forgetter and returner" (Christie).

Источником выразительных и образных средств, значительно обогащающих содержание и позволяющих передать целую гамму различных коннотативных оттенков, являются модификации именного компонента. Стилистический потенциал предложений с модифицированным именным компонентом определяется рядом факторов: ингерентной экспрессивностью модифицирующих элементов, усиливающейся в контексте за счет сочетания смыслов модификаторов и предикативного имени, а также появления в контексте субъективно-оценочного компонента: "You, best goddam bugler in the Regiment, for Chrisake!" (Jones).

Широким регистром различных стилистических оттенков обладают модификаторы со значением интенсификации или аппроксимации: He... was an absolute hater of the Army (Jones); The old man had seemed to be nothing so much as beggar (Saroyan); She was something of a drifter (Steward); "I'm not really a swinger like most of the girls here in Vegas" (Puzo).

Контекстуальная стилистическая отмеченность модифицированного именного компонента может создаваться за счет иронического подтекста высказывания и метафорических переносов, реализующих стилистические возможности косвенной номинации: She's the lame dog collector in this establishment (Braine).

В целом ряде случаев ярко выраженной экспрессивно-стилистической коннотацией обладают связочные глаголы, передающие различные оттенки субъективной модальности. Сюда относятся: связки со значением волеизъявления, желания, намерения, субъективной оценки: He preferred the part of a silent listener (Jones); связки со значением мнимого существования признака: He himself might have acted the chivalrous protector (Christie); связки со значением аппроксимации: "You will pass for a boy-actor playing the part of a girl" (Murdoch).

Экспрессивно-стилистический потенциал предложений значительно расширяется за счет возможностей использования коммуникативных вариантов модели: эллиптических и парцелированных структур, конструкций с обособлением или инвертированным порядком слов, преобразований модели в так называемые безглагольные предикаты, семантически эквивалентные придаточному предложению, значение которого раскрывается контекстом: Sinner or no sinner, he's going to get a decent Christian burial (Wylie);

"Thank you", Martin said... "I wish you good day". "Robber!" Mr Ends snarled after him (London);

"Nice kind of visitor I am, aren't I (Cusack);
George — a collector! (Galsworthy).

Таким образом, стилистические коннотации являются неотъемлемой частью предложения как полного лингвистического знака, используемого в различных ситуациях речевого общения. Они не только служат цели эмоционального воздействия на адресата, но в ряде случаев составляют основное содержание высказывания.

Предложения рассматриваемой номинальной модели реализуют свой экспрессивно-стилистический потенциал на всех уровнях языковой структуры:

а) словообразование — аффиксы с собственной стилистической отмеченностью; метафорические переносы и окказионализмы, осуществляющие обширные коннотативные возможности косвенной номинации и семантических транспозиций;

б) модификации именного компонента с прямым или переносным значением, обладающие ингерентной или контекстуальной стилистической маркированностью;

в) связочные глаголы, значительно расширяющие шкалу стилистических коннотаций предложения за счет различных элементов субъективно-оценочного характера;

г) коммуникативно-стилистические варианты модели, в которых средством эмфатического подчеркивания содержательной стороны компонентов высказывания служат структура предложения и конфигурация его элементов.

Список литературы: 1. *Новое* в зарубежной лингвистике. 1985, № 16.
2. *Leech G. N. Principles of Pragmatics*. L.; N. Y., 1983.

Поступила в редколлегию 26.09.87

Е. И. МОРОЗОВА, канд. филол. наук

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТИЛИСТИКИ

Поколениями стилистов выработано положение о том, что художественный язык отличается от обыденного своим стремлением к нарушению принятых в последнем норм. Риторическая интенция способна нарушать самые различные аспекты языкового процесса. Прежде всего, она коренным образом воздействует на код, нарушая языковые правила на трех уровнях: морфологическом, синтаксическом и семантическом. Может быть также нарушено отношение сообщения к референту, т. е. преобразовано референциальное содержание высказывания. Основные типы отклонений от нормы (метаболы) определяются современной риторикой как метаплазмы (изменение звукового или графического облика слова или единицы более низкого уровня), метасемемы (замена одной семы на другую), метатакис (видоизменение структуры предложения) и металогизмы (изменение логической значимости фразы) [1].

В определении «нулевой ступени» (нормы) металогизмов стилисты испытывают значительные трудности [1, 2], поскольку оно связано не столько с критерием лингвистической правильности высказывания, сколько с представлениями о логической стройности изложения фактов.

Риторическая функция металогизмов заключается в деформации референтной ситуации или контекста. Первой фазой риторических преобразований является введение нарушения, которое редуцируется (снимается) на последующем этапе. Снятие нарушения приводит к сознательному нарушению смысла, вызываемому у получателя сообщения определенную реакцию, этос [1]. В основе стилистического эффекта металогизмов лежит нарушение прагматических принципов построения высказывания.

Наиболее общими постулатами речевого общения, как известно, являются принцип сотрудничества (ПС) и принцип вежливости (ПВ). Ироническое высказывание нарушает оба: при внешнем соблюдении принципа вежли-

ности ирония в действительности его нарушает и при внешнем нарушении принципа сотрудничества ирония в действительности его соблюдает [3; 142—141]. При формальном нарушении иронией ПС может игнорироваться максима количества. На ироническую направленность высказывания в таком случае нередко указывает литота: 'First the good news. He loves the book...' Frensic regarded her cautiously. 'Isn't he being a bit premature? He hasn't had a chance to read the bloody thing yet.' (T. Sharp).
Нарушение максимы качества в ироническом высказывании, напротив, бывает связано с гиперболизацией:

'Next time she smiles take a look at the back of her head.'

'At the back of her head? What on earth for?'

'To see how the skin stretches. If that woman laughed she'd scalp herself' (T. Sharp).

Обращает на себя внимание употребление иронического эвфемизма, «обратный эффект» которого не оставляет никаких иллюзий относительно истинного желания говорящего соблудности ПВ:

...Frensic... confined his sex life to occasional desultory affairs with women sufficiently in their prime not to resent his lack of passion or charm (T. Sharp).

Гипербола, литота и эвфемизм, естественно, могут функционировать в высказывании и самостоятельно, производя стилистический эффект в силу своих количественных и качественных отклонений от нормы.

Сила иронического высказывания может варьировать, достигая сарказма как своего предела: 'You can read it and see for yourself—'Baby laughed shrilly. 'This I must see. Him reading.' (T. Sharp).

Ощутимый стилистический эффект дает нарушение максим ПВ: симпатии (а), скромности (б), одобрения (в):

(а) 'Is he still alive?' asked a reporter who had followed the ambulance.

'Who knows—said McMordie enthusiastically (T. Sharp).

(б) 'Darling, you're so naive,' she said. 'Don't you see that what you write is instantly recognizable. You can't escape your own uniqueness, your own original brilliance...'

(в) I suppose not,' said Piper modestly, 'I suppose that's true. (а) 'You are out of your tiny mind,' he said with uncharacteristic frankness (T. Sharp).

К максимам ПВ Дж. Лич относит также фатическую максиму, сущность которой он формулирует в отрицательной («избегай молчания») и утвердительной форме («поддерживай разговор») [3, 149]. Нарушение этой максимы оказывает несомненный риторический эффект. В качестве примера приведем отрывок из описания телеинтервью:

'It's a love story about a young man who falls in love with a woman much older than himself. Was this something you had had in mind for a long time? I mean was it a theme that had occupied your attention?'

The face of Piper appeared again. Beads of perspiration were visible on his forehead and his mouth was working uncontrollably. 'Yes', he bawled finally. ...

'And did it take you long to write?' asked Miss Bearley.

Again Piper struggled for words, looking desperately round the studio as he did so. Finally he took a sip of water and said 'Yes. (T. Sharp).

Это, будучи субъективным впечатлением, всегда мотивирован объективными данными, т. е. эффект восприятия зависит одновременно и от стимулов, и от получателя сообщения. Отсутствие редукиции, являющейся следствием умышленного (а) или неосознанного (б) искажения коммуникативной интенции говорящего получателем может, в свою очередь, порождать стилистический эффект в виде каламбура:

(а) 'Tonight I have in the studio with me Mr Peter Piper,' said Miss Bearley addressing the camera, 'the author of a first novel... which has been bought for the unheard-of sum of...' (there was a loud thump as Piper kicked the microphone) 'by an American publisher'.

'Unheard-of is about right,' said Frensic. 'We could have done with that bit of publicity'. (T. Sharp).

'But you said she was into bears and I thought'
'The trouble with you, Mac Mordie, is that you don't think. (T. Sharp).
(6) 'Or you're just a pessimist,' said Baby. 'I mean you've got to look on the brighter side.'

Piper did. Even the bay was lit up by the conflagration and a number of boats had gathered off shore to watch the blaze. (T. Sharp).

Многозначная интерпретация образности создает предпосылки для намека:
'Getting the first novel off the ground in the States isn't easy,' said Sonia.
'And with a new British author it's like...'

'Trying to sell fireworks in hell?' suggested Frensic, doing his best to avoid Escimos and ice cream (T. Sharp).

Значимость, приписываемая языковому факту, является функцией индивида, интегрированного в определенный социальный и культурный контекст, который необходимо учитывать при анализе значимости того или иного металогазма. Следующие примеры демонстрируют буквальную интерпретацию литературной аллюзии (а) и искажение, вызванное различным культурным уровнем говорящих (б):

(а) 'And do you grind your own ink?'

Piper ... nodded.

'This was an idea you got from Kipling?'

'Yes. Something of Myself. It's in there,' said Piper. ...

'Something of yourself in your novel?' she asked hopefully. Piper glared at her.

'The ink, he said, 'it's in Something of Myself.'

Miss Beazley's sile took on a bemused look. 'Is it? The ink?'

(б) 'What we think and feel determines what we are and it is in the essential areness of the human character that the great dramas of life are enacted.'

'Ourness?' said Sonia hopefully.

'Areness,' said Piper. 'Are with an A' (T. Sharp).

Таким образом, стратегия построения, воспроизведения и восприятия художественной речи должна принимать во внимание не только семантический, синтаксический и логический факторы, но и прагматический. Риторический эффект может являться результатом ряда приемов прагматической обработки материала: нарушения принципов речевого общения, блокирования автотекоррекции получателя.

- Список литературы: 1. Дюбуа Ж. Общая риторика. М., 1986. 391 с.
2. Cassirer P. Pragmatic stylistics, conversational postulates as means to a method for interpretative stylistics // In: Meaning, Form and Use in Context. Linguistic Applications. Georgetown U. P: Washington, 1984. P. 1091—1094.
3. Leech G. N. Principles of Pragmatics. L.; N. Y., 1951. 250 p.

Поступила в редколлегию 01.10.87

А. П. МАРТЫНЮК, канд. филол. наук

О РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ВЕЖЛИВОСТИ В РЕЧИ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН

Зародившись как общественно-политическое движение за равноправие женщин и мужчин, феминизм проник в гуманитарные науки, более всего в социальную психологию и в лингвистику.

Руководствуясь заслуживающим понимания стремлением доказать, что сложившиеся в большинстве социумов стереотипы маскулинности и феминности имеют социальную подоплеку, под-

держивались и поддерживаются с целью сохранения подчиненной роли женщин в обществе, увлеченные полемикой феминисты — психологи и лингвисты — иногда игнорируют очевидные биологические различия между мужчинами и женщинами [1]. Между тем установлено, что девочки превосходят мальчиков в вербальных способностях; мальчики сильнее девочек в визуально-пространственных способностях; у мальчиков выше математические способности; мужчины более агрессивны [3, с. 79]. Напротив, считаются необоснованными мнения подобные тому, что девочки «социальнее» мальчиков [3, с. 79]. Согласно наблюдениям других исследователей это утверждение соответствует истине — девочки более склонны по сравнению с мальчиками к отвечающему установленным нормам поведению [2, с. 91].

Хотя, по-видимому, более нормативное поведение женщин трудно объяснить биологически, его социальная обусловленность не поддается прямому доказательству: несмотря на различия в социальном положении женщин в капиталистических и социалистических странах, тенденция к нормативному поведению у женщин прослеживается и в тех, и в других [2, с. 91].

Феминизм в зарубежной лингвистике переживает процесс эволюции. Вначале существовали конфликтующие и не вполне верные точки зрения. Согласно первой язык объявлялся творением мужчин, предназначенным для закрепления угнетенного положения женщин в обществе, поэтому предлагалось создать «женоцентричный» язык. Согласно второй, социальная обособленность женщин и мужчин порождает различия в их языке. И та, и другая возникли на почве упрощенного представления об отношениях между социальными факторами и языком. В последнее время от поисков системно-структурных различий в речи женщин и мужчин феминисты перешли к более перспективным исследованиям их речевого поведения [7, с. 14]. Такой подход оправдан, так как речевое поведение есть лишь один аспект социального поведения.

Выяснилось, что и в речи женщины тяготеют к норме больше, чем мужчины. Следует ожидать, что женщины больше придерживаются и правил речевого общения.

В основе процессов общения на естественных языках лежит, как известно, принцип сотрудничества, но не меньшую роль играет и принцип вежливости, включающий максимум такта, обеспечивающие благоприятную психологическую атмосферу. И принцип сотрудничества, и принцип вежливости, несмотря на их универсальность, реализуются в естественных языках в виде переменных, варьирующихся под воздействием различных факторов не только от одного языкового сообщества к другому, но и в пределах определенного языкового сообщества. Обнаружено, что в любой социо-культурной или этнической группе могут возникнуть свои правила речевой реализации принципов и максимум общения, а в силу того, что речевое поведение не всегда контролируется сознанием, и восприятие речевых действий также осу-

ществляется преимущественно на интуитивном уровне, нередко имеют место случаи дефектов коммуникаций при общении между представителями разных групп, в том числе между женщинами и мужчинами [4; 6].

Феминисты утверждают, что женщины проявляют больше такта в речевом общении нежели мужчины. Отмечается, что мужчины прерывают собеседника чаще, чем женщины, что мужчины в разговоре более агрессивны, а женщины более склонны к речевому взаимодействию, что роль женщины в британском или американском обществе — поддерживать мужской разговор и не стремиться высказать свою точку зрения. Отклонения от этого стереотипа женского речевого поведения вызывает у мужчин отрицательную оценку [5, 6].

Представляется интересным сравнить наблюдения и суждения о речевом поведении женщин в англоязычных странах с данными по речевому поведению женщин и мужчин в советском обществе, где положение женщин иное, где женщины уже в течение многих лет участвуют в сферах общественной жизни, недоступных для большинства их современниц в буржуазном обществе.

В проведенных для упомянутой цели экспериментах участвовали ученики и ученицы десятых классов средней школы одного из районных центров Волынской области.

В первом эксперименте участвовали три девушки из одного класса и трое юношей из другого. Им было предложено разговаривать на любые темы при включенном магнитофоне, оставленном в классе экспериментатором.

Обнаружено почти одинаковое количество попыток предложить тему для разговора (21 у юношей и 26 у девушек). При этом неудачных попыток у юношей было 9,5 % а у девушек — 15 %. И те, и другие проявили почти одинаковую степень сотрудничества с лицами противоположного пола и солидарности с лицами своего пола. В записанном разговоре нет различий между относительной частотой перебивов. В этом же эксперименте юноши отличались от девушек тем, что более прямо констатировали факты и выражали свое мнение или предлагали свои советы и пояснения чаще, чем девушки. Разговор по своей структуре представлял собой диалог между юношами и девушками и показал одинаковую степень вежливости со стороны тех и других.

Во втором эксперименте участвовало 53 десятиклассника и 61 десятиклассница. Из десяти ситуаций в вопроснике семь предназначались для анализа речевого поведения юношей и девушек в официальных, неофициальных и конфликтных ситуациях. В одной ситуации требовалось попросить у товарищей ручку, в другой — магнитофон, в третьей нужно было попросить одноклассника или одноклассницу принести мел. Все три ситуации определялись как неофициальные. При обращении к лицу противоположного пола юноши и девушки употребили почти равное количество вежливых форм. В ситуации, где с просьбой обращались к лицу того же пола заметно больше вежливых форм было у де-

вушек — 87,3 % (у юношей 74,5 %). Эти результаты согласуются с данными по речевому поведению носителей английского языка.

В официальной ситуации (требовалось спросить дорогу у прохожего в незнакомом городе) и юноши, и девушки были одинаково вежливы. Несмотря на то, что повелительная форма в украинском языке достаточно вежлива благодаря окончанию «-те» и обращению на «Вы» (укр. «Ви»), в чистом виде она занимала незначительную долю в просьбах рассказать как добраться в ту или иную часть незнакомого города — у юношей 5,4 % и у девушек 1,3 %. В большинстве случаев форма императива сопровождалась эквивалентами русского «пожалуйста».

В двух ситуациях юноши были более вежливы по отношению к лицу противоположного пола, чем девушки. В ситуации, где предлагалось попросить товарища посторониться, юноши употребили больше грубых форм при обращении к юношам, но меньше при обращении к девушкам, девушки — наоборот. В конфликтной ситуации, где воспроизводилась реакция облитого борщом, юноши употребили 42,7 % грубых форм в ситуациях, где провинившийся был юноша, и 21,9 %, где провинилась девушка. Девушки же употребили 14,3 % грубых форм, когда виновной была девушка, и 29,2 %, когда виновным был юноша. Трудно объяснить такое отклонение от обычного вежливого речевого поведения у девушек. Ясно, однако, что полоролевое равенство — не причина, так как их речевое поведение дифференцировалось по отношению к «своим» (девушкам) и «не своим» (юношам). Возможно, острота реакции вызвана несоответствием провинившегося маскулинному стереотипу.

Итак, сравнение данных по речевому поведению женщин и мужчин в англоязычных социумах и в советском обществе показало, что женщины вежливее мужчин в большинстве ситуаций общения независимо от очевидного различия в их статусе в упомянутых общественных системах. С другой стороны, коммуникативные стратегии женщин в социалистическом обществе ненамного отличаются от стратегий мужчин, тогда как в буржуазном обществе между ними наблюдаются весьма существенные различия.

Список литературы: 1. Агеев В. С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов // *Вопр. психологии*. 1987, № 2. С. 152—158. 2. Клаус Г. Введение в дифференциальную психологию учения. М., 1987. 176 с. 3. Кон И. С. Психология половых различий // *Психология индивидуальных различий*. Тексты. М., 1982. С. 78—84. 4. Gumperz J. Tannen D. Individual differences and social differences in language use // *Individual differences in language ability and language behavior*. N. Y.: Academic Press, 1979. P. 305—325. 5. Karpf A. Oh really? How interesting! Grr... // *The Sunday Times*. — 25 September, 1983. P. 38. 6. Maltz D., Borker R. A cultural approach to malefemale miscommunication // *Language and social identity*. Cambridge, et al.: Cambridge Un-ty Press, 1982. P. 196—216. 7. Thorne B., Kramarae Ch., Henley N. *Language, gender and society: opening a second decade of research* // *Language, gender and society*. Rowley, Mass.: Newbury House, 1983. P. 7—25.

Поступила в редакцию 01.10.87

СТРУКТУРА КОНТЕКСТА И ОДНОЗНАЧНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ

Цель данного исследования состоит в изучении условий, обеспечивающих однозначность описания значений слов через контекст. В отличие от предыдущих публикаций, посвященных рассматриваемой проблеме (см. напр. [2,]) в статье описаны некоторые результаты исследований, направленных на выявление роли разнообразных синтаксических построений в однозначности описания значений слов через контекст.

Анализ текстов показывает, что существуют определенные синтаксические структуры, обладающие описательной силой, достаточной не только для осуществления выбора одного значения из множества словарных значений слова, но также для восстановления пробела, образовавшегося после исключения слова из текста [1, с. 34]. При исследовании таких структур проводились психолингвистические эксперименты, в основном состоящие в том, что испытуемому предъявлялось слово на английском языке и устанавливалось, является ли оно известным или неизвестным для него. В случае, если слово оказывалось неизвестным, испытуемому предъявлялся фрагмент текста, включающий данное слово в исследуемой конструкции. Затем подсчитывалось число случаев принятия испытуемыми правильных решений о значении неизвестного слова. Во втором варианте эксперимента вместо неизвестного слова стоял пробел. Задачей испытуемых в этом случае было заполнение пробела, процедура которого состоит в восстановлении понятия, обозначавшегося пропущенным словом.

Следует заметить, что все испытуемые обладали достаточными навыками решения подобных языковых задач [3, с. 14], и поэтому в случае корректности задачи процент правильных ответов был высок и во многих случаях приближался к 100 %. Неправильные ответы были чаще всего связаны с причинами, которые Эбингауз [7, с. 405] в аналогичном случае квалифицировал как умственное утомление, а не с корректностью самой языковой задачи. Что же касается психологической стороны процессов решения данных задач, то их анализ в процессе экспериментов наглядно подтверждает справедливость мысли Картона [5, с. 180], утверждавшего, что данный процесс ставит под сомнение разграничение языковой компетенции, с одной стороны, и роли опыта и интеллектуальной деятельности, с другой, имеющее место в работах Хомского (см. напр. [6]).

Рассмотрим в качестве первого примера фрагмент текста, в котором неизвестным или пропущенным словом являлось существительное *slattern*.

She was a terrible slattern. Her house was always in a mess; you didn't like to sit down in a chair because it was so dusty and you dared not to look in the corners.

Можно утверждать, что контекст рассматриваемого слова является достаточным для однозначного описания его значения. Более того, в большинстве случаев достаточным оказывался отрезок текста, заканчивающийся во втором предложении точкой с запятой.

Попытаемся вкратце объяснить причину описательной силы данного отрывка, показав одновременно, что в данном случае мы имеем дело с определенной закономерностью.

Первое предложение отрывка представлено синтаксической структурой, включающей именное сказуемое, семантическая функция которого сводится к выделению определенного признака подлежащего. В силу этого А. И. Смирницкий обозначил данное сказуемое термином «квалификативное или определительное сказуемое» [4, с. 115]. Наши наблюдения показали, что в случае, если такое сказуемое носит явно выраженную отрицательную или положительную характеристику, то в письменных текстах и устных речевых актах за ними обычно следует по крайней мере одно предложение, в котором содержится дополнительная информация, направленная на разъяснение и подтверждение такой характеристики. Фактически здесь между первым и последующим предложением существует скрытая причинная связь, в силу чего информация, содержащаяся во втором предложении, фактически выполняет роль дефиниции, описывающей значение неизвестного слова или восстанавливающей понятие, обозначавшееся пропущенным словом. Можно сказать, что неизвестное значение слова в данном случае раскрывается посредством косвенного описания, носящего характер детерминированной задачи [2, с. 24].

Рассмотрим еще один пример подобного синтаксического построения, в котором в роли неизвестного слова или пробела будет выступать прилагательное *timid*.

Dr. Macphail was a timid man. He had never been able to get used to the hurtling of the shell over the trenches and when he was operating in an advanced dressing station the sweat poured from his spectacles in the effort he made to control his unsteady hand.

Следует отметить особенность данной структуры, состоящей в том, что практически любая часть речи, выступающая в качестве последнего элемента первого предложения однозначно описывается через контекст, если этот элемент обладает свойствами, описанными выше. Однако, как правило, в плане однозначности описания части речи обладают значительной дифференцией, связанной с их синтаксическими функциями. Из общего числа примеров, иллюстрирующих однозначность описания значений существительных в других синтаксических структурах, обнаруженных в процессе проводимого исследования, существительное выступало в 48 % случаев однозначного описания в функции прямого и косвенного дополнения, в 20 % — в функции подлежащего, в 18 % — в функции именной части составного сказуемого,

в 12 % — обстоятельства и в 2 % — в атрибутивной функции. Анализ этих данных может представлять значительный интерес для прикладной лингвистики, в частности, при определении читабельности текста.

Основная информация, описывающая значение некоторого слова, может следовать за этим словом, как это имеет место в приведенных примерах. Описания значений могут носить характер прогнозирования и в этом случае предшествовать неизвестному слову или пробелу. Наконец, имеют место случаи одновременного прогнозирования и дополнительного описания. В этом случае информация о значении поступает с левой и правой стороны по отношению к описываемому слову или пробелу. Различия в направленности поступления информации о значении слова играют существенную роль в процессах восприятия смысла устных и письменных сообщений. Заметим, что по нашим наблюдениям такая направленность информации не одинакова для различных частей речи. Так, в исследуемых нами примерах однозначного описания существительных прогнозирование имело место в 22 % случаев, а при описании значений прилагательных — в 49 %. Случаи следования информации за описываемым словом составили 17 % для существительных и 34 % для прилагательных. Двустороннее поступление информации составляет 61 % для существительных и 17 % для прилагательных.

Таким образом, отмеченные свойства определенных синтаксических структур проявляют себя в несравненно более широком классе случаев, чем случаи описания значений неизвестных слов и восстановления пробелов. Благодаря этим свойствам производится выбор одного значения слова из множества известных при смысловом восприятии сообщений в практически любых актах коммуникации. Однако в силу сравнительной легкости принятия решений, связанных с выбором одного из известных значений, подобные свойства не проявляются с достаточной отчетливостью. В связи с этим поэлементный анализ грамматических, лексических, стилистических и других факторов, составляющих структуру контекста, оказывается трудновыполнимым или невозможным. В этом смысле обсуждаемый процесс исследования разнообразных свойств, влияющих на однозначность описания значения слов и восстановления пробелов может рассматриваться как достаточно эффективный метод изучения структуры контекста.

Список литературы: 1. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967. 2. Бейдер Е. И. Мотивационный аспект взаимодействия видов речевой деятельности // Иностранные языки в высшей школе. М., 1981. 3. Бейдер Е. И. К вопросу о раскрытии значений языковых единиц через контекст // Вестн. ХГУ, № 170. Харьков, 1978. 4. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957. 5. Carton A. Inferencing: a process in using and learning language // In: The psychology of second language learning. Cambridge, 1969. 6. Chomsky N. Language and mind. N. Y., 1972. 7. Ebbinghaus H. Über eine neue Methode zur Prüfung geistiger Fähigkeiten und ihre Anwendung bei Schulkindern. — Im: Zeitschrift für Psychologie, 13 (1897).

Поступила в редколлегию 30.09.87

СООТНОШЕНИЕ КОННОТАЦИЙ И КОНТЕКСТНОЙ СИТУАЦИИ В БИНАРНОЙ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Вопрос о соотношении метафорического значения и контекстных условий, необходимых для его реализации, до настоящего времени остается открытым и практически не изученным. Бинарный метафорический комплекс представляет в этом плане определенные удобства. В отличие от других видов метафор (одно-составной, развернутой), наша бинарная модель представляет особый вид метафоры, имеющий четкую структуру. По характеру аналогий при составлении метафорических бинарм, следствием чего является их большая или меньшая эффективность и образность, а также по степени их узуальности/оригинальности мы разделяем метафорические бинармы на три группы. К **первой группе** относятся выражения, которые являются наименованием каких-либо предметов, не имеющих изначального названия и денотация которых передается описательным способом при помощи генитивной конструкции: *coude de la muraille, man-teau de la cheminée, grain de la peau, pied du mur, pied d'un arbre bosses de terrain. lit du torrent. lit du ruisseau.* и т. д. *Sans trop de peine nous avons gagné la boushe du métro* [5, p. 311]. ... *J'allumais l'oeil de la télé* [4, p. 42].

Таким образом, мы имеем дело с метафорами, не замещающими какое-то прямое первичное имя, а впервые дающими наименование конкретным предметам [См. 1, с. 333]. Метафоры этой группы мы относим к числу терминов метафорического происхождения. Процесс формирования подобных терминов и в наши дни является довольно продуктивным. Они выполняют в системе языка исключительно номинативную функцию.

Вторую группу представляют так называемые традиционные, узуальные метафорические бинармы, в основе которых лежат объективированные ассоциативные связи, отражаемые в коннотативных признаках. Их «узуальный характер... вытекает из особенностей их значения или их синтаксиса. Такие обороты не могут быть импровизированы, они передаются готовыми по традиции» [2, с. 157]: *comédie de l'amour, orage de bruits, lac de broillard, miroir d'eau, mer de visages, forêt de têtes, déluge des paroles*...

Enfin, d'un mouvement rapide, il souleva la couverture du volume. Des lettres grasses, des images de suie, une **cascade**, une **avalanche**, une **poussière de mots** [10, p. 59]. ... Il finissait par baisser la tête sous l'**averse d'injures et de reproches** humiliantes que son père déchargeait sur lui [8, p. 17]. La musique est un **miroir implacable de l'âme** [9, p. 26]. ... Il s'y jeta hors d'haleine; et ce fut un **déluge de pleurs** [8, p. 81].

Ассоциации, на основании которых сталкиваются в бинарме разноприродные сущности, наглядны, поверхностны, легко расшифровываются. В цитируемых бинармах компонент N_1 семантически вариативен. Специфика метафорического значения компонента N_1 «проявляется в его синсемантической, т. е. способности указывать на мир только при совместной реализации с семантически ключевым словом» [3, с. 61]. Таким образом, значение компонента N_1 «привязано» к значению компонента N_2 в том смысле, что использует N_2 как источник формирования собственного значения. У компонента N_1 отмечается постоянство ассоциаций, которые рождаются и закрепляются за ним в результате его целенаправленного и регулярного употребления в границах фиксированного микроконтекста и связаны с постоянными экстралингвистическими характеристиками объектов обозначения. Следовательно, такие ассоциации социальны. Показателем фиксированности ассоциаций метафорического плана за компонентом N_1 является расширение границ его сочетаемости.

Des îles de mémoire commencent à surgir du fleuve de la vie [8, p. 49]. ... Le fécond désespoir d'où ce fleuve d'énergie héroïque est sorti [8, p. 26]. On s'est suspendu dans l'air, comme oiseau; et quand le fleuve des sons ruisselle d'un bout à l'autre de l'église ... [8, p. 53]. Grandeur et faiblesse appartiennent également à la race dont la pensée puissante et trouble roule comme le plus large fleuve de musique et de poésie, où l'Europe vient boire [9, p. 28]. У компонента N_1 *fleuve* независимо от лексической вариативности компонента N_2 регулярно воспроизводится постоянное метафорическое значение «поток», в результате чего вся бинарма несет метафорический заряд. Метафоры второй группы в силу своей узуальности превратились в социально закрепленные, традиционные, регулярно воспроизводимые средства экспрессивно-наименования различных реалий; для их правильной интерпретации достаточным является микроконтекст, ограниченный рамками бинарной структуры $N_1 + \text{de} + N_2$.

Третью группу представляют индивидуально-авторские, оригинальные метафорические бинармы. Эффект оригинальных метафор заключается в их способности совмещать несовместимые понятия, при помощи образной ассоциации выявлять новые, еще никем не открытые свойства в познаваемой действительности, формируя новые необычные языковые обороты.

... Je revois toujours la chambre où je venais rompre avec toi le pain de nos désirs, je revois toujours ta pâleur dévêtue qui, le matin, fait corps avec les étoiles qui disparaissent [6, p. 39]. Выделенная бинарма *pain de nos désirs* является оригинальным авторским творением, в ней заключена коннотация, отражающая индивидуальное, а не коллективное видение мира. Такое метафорическое выражение является единичным, неповторимым, ассоциации, лежащие в его основе, отражают субъективную оценку реальности, автор находит тесную связь в разноприродных сущ-

ностях: *rain* и *désirs* обнаруживая, тем самым, новые, неисчерпаемые возможности языка. В данном минимальном контексте отмечается явление гиперсемантизации — семантического осложнения вариативного компонента N_1 с его одновременной десемантизацией. Утрачивая первичную связь со своим денотативным значением, существительное *rain* ассоциируется в метафорическом контексте с абстрактным понятием *désirs*, в результате чего слово *désirs*, определяется как «нечто, что так же дорого и жизненно необходимо человеку, как хлеб — *rain*». Поскольку в таких метафорах мысль автора глубоко завуалирована, они с трудом поддаются дешифровке, сопряжены с немалым интеллектуальным напряжением. В большинстве случаев для правильной интерпретации метафорического смысла, закодированного в оригинальной метафоре, необходимо выйти за рамки бинармы — микроконтекста и обратиться к широкому контексту. Информация, привносимая оригинальными словосочетаниями, гораздо обширнее, ярче, эмоциональнее, чем у традиционных бинарм, они создают огромный информационный потенциал за счет расширения структурно-семантических возможностей языковых элементов.

Индивидуально-авторские метафорические бинармы (в силу вышеуказанных особенностей) играют немаловажную роль в речевом общении (в широком смысле), придавая высказыванию эмоциональную окраску и повышая степень его коммуникативной эффективности. В этом и состоит основная роль, которую они выполняют в художественном тексте.

Список литературы: 1. Арутюнова Н. Д. Синтаксические функции метафоры // Изв. АН СССР. 1978. Т. 37. № 4. С. 333—343. 2. Сосюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933. 3. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М., 1981. 4. Aragon L. Blanche ou l'oubli. Gallimard, 1967. 5. *Beauvoir de S.* Les mandarins. Gallimard, 1954. У. 1. 6. *Eluard P.* La vie immédiate. Gallimard, 1967. 7. *Robble-Grillet A.* Les gommies. Editions de Minuit, 1953. 8. *Rolland R.* Jean-Cristophe. Moscou, 1957. V. 1. 9. *Rolland R.* Jean-Cristophe. Moscou, 1957, V. 11. 10. *Troyat H.* La tête sur les épaules. P., 1951.

Поступила в редколлегию 12.12.87

Т. Ф. ЛОКШИНА

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ УСИЛЕНИЯ

Целью настоящей статьи является описание категориальных ситуаций усиления (КСУ) как типов контекстов «языкового отражения внеязыковых ситуаций» [1, с. 192]. Усиление трактуется как функционально-коммуникативная (прагматическая) категория (ФККУ) интерпретационного типа, отграниченная от смежных категорий (интенсивности, эмотивности, оценочности, образности) маркированностью выражения значимостной характерис-

тики того или иного объекта, включенного в диктальную часть пропозиции, и подчеркивания достоверности и истинности этих объектов в модальной части пропозиции. Средства выражения ФККУ систематизированы в терминах поля [3], а речевое функционирование его конstituентов образует комплекс КСУ, отражающий систему семантического варьирования в пределах поля.

Ситуации усиления подводятся под следующее типовое определение: данный участок пропозиционального содержания высказывания выделяется говорящим как самый важный в данной ситуации на основании категорической уверенности в его истинном соответствии/несоответствии какому-то фрагменту действительности или категорической убежденности говорящего в необходимости реализовать какое-либо действие, составляющее элемент фрагмента действительности, отражаемого в КС. Типы КСУ выделены на основании а) признаков, определяемых выделительно-усилительной семантикой 12 грамматических модификаций АФ $do + V_{inf}$ и специализированных лексико-синтаксических конструкций go/try and $V_{inf}!$, $go/try + V_{inf}!$, $go/come/try$ and V , $go/come + V_{ing}$; $it is \dots that/who/how/why/where/when$, т. е. клефтинга и его 9 модификаций, входящих в центр ФК поля усиления; б) признаков, обусловленных функционированием интенсификаторов группы *really* с семантикой «истинность/подтверждение»; в) признаков, определяемых комбинаторикой конstituентов периферии поля — синтаксических конструкций смещения, расширения, сокращения.

С точки зрения вычленимости доминирующей КС в составе общей сигнификативной ситуации КСУ 1—5 относятся к фокусированному типу на основании четкой выделяемости ведущего категориального семантического признака, соответствующего наименованию данного типа ситуации [2, с. 108].

1. Сущность ситуации категорической констатации факта состоит в оценке говорящим отношения содержания высказывания действительности в плане выражения категорической уверенности в соответствии этого содержания определенным отношениям и связям: *One of the first things I was to realize was that at noon it was impossible to tell whether you were going north, south, east or west, and I learned that it was at this time of the day when the big six-wheeled cars most often went off the track. On one of my later journeys across the desert this did actually happen (A. Christie).*

2. Ситуация категорического отрицания факта имеет два варианта: а) обобщенного отрицания, когда отрицается самый факт осуществления действия: *"I still think you were hateful that night... Leaving me alone like that when anything might have happened to me! —" But nothing did happen to you. So you see my confidence in you was justified (M. Mitchell);*

б) частного отрицания, когда отрицательный контекст выделяет темпоральный, локативный или квалификативный участок про-

позиции: At no one moment did Lilia realize that her marriage was a failure (E. Forster).

3. Семантическая основа ситуации контрастного выделения остается принципиально прежней: подчеркивание истинности фактов, точек зрения и т. п. при оценке событий, явлений. Ее дифференциальной характеристикой является реализация признака в условиях утверждаемой альтернативы, или фокуса контраста. Оценка говорящим утверждаемой альтернативы как «более подходящей» [5, с. 288] обусловлена а) необходимостью усилить те аспекты высказывания, которые могут быть неправильно интерпретированы (фактор коррекции): The Minister emphasizes that the publication of a leaked memorandum in the Daily Usurper raises no issues relating to the nuclear industry. But it does, however, raise grave and important questions about the standards of loyalty in public services (H. Brenton, D. Hare);

б) необходимостью посредством языковой аргументации внести изменение в модель мира адресата, ведущее к изменению его деятельности или порождению желательной ценности (фактор аргументации): "A complete holiday, a complete rest, that's what you need. Have you decided where you are going? "—" I've changed my mind... I don't think I'm going away, after all. "—" Darling, I do think you should go. Believe me. Believe us, it what is best for you (I. Murdoch).

4. Семантический тип ситуации выбора из множества основан на второй части определения альтернативы «как необходимости выбора одного из двух или нескольких возможных решений, направлений, нужных вариантов» [4, с. 46]. В данном текстовом фрагменте говорящий выделяет из нескольких тот элемент, который является самым существенным в его модели мира: "the power, mastery" It was not the popularity, the celebrity, if you like, that she cared for, nor the hold she had over audiences, the real love they bore her, it was certainly not the money, this has brought her; it was the power, she felt in herself, her mastery over the medium that thrilled her (C. Maugham).

5. Семантическая сущность ситуации убеждения определяется выражением категорической уверенности говорящего в том, что его партнеру необходимо совершить какое-либо действие: Sit down! ... Do sit. Do. Be tolerant with my nerves (E. Peluso).

К нефокусированной КСУ относится ситуация (6) эмоционального напряжения, включающая высказывания без явной ориентации на категориальный смысл усиления с присущей ему фиксации на истинность действительного или возможного положения дел. Основанием включения ситуации (6) в комплекс КСУ является общность коммуникативной стратегии приоритета, понимаемой как план реализации коммуникативных намерений говорящего, который выделяет наиболее значимые компоненты смысла. Если в ситуациях (1-5) по принципу приоритета выделялись референциальные, модальные, логические компоненты смысла, то в ситуации (6) выделяется эмоциональный компонент,

соотносящий содержание высказывается с личностью говорящего, его миром оценок, чувств: "What do you do to me?" she cried. What beastly thing do you do to me? You put a horrible pressure on my mead, you don't let me sleep, you don't let me live. Every moment of your life you are doing something to me, something horrible and beastly in your will. What do you want of me? (D. Lawrie that destroys me. There's something horrible in you, something terrible).

Все варианты КСУ характеризуются сходной внутренней организацией. Сильный признак ситуаций (1-5) выражается (в порядке убывания интенсивности): а) специализированными средствами центральных сегментов ФКПУ; б) взаимодействием центральных и периферийных конstituентов; в) конвергенцией синтаксических конstituентов периферии. Выражение сильного признака ситуации (6) обеспечивается конвергенцией синтаксических средств периферии в условиях облигаторного взаимодействия с эмоционально-оценочной лексикой.

Список литературы: 1. Бондаренко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М., 1983. 207 с. 2. Бондарко А. В. Функциональная грамматика. М., 1984. 136 с. 3. Локшина Т. Ф. Явление усиления участков информационной структуры высказывания и система средств его реализации // Тез. конф. Семантика в преподавании русского языка как иностранного. Х., 1987. С. 112—114. 4. Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. М., 1985. 1560 с. 5. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топика и точки зрения // Новое в лингвистике. 1982. Вып. 11. С. 277—316.

Поступила в редколлегию 28.09.87

В. П. КРИВЕНКО, канд. филол. наук

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ БУДУЩЕГО В ПРОШЕДШЕМ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В современном немецком языке, по мнению многих авторов, отсутствует специальная временная форма для выражения «будущего в прошедшем» [7, с. 99—100], как это имеет место в других языках. Однако в публикациях на эту тему ничего не говорится о том, почему возникла и существует необходимость выражения подобных временных отношений в современном немецком языке. Не ставится также вопрос о том, какая грамматическая форма времени преобладает при выражении будущего в прошедшем. Упоминаются лишь различные возможности выражения этих временных отношений, однако нигде речь не идет о сути исследуемого явления. Как уже говорилось, потребность выражения таких темпоральных отношений существует, и она реализуется в немецком языке различными способами. Иногда для выражения будущего, не выходящего за рамки про-

шедшего, используется футурум I. Например:

(1) Konnte er Geld und Soldaten aufreiben, dann setzte er diesen frechen Gebirglern Franzosen, Burgunder, Rheinländer in den Pelz nach seinem Belieben. Brachte er kein Kapital und keine Armee auf, dann wird er in Gottes Namen seine Versprechungen halten (L. Feuchtwanger. Die häßliche Herzogin).

В приведенном выше примере в сфере прошедшего времени употребляется довольно редко. Чаще для обозначения «будущего лица о предстоящих событиях. Подобное употребление футурума I схоже с употреблением *präsens historicum* [5, с. 181]. Следует, однако, отметить, что футурум I в сфере прошедшего употребляется довольно редко. Чаще для обеспечения «будущего в прошедшем» используется плюсквамперфект, употребление которого соответствует употреблению перфекта вместо футурума II в сфере настоящего [6, с. 221].

Например:

(2) Gabriels Vater mußte informiert und zu den schwerwiegenden Vorwürfen, die sein Sohn gegen ihn erhob, gehört werden. Erst wenn dies geschehen war, konnte man klarer urteilen... (W. Joho. Der Sohn).

В сфере прошедшего будущее также может выражаться аналитической конструкцией *würde* + *Infinitiv*, которая в этом значении может утрачивать свой конъюнктивный характер, а также конструкциями *sollte*, *wollte*, *mußte* + *Infinitiv*, модальность которых до определенной степени нейтрализуется в зависимости от значения того или иного модального глагола [3, с. 711]. Например:

(3) Ich drohte ihm, meinem kleinen, lieben Pa, daß ich ihn verlassen würde, und er mich nie, nie mehr sehen sollte, wenn er mir nicht gehorchte (B. Kellermann. Der Tunnel).

Чаще всего, однако, для выражения будущего с точки зрения прошедшего используется форма претерита. Поэтому нам представляется необходимым более подробно остановиться на «футуральном» претерите и установить причины и условия его функционирования в этом качестве.

Когда речь идет о «чистом» будущем, то имеется ввиду, что перспектива автора и перспектива говорящего совпадают, полностью выходят за рамки прошедшего и находятся в будущем. Что же касается «будущего в прошедшем», то перспектива автора и перспектива действующего лица не выходят за рамки прошедшего [2, с. 118]. Здесь, собственно, речь будет идти не о будущем, а лишь о следовании событий в прошлом. Если мы говорим о «будущем в прошедшем», то перспектива автора и перспектива персонажа, хотя и не выходят за рамки прошедшего, однако не совпадают: перспектива действующего лица передвинута на более позднее время. Например:

(4) Aber wenn man sich das aus Fakten zusammengesetzte Gerüst ansah, dann gab es nur zwei Pfeiler, die den gesamten Bau halten mußten... (K. H. Weber. Museumsräuber).

Несовпадение двух видений времени (автором и персонажем),

по всей видимости, можно объяснить тот факт, что в современном немецком языке реально существует необходимость выражения «будущего в прошедшем». Некоторая ущербность темпоральной парадигмы немецкого глагола компенсируется тем, что основным временем в сфере прошедшего является претерит. Это самая универсальная форма времени, которая может употребляться вместо перфекта и плюсквамперфекта, основным же значением которой остается выражение прошедших событий. А так как «будущее в прошедшем» полностью находится в прошлом, то основной формой для его выражения ввиду влияния окружающего контекста является форма претерита. Например:

(5) Zu Hause angekommen, konferierte Boris mit den Ärzten, dann zog er sich auf sein Zimmer zurück und streckte sich auf ein Sofa aus, jeden Augenblick bereit aufzuspringen, wenn ihn die Ärzte riefen (Kellermann. Die Standt Anatol).

Другим условием функционирования претерита в качестве «будущего в прошедшем» является так называемый "Berichtscharakter" окружающего его контекста [4, с. 1]. Так как "Bericht" служит для передачи чужих высказываний, не являясь при этом косвенной речью, целесообразно этот термин передавать в русском языке как «реферирование».

Претерит, выступающий в качестве «будущего в прошедшем», может иметь значение как футурума I, так и значение футурума II. Это зависит от категории перфективности/имперфективности того или иного глагола. Имперфективные глаголы обычно дают значение футурума I, а перфективные (или каким-либо образом перфективированные) глаголы в результате редупликации значения перфективности получают значение футурума II (повествовательный контекст обладает способностью перфективировать имперфективные глаголы). Например:

(6) Viele hatten auch Zimmer in den Hotels gemietet und legten sich auf ein paar Stunden schlafen, mit dem Befehl, sie augenblicklich zu wecken, "im Falle etwas passierte". Über die Straßen regneten schon Extrablätter nieder (R. Kellermann. Der Tunnel).

Данный текст содержит реферирование чужих слов. Претерит глагола "passieren" употреблен в значении будущего. Будущее, выражаемое претеритом этого глагола, по своему значению соответствует футуруму I. Форма претерита может без ущерба для смысла высказывания быть заменена формой футурума I.

(7) Sadowski erzählte mir alsbald, was er von diesen Leuten wußte. Der Vater der Kinder war Konsularbeamter. Sie gingen in Rio in eine portugiesische Schule. Zugleich gab ihnen die Mutter polnischen Unterricht. Ihr Koffer war voll polnischer Schulbücher. Vor dem Ende der Ferien fuhr sie heim mit den Kindern, damit sie in Krakau ihre Examen machten. Fuhr der Vater endgültig heim, konnten sie ohne Schwierigkeiten jeden Beruf erlernen. (A. Seghers. Die Überfahrt).

В данном примере перед нами также реферирование чужого высказывания, что видно из контекста. Претерит глагола

"heimfahren" выражает будущее, причем это будущее сопоставимо с футурумом II. Это явление можно объяснить тем, что глагол "heimfahren" перспективный. Будучи употребленным в повествовательном (перфективном) контексте, в результате редупликации значения перфективности претерит этого глагола приобрел значение результативности. Поэтому он вполне может быть замечен формой перфекта в значении футурума II.

Список литературы: 1. Жеребков В. А. Опыт описания грамматической категории времени в системе немецкого глагола // Уч. зап. Калининск. пед. ин-та. Т. 72. Вып. 3. 1970. 200 с. 2. Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М., 1979. 219 с. 3. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache, 3. Aufl., Bd. 4. Mannheim/Wien/Zürich: Bibliographisches Institut, Dudenverlag, 1973. 736 S. 4. Herdin E. Studien über Bericht und indirekte Rede im modernen Deutsch. Uppsala, 1905. 200 S. 5. Petkov P. Futurische Verhältnisse im präteritalen Zeitplan/Deutsch als Fremdsprache, 1969, Hf. 3. S. 180—184. 6. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre. Berlin: Volk und Wissen Volkseigener Verlag, 1965. 323 S. 7. Зеребков В. А. Das Verb. Ein Hilfsbuch zur deutschen Grammatik. Moskau: Hochschule, 1977. 192 S.

Поступила в редколлегию 10.12.87.

В. А. ПОДМИНОГИН, канд. филол. наук

О ВАРЬИРОВАНИИ И ОМОНИМИИ НЕМЕЦКИХ ВРЕМЕННЫХ ФОРМ В КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТЕ

Утверждение ряда немецких лингвистов о том, что немецкий язык не располагает сложившейся объективной системой грамматических форм времени (Tempusformen), имело следствием не только возникновение десятилетия длившейся дискуссии по этому поводу, но и отвлечение внимания германистов от проблемы употребления конкретных языковых временных форм в различных функциональных стилях, их вариантности и корреляции в живой речи, в процессе коммуникации. Актуальной в этой связи не только для изучающих немецкий язык, но и для его носителей является как проблема омонимии в системе временных форм, так и в более широком смысле изучение возможностей варьирования в устной и письменной речи различными временными формами с учетом стилистического, экстралингвистического и др. факторов.

Так например употребление претерита в процессе коммуникации не доставляет носителям языка особых хлопот, тут все более или менее ясно: это форма рассказа (Erzählungsform), обозначающая события в прошлом, не связанные с настоящим говорящего Ср.: Im August 1984 brach der I. Weltkrieg aus (nicht: ... ist ... ausgebrochen). При этом та или иная дата в прошлом есть четкий индикатор претерита. Однако для обозначения событий совсем недавнего с точки зрения говорящего прошлого наряду с претеритом все более смело утверждает себя перфект. С.: Gestern morgen verpaßte ich die Straßenbahn (genausogut: ... habe ich ... verpaßt). Предложение Gagarin flog als erster in den Kosmos вполне корректно с точки зрения выбора временной формы, т. к. описываемое событие имело место в сравнительно отдаленном прошлом. Но все чаще, и в особенности в газетных заголовках мы встречаем претерит там, где его по всем правилам не должно быть. Ср.:

"Bundesregierung kündigte Entwicklungshilfe" (statt: hat gekündigt)

"Papst spricht zu Journalisten" (statt: hat gesprochen).

"Primadonna taufte Tanker" (statt: hat getauft).

Ведь что может, вернее, должно быть более актуальным и связанным с настоящим, чем газета (и, следовательно, перфект в заголовке)?! Причина здесь проста и связана скорее не с языком, а с превратно понятой языковой экономией. Ясно, что чем более актуален и важен заголовок, тем более крупно и броско подается он в газете, тем меньшее количество слов он должен содержать. В противном случае внимание читателя рассеивается и эффект воздействия в значительной мере ослабевает. Именно здесь вместо двусложного тяжеловесного перфекта и появляется простой и удобный претерит. Опасность в этом случае состоит в том, что экстралингвистический по сути дела фактор, благодаря влиянию средств массовой коммуникации обуславливает восприятие читателями здесь претерита как явления нормативного, что весьма проблематично. Можно конечно долго спорить о «демократизации» нормы и т. п., но бесспорным представляется одно: если развитие и употребление языковых форм все интенсивнее будет обуславливаться извне критерием «удобности», то все меньше оснований будет говорить о понятии нормы как таковой.

Особого внимания заслуживает передача перфектного значения. И здесь мы отмечаем расхождения при употреблении перфектных форм в речи. Это можно продемонстрировать на примере перфектных форм модальных глаголов. Грамматиками в качестве таковых признаются формы типа *er hat es machen können*. Специфическими чертами этих форм является то, что ведут они себя несколько иначе, чем перфектные формы обычных глаголов, изменяя форму причастия II на форму эрзац-инфинитива и обуславливая особый порядок слов в придаточном предложении. Но это лишь структурная особенность, закрепленная в грамматической норме. На практике же оказывается, что носители языка в процессе коммуникации употребляют и другие формы с модальными глаголами вместо или наряду с вышеуказанными. Объяснения этих фактов языковой действительности нормативные грамматики не дают.

Так например, хотя и относительно редко, в речи и на письме встречаются формы, в которых причастие II от модального глагола фигурирует так сказать в «чистом» виде. Ср.:

Kann ich es nicht unterlassen, dir ausführlich zu beschreiben, wie sein Unglück über uns gekommen und derselbe in den Jahren **hat quälen gemußt**" (Th. Weissenborn);

Ich aber lief, um Carl noch zu erreichen... Ich traf ihn vor seiner Tür "Carl": rief ich. "Riese **hat mich hauen gewollt**: H. Mann).

Говоря о причинах появления таких «нелегитимных» форм можно предположить, что использование в приведенных примерах «нормальных» форм с эрзац-инфинитивами (*hat quälen müssen/hat hauen wollen*) не кажется говорящему (пишущему) достаточным, чтобы подчеркнуть значение перфектности именно потому, что причастие II в обычных формах (*hat quälen müssen/hauen wollen*), пусть лишь по внешнему виду, но совпадает с формой инфинитива I, у которого значение завершенности действия во времени полностью отсутствует. Чтобы избежать кажущейся двусмысленности и намеренно эксплицировать перфектное значение и употребляется форма с причастием II от модального глагола. Здесь стремление говорящего абсолютно однозначно и недвусмысленно оформить высказывание заставляет его прибегнуть к избыточным языковым средствам, что при окказиональном употреблении представляется вполне оправданным и не вызывает у следующего сомнения в правомерности существующей нормы.

Еще более интересным представляется случай, когда нормативные формы могут заменяться формами с инфинитивом II и выражать сходное временное и модальное значение. Причем в обширных языковых регионах они и являются единственным приемлемым для носителей языка, употребляясь в основном в устной речи (*norddeutsch* 'ich wollte Sie in der letzten Woche **angerufen haben**-Ich habe Sie... **anrufen wollen**) Факт их употребления взамен

нормативных подтверждается также данными диахронического анализа (mhd./fr. nhd.: er soll gemacht haben-er hat machen sollen)

Важно также отметить, что сфера употребления форм с перфектным инфинитивом, находящихся все большее распространение в разговорной речи, значительно шире чем у нормативных, так как помимо объективно модального они могут выражаться и субъективно модальное значение. Однако здесь не возникает трудностей при определении выражаемого значения (объективная или субъективная модальность), так как речевой контекст четко позволяет определить, что именно имеется в виду. Ср.:

I. So muß auch im Altfranzösischen einmal ein Gefüge gegeben haben "tu toucher — as"... Das ist dann nicht Gefüge geblieben, sondern zu einer Form zusammengewachsen (H. Glinz); Ungefähr zwanzig Minuten mag ich unterwegs gewesen sein (P. Elgers); Die Tat kann im Affekt begangen worden sein, sie kann auch vorsätzlich erfolgt sein (K. — H. Weber).

II. "Pat", sagte ich noch in der Tür. "Kannst du bis heute abend alles gepackt haben?" (E. M. Remarque); Am frühen Morgen, wenn es heiß war, mußte man in die Klinik fahren. Man durfte nichts vergessen haben (H. Mann).

На этом примере видно, что языковая практика может оказывать существенное влияние на формирование грамматических, лексических и др. средств выражения определенных языковых значений. Наряду с нормативными могут функционировать формы, находящиеся лишь в стадии становления и апробируемые в процессе коммуникации. В этой связи особое внимания заслуживает как сама проблема соотносительности таких форм (вариант или синоним?), так и вопрос о их временной и семантической наполненности.

Приведенный анализ еще раз демонстрирует необходимость теоретического осмысления многочисленных явлений языковой практики в коммуникативном плане с учетом их развития и распространенности на различных уровнях.

Н. И. МАСЛОВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ ИНДИИ (40—80 гг. XX СТОЛЕТИЯ)

Английский язык в Индии (IE), его статус, своеобразие коммуникативной роли как языка-посредника и положение в архисистеме английского языка привлекают внимание индийских и зарубежных исследователей, но многие стороны этого сложного явления — сосуществования бывшего языка метрополии с автохтонными языками — недостаточно изучены. Практически не исследован характер развития IE, вариативность его подсистем и единиц. В настоящей статье сделана попытка проследить сдвиги в употреблении глагольных граммем в англоязычной прессе Индии 40—80 гг. XX века. Остановимся лишь на наиболее отчетливых случаях отступлений узуса IE от британской нормы (качественный аспект). Следует подчеркнуть, что эти особенности представляют лишь «отдельные вкрапления» в систему. Некоторые из этих различий были отмечены исследователями [7, 11], однако, они не систематизированы, а целый ряд качественных характеристик IE не нашел еще полного и всестороннего освещения. Рассмотрим своеобразие взаимоотношений Past S — Pr. Perfect — Past Perfect в индоанглийском. Так, вместо ожидаемо-

го в соответствии с британской нормой *Pr. Perfect* в контексте настоящего, встречаем *Past Perfect* в вводящем абзаце:

1) "Dr. Rawal, in his affidavit, **denies he had committed** any irregularity in performing his duties and **averts** that he did not even know the names of the students who appeared for the M. D. examination" (Blitz, March 8, 1966, p. 1), аналогично в *IE* (Д). В. П. Липеровский отмечает, что плюсквамперфект хинди — «средство изображения ситуации, исходной для развертывания событий, относимых к плану повествования» [2, с. 143]. Плюсквамперфект хинди, по оценке исследователей, может обозначать действие, соотнесенное с моментом речи [2, с. 144] там, где идея релевантного предшествования не выражена. Тогда в индоанглийском встречаем *Past Perfect* вместо *Past S*:

2) "During the independence movement, he **had ranged** across Europe and Asia and **accumulated** a store of knowledge of international affairs and information that was equalled by few Foreign Ministers" (Times of India, May 28, 1964, p. 1). В индоанглийском нередки случаи, в обоих ареалах, когда *Past Perfect* употребляется с точной датой в прошлом, вместо типичного, для нормы *BE*, в данном случае *Past S*: 3) "The local election in the Capital held in 1977 **had put** the Janata Party in firm control of both the Metropolitan Council and the corporation" (Times of India, February 5, 1983, p. 7), аналогично в *IE* (Д). По-видимому, на подобное употребление *Past Perfect* влияет характер времени в хинди, где плюсквамперфект способен относить действие к определенному моменту в прошлом [9, с. 85]. Здесь "had put" на самом деле не предшествует, а следует за выборами, т. е. сема предшествования не представлена.

Одной из синтагматических особенностей плюсквамперфекта хинди является способность передавать значение «снятой перфективности, когда результат утрачивает свою силу к моменту речи» [2, с. 144]. В этом случае в *IE* встречаем *Past Perfect* вместо *Past S* (*Pr. Perfect*): 4) "These centuries **had witnessed** profound changes in religion and the art inspired by it. Both the Hinajana and the Mahajana schools of Buddhism **had disappeared** from the land of Budha, making way to Hinduism as we know it today" (Sunday Statesman, January 24, 1954, p. 1).

Остановимся на особенностях употребления перфекта настоящего времени в английском языке Индии. Наличие в синтаксисе хинди и тамильского бинарной оппозиции «простой — сложный глагол» для передачи значений перфективности, процессивности [2; 6, с. 64, 67] накладывает определенный отпечаток на конкуренцию перфекта и претерита /аориста/ в индоанглийском. Так, С. К. Чаттерджи отмечает "Modified verbal expressions are new Indo—Aryan formations that have replaced — to some extent at least — Sanscrit compounds proper" [цит. по 10, с. 65]. Подобное положение приводит к ситуации, когда «перфекты функционально перераспределяются: старый смещается к функциональной сфере претерита, новый выступает как собственно перфект»

[5, с. 179]. Нам представляется, что этот вывод В. П. Литвинова в определенной степени отражает положение в индоанглийском, когда зачастую стираются различия между перфектом и претеритом: 5) Pr. Perfect вместо Past S: "For the last 2,200 years Ashoka's numerous inscriptions spread all over the country are keeping his fame alive. The Chinese traveller Fahein who came to India 650 years after Ashoka's death **has referred** to six pillars of Ashoka. But Huen Tsang, who came in the 7th century A. D. during Harsha's rule **has mentioned** 15 Ashoka pillars" (Hindustan Times, February 22, 1948, p. 7). Аналогично в IE (Д).

Исследователи выделяют такую синтагматическую черту перфекта «как способность сочетаться в предложении с лексическими элементами, указывающими на отнесенность действия к прошлому» [2, с. 140]. Pr. Perfect с "earlier" и т. п.: 6) In the course of his presidential address, Mr. Jivraj Mehta said (earlier portions of his address **have appeared** in these columns yesterday): The Subject of Nutrition has been for several years the concern of most countries in the world" (Hindu, November, 13, 1944, p. 2), аналогично в IE (Н). Советские и зарубежные исследователи также склонны говорить о возможности конкуренции перфект/претерит в английском [8, p. 42], в южнонемецких диалектах [1, с. 150]. Отметим еще ряд интересных качественных особенностей IE. Полагаем, что несоблюдение закона согласования времен в хинди [3, с. 183—5] может являться причиной атипичной для BE комбинаторики времен в индоанглийском: 7) "The finance minister **stated** that if the Maharashtra legislature **thinks** it should have the amendment, Opposition members including Mr. Advani **had no business to condemn** that move in this house" (Times of India, March 3, 1984, p. 1). Отсутствие вида в тамильском и необходимость учета особенностей детерминанты агглютинативного языка приводит к тому, что такая характеристика действия как «наличная результативность» более важна, чем «категория прошедшего времени» [6, с. 128]. Возможно этим объясняется тенденция IE(Д) подавлять темпоральные отношения аспектуальными, зачастую это сопровождается атипичной комбинаторикой: 8) When Ramdas Katari **was in** college his father **had wanted** him to be an engineer like himself. But due to a quirk of fortune, Katari **ended up** in a Navi. Beyond being fascinated by the life and careers of Lord Nelson and Lord Mountbatten Katari **had shown** no interest in the sea (Hindu, June 11, 1964, p. 6).

Полагаем, что отмеченные выше качественные особенности IE могут иметь ряд объяснений: **общелингвистические**: отсутствие соответствий в номенклатуре основных глагольных категорий (времени, вида, таксиса) в BE и автохтонных языках Индии, вследствие чего для передачи категориальных значений BE, IE, (Н), IE (Д) используют различные составляющие поля темпоральности, аспектуальности; **социолингвистические**: специфика статуса хинди, тамильского в социокоммуникативной системе Индии.

Известная однотипность качественных отклонений в обоих ареалах говорит о неабсолютном характере влияния автохтонных языков: влияние хинди — официального языка Индийского Союза — вероятно оказывается ведущим, несмотря на строевые различия.

Список литературы: 1. *Тухман М. С.* Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. С. 117—174. 2. *Липеровский В. П.* Глагол в языке хинди. М., 1984. 229 с. 3. *Липеровский В. П.* Сложноподчиненное предложение в современном литературном языке хинди // Вопросы грамматики языка хинди. М., 1962. С. 171—230, 183—185. 4. *Литвинов В. П.* Движение теоретического понятия (на материале «перфекта») // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. М., 1984. С. 176—195. 5. *Рудин С. Г.* Специализированные глагольные сочетания тамильского языка // Вopr. языкознания. 1975, № 4. С. 64—77. 6. *Сундарам С. К.* Глагольно-именные категории в системе русского языка в сопоставлении с тамильским: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 188 с. 7. *Kindersley A. F.* Notes on the Indian idiom of English: Style, syntax and vocabulary / Transaction of the philological society, London, 1938. P. 25—34. 8. *Language in the British Isles.* ed. by P. Trudgill. Cambr. Univ. pres, 1985. p. 42. 9. *Porizka V.* On the Perfective Verbal Aspect in Hindi. Perfective Verbal Expressions in Hindi (a new line of approach to the problem) / Archiv Orientalni, Praha, Sv. 45, 1977. С. 65—78. 10. *Власко Н. К.* Вариативность и норма в синтаксисе современного английского языка в Индии / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 17 с. 11. *Spitzbardt H.* Indian English. Berlin, 1975, N 178. P. 42.

Поступила в редакцию 01.12.87

З. Н. ЛИПКО, канд. филол. наук,
И. П. ЛИПКО, канд. филол. наук,

ВАРИИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛОМ HAVE В МОДАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ В БРИТАНСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Языковое и речевое варьирование в различных национальных вариантах единого полинационального языка представляет собой сложную и многостороннюю проблему, изучение которой помогает более широкому познанию своеобразия развития полинациональных языков в современном мире.

Методология советского языкознания предполагает диалектическое единство скрупулезного анализа фактов и их теоретического осмысления.

В многомерности варьирования, прослеживающейся на разных уровнях структуры языка и в речи, особую сложность для анализа представляет грамматическое варьирование, в котором наиболее отчетливо проявляются тенденции полинационального языка.

«Вариантность является одним из наиболее показательных проявлений диалектики существования и функционирования естественного языка. Вся она строится на противоречиях» [2, с. 67].

Хотя проблеме варьирования языковых единиц посвящено значительное число работ [2—5, 7, 8], многие частные вопросы, например варьирование структуры вопросительных предложений с глаголом *have* в модальном значении (т. е. модели *have + pr. + to V.?* и *do + pr. + have + to V.?*) в двух важнейших национальных вариантах полинационального английского языка не было объектом специального рассмотрения, хотя в различных трудах встречаются отдельные наблюдения, касающиеся структуры этих предложений.

Отсутствие обобщающих исследований этого вопроса приводит к тому, что даже в авторитетных трудах [см., например, 8, с. 27] приводятся суждения о структуре этих вопросов в британском /BE/ и американском /AE/ вариантах, не дающих адекватного представления об их использовании.

Изучение данной проблемы в синхронии и диахронии углубляет понимание общих и различительных черт исследуемых вариантов, возникших в процессе языковой эволюции, с одной стороны, и помогает в поиске причинной обусловленности тех или иных сдвигов в этой области, даже за относительно короткий исторический период (XIX—XX вв.), с другой.

Такой комплексный подход к изучению национальных вариантов с точки зрения варьирования *have* — структур с *do* и без *do* позволяет проследить характер и направление развития национальных вариантов единого полинационального языка.

Данная статья посвящена изучению варьирования *have + pr. + to V.?* и *do + pr. + have + to V.?* в BE и AE вариантах английского языка в синхронии и диахронии в сопоставлении с данными, полученными в диссертации И. П. Липко относительно употребления *have* — структур с *do* и без *do* в их основном посессивном значении (*have_{pos.}*) [5, с. 15].

В процессе изучения данной проблемы нами был определен ряд конкретных вопросов: 1) справедливо ли утверждение относительно того, что глагол *have* в модальном значении (*have_{mod.}*) всегда употребляется в речи с *do*, т. е., что модель *do + pr. + have + to V.?* универсальна; 2) с одинаковой ли интенсивностью проникала аналитическая тенденция в предложения с *have* в посессивном и модальном значениях в вопросительных предложениях в BE и AE на протяжении XIX и XX вв.; 3) наблюдаются ли атипичные случаи в обоих вариантах.

Как свидетельствуют наши данные, в XIX в. в обоих национальных вариантах *do* — структур с *have_{mod.}* было больше, чем *do* — структур с *have_{pos.}* в BE в 2,5 раза (5 и 2 %), в AE — в 4,6 раза (46 и 10 %), при этом в AE удельный вес *do* — структур как с *have_{mod.}*, так и с *have_{pos.}* больше, чем *do* — структур в BE. Так, в XIX в. *do* — структур с *have_{pos.}* было в 5 раз больше в AE, чем в BE (10 и 2 %), а с *have_{mod.}* в 9 раз больше в AE, чем в BE (46 и 5 %). Кроме того, как с *have_{pos.}*, так и с *have_{mod.}* в BE и AE в XIX в. доминировали структуры без *do*.

Приводим ряд примеров исследуемых структур:

XIX век (BE)

- Have_{mod.}: 1) Does one have to be acquainted with him? (W. Norris).
2) What else had you to learn? (Carroll).

AE

- Have_{mod.}: 1) Do I have to tell you I wanted to have you to myself? (W. Cooper). 2) Hadn't they at last to look the fact in the face? (H. James).

В XX в do-структуры имеют бóльший удельный вес в структурах с have_{mod.}, чем do-структур с have_{pos.} в BE и AE. Так, в BE их в 2,7 раза больше (76 и 28 %), а в AE — в 1,6 раза (98 и 60 %). Do-структуры доминируют в AE как в have_{pos.}, так и с have_{mod.}, тогда как для BE это справедливо только для have_{mod.}.

Что касается have_{pos.} в BE, то do-структуры уступают структурам без do. Удельный вес do-структур как с have_{pos.}, так и с have_{mod.} в AE больше, чем do-структур в BE. Так, в AE do-структур с have_{pos.} в 2,1 раза больше, чем в BE (60 и 28 %), а с have_{mod.} в 1,3 раза (98 и 76 %).

Приводим ряд примеров рассматриваемых структур:

XX век /BE/

- Have_{mod.}: 1) Do you have to do all that? (Manning).
2) When have you to pay for them? (Lawrence).

AE

- Have_{mod.}: 1) When do you have to go back? (Jaffe).
2) What have you to say to him? (U. Sinclair).

При микродиакроническом подходе к изучению данного вопроса обнаружено, что в BE рост do-структур с have_{pos.} в XX в. по сравнению с XIX в. составил 1:14 (2 и 28 %), а с have_{mod.} — 1:15 (5 и 76 %). Для AE рост do-структур с have_{pos.} составил 1:6 (10 и 60 %), а с have_{mod.} — 1:2,1 (46 и 98 %).

Таким образом, можно констатировать тот факт, что интенсивность роста аналитических образований как с have_{pos.}, так и с have_{mod.} больше в BE, чем в AE. Это объясняется тем, что уже в XIX в. в AE do-структур в предложениях с have_{pos.} и с have_{mod.} было больше, чем в BE, т.е. амплитуда сдвига оказалась меньшей.

То обстоятельство, что в обоих национальных вариантах в рассматриваемых структурах с have_{pos.} и have_{mod.} наблюдается рост do-структур, хотя и с различной интенсивностью (в BE с have_{pos.} в 2,3 раза больше, чем в AE, а с have_{mod.} в 7,5 раза больше, чем в AE), свидетельствует о едином направлении развития BE и AE на данном участке синтаксиса, т.е. в обоих национальных вариантах наблюдается усиление аналитизма и отчетливая доминанция конвергентных процессов. Как указывает Стривенс [8, с. 82], "The Mixture of British and American varieties becomes greater".

То обстоятельство, что наряду с преобладанием do-структур с have в AE в посессивном и модальном значениях возможно и использование моделей have+pr.+V.? и have+pr.+to V.?, объяс-

няется тем, что инновация никогда не охватывает всю систему или подсистему в целом.

Как справедливо отмечает Б. А. Серебрянников, «тенденции к созданию системы глобального охвата в языке противостоят тенденция к атомарности» [6, с. 14].

В АЕ модальные структуры с *do* имеют практически универсальный характер. Сопоставляя английский язык Елизаветинского периода с современным английским языком, Стривенс подчеркивает рост стандартизации в современном английском языке Великобритании, что вполне закономерно в условиях современного мира и особенно отчетливо проявляется в США, где английский язык является средством общения различных по этническому составу масс населения.

Старое качество, т. е. структуры без *do* с *have_{mod.}* сохраняется в ВЕ в XX в. преимущественно в специальных вопросах, главным образом, вводимых "What" и "Why", значительно в меньшем числе случаев в общих и в единичных случаях в разделительных вопросах, например:

- 1) Why had the world to be carried on? (Galsworthy).
- 2) Have I to do anything? (Galsworthy).

В XIX в. в ВЕ специальные вопросы больше всего сопротивлялись проникновению *do*-структур, в общих вопросах модель с *do* использовалась в единичных случаях.

Что касается АЕ, то в XIX в. *do*-структуры доминировали в общих вопросах, а удельный вес специальных вопросов с *do* был незначителен. В XX в. обнаруживаем тенденцию к использованию структур без *do* в случаях семантически промежуточных между *have_{mod.}* и *have_{pos.}*. Например: What have you to be afraid of? — «Чего Вам бояться?» и «Чего Вы должны бояться?».

Это, во-видимому, свидетельствует о том, что граница между значениями посессивности и модальности долженствования мобильна, и значение модальности, представленное глаголом *have+to V.*, является вторичным.

Таким образом, анализ обнаружил значительные количественные сдвиги, в которых заложены предпосылки качественных изменений. Как говорил В. И. Ленин, «...изменение, выступающее как чисто количественное, переходит также в качественное — на эту связь обратили внимание уже древние» [1, с. 110].

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 110. 2. Вышинкин Е. Г. Вариативность в языке и в лингвистической теории // Вариантность как свойство языковой системы: Тез. докл. М., 1982. Ч. 1. С. 67—69. 3. Вариантность как свойство языковой системы: Тез. докл. М., 1982. Ч. 1. 146 с. Ч. 2. 132 с. 4. Жлуктенко Ю. А. Варианты полинациональных литературных языков. К., 1981. 279 с. 5. Липко И. П. Варьирование структуры вопросительных и отрицательных предложений с глаголом-сказуемым *have* в британском и американском вариантах английского языка в синхронии и диахронии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. К., 1985. 24 с. 6. Серебрянников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. 318 с.

Поступила в редколлегию 01.12.87

В. В. ХИМЕНКО, канд. филол. наук, *Н. И. ЧЕРКАШИНА*

**О ВЗАИМОСВЯЗИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ И
ГРАММАТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК НЕКОТОРЫХ
ГЛАГОЛОВ НЕПОЛНОЙ ПРЕДИКАЦИИ В РЕЧИ**

Сочетаемость слов различной семантической отнесенности в различных сферах общения представляет несомненный интерес для изучения речевой деятельности человека. В изучении сочетаемости в плане языка сделано уже немало, однако сочетаемость слов не может считаться достаточно изученной, пока не выявлены функционально-коммуникативные характеристики сочетающихся слов в речи.

Наше исследование предполагает изучение вопросов, связанных с сочетаемостью в плане речи. Цель работы — выявление взаимосвязи между лексико-семантическими, синтаксическими и морфологическими категориями личных и неличных форм глаголов неполной предикации с последующим сопоставлением функционирования глаголов в различных сферах общения. Известно, что синтаксические значения проявляются у слов в предложении, когда слово становится элементом какой-либо конструкции. Благодаря этому в синтаксисе осуществляется постоянное взаимодействие между формой и содержанием: морфологические категории функционально раскрываются на уровне синтаксиса. Как показывают советские ученые, функция и значение в синтаксисе всегда стремятся к сближению [2, 7]. В лингвистической литературе ученые неоднократно пытались определить доминирующий уровень [6, 8, 9]. В. В. Виноградов писал, что «структура некоторых типов словосочетаний обуславливается принадлежностью их грамматически господствующего члена к тому или иному семантическому классу или разряду слов, имеющих однотипную конструкцию»³. Действительно, нельзя не согласиться с тем, что каждая лексико-семантическая группа слов и в особенности конкретная лексическая единица обладает вполне определенной синтаксической сочетаемостью. Однако мы склонны считать, что этот еще недостаточно, чтобы утверждать, что ведущим является лексико-семантический уровень языка. Мы полагаем, что речь должна идти не только о взаимодействии и единстве лексической (семантической) и синтаксической семантики в выражении смысла словосочетаний, но и о взаимосвязи трех уровней: лексико-семантического, морфологического и синтаксического.

Проведены исследования, классифицирующие лексику на основе ее сочетаемости [1, 4, 5]. Однако мы не встретили работ, посвященных детальному изучению взаимозависимости грамматических форм глаголов неполной предикации и их синтаксического распространения в речи. Рассмотренная нами очередность приводимых в тезаурусах примеров синтаксического распространения не может служить надежным критерием силы активности тех или других валентностных типов глаголов, поскольку в ряде случаев они различны в различных лексикографических источниках. Не учитывались в них и грамматические формы глаголов. Более того, в некоторых случаях обнаруженные нами синтаксические связи глаголов неполной предикации в речи, вообще не нашли отражения ни в одном из тезаурусов. Причина этого, по-видимому, заключается в специфике функционирования слов в различных стилях и жанрах.

Наше исследование базируется на материалах картотеки «Лексикограмматического частотного словаря сочетаемости современного английского языка». Обследован массив различных текстов объемом около 20000 словоупотреблений, составлены матрицы и таблицы частот грамматических форм глаголов *seem*, *appear*, *doubt*, *claim*, *desire*, *want* и др. в художественной прозе, драме, газете и науке.

Для выявления взаимозависимости между грамматической формой и синтаксическим распространением глаголов неполной предикации были установлены статистические данные их морфологических характеристик в пределах каждой модели сочетаемости. Так, например, глагол *desire* в 50 % из рассмотренных случаев в художественной прозе встретился в финитной форме *Past Indefinite Active* в функции сказуемого (*I desired to add a word of my own to this report*); в 12 % — в форме *Past Participle* в функции определения (*the desired effect, the desired meeting*; в 4,4 % — в форме *Indefinite Active* в функции определения (*After Philadelphia you will find some things to desire at first*). Изменение морфологических форм глагола взаимосвязано с изменением его функции, а следовательно, и синтаксическим распространением. В научной прозе этот же глагол чаще всего реализует нефинитную форму *Past Participle* в функции определения (75 %): *The needle valve has a micrometer that permits exact setting of the desired micro-flow rate*. Абсолютивное употребление глагола *desire*, частотное для художественной прозы и драмы в форме *Past Indefinite active* (*Now she saw it was the last thing he desired*), почти не реализуется в других стилях.

Возьмем другой глагол — *claim*. В художественной прозе он встретился в форме *Past Indefinite Active* (38 %), присоединяя, главным образом, зависимое существительное в функции дополнения (*Thus the cook claimed her equal share of the copy-right*) и в форме третьего лица *Present Indefinite* (25 %), присоединяя дополнительное придаточное предложение с союзом *that* или без него: 1. *This Russian chap claims that all our laws and knowledge*

of heredity are wrong. 2. He is the one who claims the pants were stolen from him. Эти варианты модели различаются в плане выражения, но относительно изоморфны в функционально-позиционном отношении. Наряду с этими преобладающими случаями синтаксического присоединения, свидетельствующими о взаимозависимости между грамматической формой, лексическим значением и синтаксическим распространением, мы отметили некоторые случаи тяготения глагола *claim* в Past Indefinite к распространению, выраженного инфинитивом: He claimed to be a movie executive.

Сходными характеристиками отмечается функционирование глагола *claim* и в политической хронике. Что касается научного стиля, то тут специфичными являются финитные формы Indefinite Passive (65,5 %) в моделях *claim to be*: This additive is claimed to be effective in thermosets.

Общеизвестно, что частоты употребления глаголов в различных текстах существенно различаются. Нами отмечено существенное расхождение частот употребления морфологических форм одного и того же глагола в различных текстах, а следовательно, и существенные расхождения сочетаемости каждого из них.

Проведенное исследование дает возможность сделать следующие предварительные выводы. Для глаголов соответствующей семантической отнесенности существует устойчивое колебание частот реализации морфологических форм в каждой сфере человеческой деятельности.

Существует взаимозависимость между грамматической формой глагола, его лексическим значением и синтаксическим распространением в речи.

Установление статистических данных морфологических характеристик глаголов в пределах каждой модели сочетаемости может иметь теоретическое значение, поскольку раскрывает: а) особенности функционирования словоизменительной системы глаголов в разных стилях и жанрах; б) взаимосвязь между морфологическим и синтаксическим уровнями языка; в) взаимосвязь словоизменительной системы с системой лексической семантики.

Список литературы: 1. *Англо-русский словарь глагольных словосочетаний*. М., 1986. 635 с. 2. *Будагов Р. А.* Человек и его язык. М., 1976. 183 с. 3. *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // *Лексикология и лексикография*. Избр. труды. М., 1977. 186 с. 4. *Волкова Н. О., Гинзбург Р. С., Перебийнос В. И.* Частотный словарь сочетаемости современного англ. яз. М., 1971. Ч. 1. С. 71—76. 5. *Гинзбург Р. С.* К вопросу о классификации словарного состава // *Вопр. лексико-семант. системы языка: Тез. докл.* М., 1971. С. 108—117. 6. *Кононенко В. И.* Системно-семантические связи в синтаксисе русского и украинского языков. К., 1976. 240 с. 7. *Сердюков П. И.* Грамматическая сочетаемость глаголов в современном англ. языке. К., 1978. 28 с. 8. *Green G. M.* Semantics and Syntactic Regularity // *Indian University Press*. 1974. P. 3. 9. *Lakoff G.* Pronouns and reference — Cambridge. Mass. 1968. P. 165.

Поступила в редколлегию 25.12.87

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ

Как известно, словарная статья любой лексической единицы должна удовлетворять двум главным и довольно противоречивым требованиям: 1) всесторонне и как можно полнее и информативнее описать содержание толкуемой единицы, 2) быть максимально краткой, сжатой.

Поскольку все смыслы глагола, порождаемые в речи, создаются в результате взаимодействия компонентов инвариантного значения данного слова и семантических признаков сочетающихся с ним слов, которые являются переменными компонентами глагольных структур [1], необходимо прежде всего привести семный состав инвариантного значения толкуемого глагола в виде перечня коммуникативно релевантных признаков субъекта/объекта, обозначаемых глаголом [2]. Затем следует описать и проиллюстрировать основные типы смыслов. Все смыслы из-за их многочисленности описать невозможно, да и нецелесообразно, так как в противном случае словарная статья стала бы слишком громоздкой и мало-пригодной для практических целей. Знания семного состава инвариантного значения и основных типов смыслов вполне достаточно, чтобы определить смысл каждого конкретного высказывания, конечно, если оно не является фразеологическим сочетанием. Словарная статья должна завершаться перечнем фразеологических сочетаний данного глагола, смысл которых нельзя установить, исходя из компонентов инвариантного значения стержневого слова.

Ниже приводятся разработанные нами варианты словарных статей статических глаголов *stand*, *sit*, *lie*.

Stand (*stood*) обозначает признаки: неизменность положения в пространстве/состояния во времени, вертикальность, стойкость, заметность, которые в сочетании с разными компонентами речи порождают следующие основные типы смыслов:

I. Статические смыслы: 1) **СТОЯТЬ**: *Please remain standing. Their house stood on a hill.* 2) **СТОЯТЬ, ПРОЯВЛЯТЬ СТОЙКОСТЬ, ВЫДЕРЖИВАТЬ**: *This work will hardly stand close examination. I can't stand the sight of him.* 3) **СТОЯТЬ, БЫТЬ, НАХОДИТЬСЯ**: *The emergency services stand ready to help if called on. Who stands first on the list?* 4) **СТОЯТЬ НА ВИДУ, ВЫДЕЛЯТЬСЯ**: *He stands head and shoulders over the crowd. This book stands high in my opinion.* 5) **СТОЯТЬ, БЕЗДЕЙСТВОВАТЬ**: *Some of the machinery is standing idle. There was no way he could just stand around and watch.*

II. Результативно-статические смыслы: **СТАТЬ, ОСТАНОВИТЬСЯ**: *Stand aside/back and let the man through. He came up to the window and stood still.* 2) **ЗАНЯТЬ СТОЯЧЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ВСТАТЬ**: *He stood (up) when the lady entered the room.*

His hair stood on end. 3) ПОСТАВИТЬ: The traitor was stood up against the wall and shot. Will he stand us champagne?

Фразеологические единицы: 1) ~ by/to one's guns отстаивать свое, не уступать (в споре и т. п.); 2) ~ in another's shoes быть в чем-либо положении, на чем-либо месте; 3) ~ in a white sheet публично каяться; 4) ~ in one's light/path/road/way мешать к ому-либо; 5) ~ in the breach/gap принять на себя главный удар; 6) ~ one's hand платить за угощение; 7) ~ on one's head быть неуравновешенным, эксцентричным; 8) ~ on one's own feet/legs быть независимым; 9) it ~ s to reason это само собой разумеется, это совершенно очевидно.

Sit (sat) *v* обозначает признаки: неизменность положения в пространстве/состояния во времени, согнутость под углом (сидячесть), прочность, которые в сочетании с разными компонентами речи порождают следующие основные типы смыслов:

I. Статические смыслы: 1) СИДЕТЬ, ЗАНИМАТЬ СИДЯЧЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ: He sat at his desk working. The court sat until all the arguments for both sides had been heard. She sat for her portrait. That hen wants to sit. 2) СИДЕТЬ, ПРОЧНО ЗАНИМАТЬ НЕИЗМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: The shacks sat, like running sores, on the body of northern New England. The depression sat like a ton weight on his shoulders. 3) СИДЕТЬ, БЕЗДЕЙСТВОВАТЬ: Don't just sit there. He just sat around for weeks. 4) БЫТЬ, НАХОДИТЬСЯ: We're literally sitting in a very low pressure area. The sweater was sitting on a chair.

II. Результативно-статические смыслы: 1) САДИТЬСЯ: Ann sat down. He strolled over and sat beside her again. She woke and sat up in bed. 2) ВИДОИЗМЕНЯТЬ СИДЯЧЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ (ВЫПРЯМИТЬСЯ, ОТКИНУТЬСЯ НАЗАД, ПОДАТЬСЯ ВПЕРЕД): Jan pushed the cup aside and sat up. Eric sat back and relaxed. Beigler suddenly sat forward. 3) САЖАТЬ, УСАЖИВАТЬ, УСАЖИВАТЬСЯ: He carried her to the bed and sat her down upon it. I sat the girls one on each side of me. He sat himself on the parapet.

Фразеологические единицы: 1) ~ at smb's feet быть чьим-л. учеником, последователем; прислушиваться к чьему-л. авторитетному мнению; 2) ~ down hard on smth. решительно воспротивиться чему-л.; 3) ~ in judgement быть судьей; осуждать; критиковать; 4) ~ on one's hands бездействовать; воздержаться от выражения одобрения; 5) ~ on the bench быть мировым судьей; 6) ~ on the fence/on the rail выжидать, занимать выжидательную позицию.

Lie (lay, lain) *v* обозначает признаки: неизменность положения в пространстве/состояния во времени, горизонтальность, незаметность, податливость, которые в сочетании с разными компонентами речи порождают следующие основные типы смыслов:

I. Статические смыслы: 1) ЛЕЖАТЬ, ЗАНИМАТЬ ГОРИЗОНТАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ: Fleur lay like the dead. She lay on the sofa. His body lies in the churchyard. A letter lay waiting for

him in his room. 2) ЛЕЖАТЬ, НАХОДИТЬСЯ, БЫТЬ, ЗАКЛЮЧАТЬСЯ: All Los Angeles lay there at our feet. His only escape lay in submitting to various treatments. 3) БЫТЬ НЕЗАМЕТНЫМ, СКРЫВАТЬСЯ, ПРЕДСТОЯТЬ: The truth lies somewhere between the statements of the two men. Dr. Saunders wondered what the secret was that lay between them. A busy day lay ahead. 4) ЛЕЖАТЬ БЕЗ ДЕЛА, ВАЛЯТЬСЯ: The paper had been lying about for a fortnight. 5) БЫТЬ ПОКОРНЫМ, НЕ СОПРОТИВЛЯТЬСЯ: I don't want a row, but we can't take it lying down. You'd never lie down to be blackmailed.

II. Результативно-статические смыслы: ЛЕЖЬ, ПРИНЯТЬ КАКОЕ-Л. ЛЕЖАЧЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ: She lay down quickly and closed her eyes. He took a cigarette, lit up, and lay back on the sunbed. I went into my room and lay on the bed.

Фразеологические единицы: 1) the blame ~ s at your door это ваша вина; 2) to find out how the land ~ s выяснить/узнать, как обстоят дела; 3) ~ on one's oars сушить весла; 4) ~ out of one's money не получить, не дожидаться причитающихся денег; 5) it ~ s with you (to choose, etc.) ваше дело (выбирать и т. п.); 6) ~ down on the job работать кое-как; 7) ~ in/ on the bed one has made расплачиваться за свои поступки; 8) ~ on one's hands оставаться нераспроданным, непроданным о товаре.

Рассмотрим теперь возможности практического применения этих словарных статей в процессе перевода английского текста на русский язык. Предположим, например, что нам необходимо перевести следующие предложения: 1) Let these words stand in the letter. 2) He stands in need of help. 3) My bank account stands at 36 pounds. Достаточно бегло просмотреть описание семного состава инвариантного значения глагола stand в начале словарной статьи, чтобы убедиться, что в приведенных выше предложениях нейтрализуются все дифференциальные семы, актуализируется только одна интегральная сема «неизменность положения в пространстве/состояния во времени», причем эта неизменность выражается безотносительно к антериорному положению/состоянию субъекта. Следовательно, здесь передается смысл, который относится к третьему типу статических смыслов: стоять, быть, находиться (в неизменном положении/состоянии). Теперь можно легко подобрать нужные для перевода слова: 1) Пусть эти слова остаются в письме (в неизменном виде, их не надо менять или опускать). 2) Он нуждается в помощи. 3) На моем счету в банке 36 фунтов.

Список литературы: 1. Гурський С. О. Значения і смисл слова // Іноземна філологія. 1974. Вип. 34. С. 3—14. 2. Зиновьева В. Л. Семантическая структура глаголов stand, sit, lie // Вестн. Харьк. ун-та. 1984, № 258. С. 47—53.

Поступила в редколлегию 09.09.87.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ МИНИМУМА
ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫМ
КОМПОНЕНТОМ СОДЕРЖАНИЯ ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ В
УСТНОЙ РЕЧИ**

Известно, что в каждой локальной культуре, а значит, в языке отражена своя специфика восприятия реальной действительности. Эти особенности познания мира находят свое отражение в **культурном компоненте** содержания слова: «Если из семантики слова исключать значения, обусловленные различными языковыми уровнями/derivационное, морфологическое и синтаксическое/, не учитывать его внутренней формы, «образного значения», эстетических ассоциаций, то в остатке окажется так называемое **экстралингвистическое содержание слова**, которое прямо и непосредственно отражает обслуживаемую языком национальную культуру [2, с. 119].

Культурный компонент содержания слова любого языка бывает общечеловеческим или региональным. Так, к общечеловеческому культурному компоненту можно отнести такие понятия, как «рождение», «смерть», «месяц»; к региональному — «снег», «джунгли».

«С другой стороны, культурный компонент семантики некоторых слов связан с **национальной** культурой соответствующего народа, неотделим от нее, поэтому он своеобразен, специфичен по своему происхождению и, конечно, ограничен рамками известной культурно-языковой общности» [7, с. 47—48].

Игнорирование национально-культурного компонента (НКК) лексического материала в учебном процессе часто приводит к искажению семантики слова, содержания высказывания и даже нарушению интеркоммуникации. Очень часто выпускники факультетов или институтов иностранных языков в недостаточной степени владеют лексикой с НКК содержания. Нарушения происходят как на уровне денотата, так и на уровне коннотаций; как в сфере рецепции, особенно при понимании художественных текстов, так и в сфере продукции; как на уровне изобразительности, так и на уровне выразительности.

Все эти факторы подчеркивают важность национально-культурного компонента и необходимость его целенаправленного усвоения в процессе работы над иноязычной лексикой. Национально-культурные особенности ярче всего проявляются на лексическом и фразеологическом уровнях. При обучении иностранному языку на базе лингвострановедения решаются как общеобразовательные, так и гуманистические задачи, студенты значительно глубже знакомятся с культурой страны изучаемого языка, они обнаруживают общие и отличающие национальные культуры черты.

Однако, при лингвострановедческом подходе к изучению иностранных языков возникает множество проблем: отсутствие опи-

сания культур, описания фоновых знаний как носителей иностранного, так и носителей родного языков, не выделены единицы языка — носители страноведческой информации. Таким образом, возникает необходимость создания минимума лексических единиц с национально-культурным компонентом семантики для активного употребления в речи.

Источником отбора лексических единиц (ЛЕ) с НКК в условиях пребывания вне языкового окружения могут быть учебные тексты; художественные тексты (например, литература по внеаудиторному чтению, рекомендованная программой); аутентичные лингафонные курсы; газеты и журналы на иностранных языках; лингвострановедческие и толковые словари; анкетирование информантов-носителей языка, при этом особую ценность имеет опыт изучающих русский язык или владеющих ими; опрос преподавателей и студентов, выезжающих в страну изучаемого языка; радиопередачи на иностранном языке и т. д.

При отборе учитываются следующие **принципы**: статистические (частотность и распространенность), методические (принцип соответствия установленной программой тематике и семантический принцип), лингвистические (сочетаемость, словообразовательная ценность и многозначность) [5, с. 202—205].

Отобран, например, лексический минимум для употребления в устной речи, включающий около 300 лексических единиц с НКК. Этот минимум можно подразделить на реалии, коннотации, фоновую лексику; к нему также относятся некоторые фразеологизмы, языковые афоризмы и ономастическая лексика [8, с. 254].

В первую группу ЛЕ с НКК входят **денотативные реалии** — слова, обозначающие предметы и явления, которые относятся к истории, культуре, экономике, быту и полностью или частично отличаются от лексических понятий родного языка: *kitchen sink plays* — пьесы из повседневной жизни английских трудящихся, изображающие их обычаи, быт; *a floating voter* — избиратель, который колеблется, за какую партию ему голосовать; *travelogue* — кинофильм, теле- или радиопередача о путешествиях; *a wise old coach* — ночной автобус в Лондоне.

Вторую группу составляют слова с **национально-культурными коннотациями**: *береза* — символ России, для англичанина — обычное, не так часто встречающееся дерево; *крыса* — имеет переносное значение «мерзкий, противный, жалкий, маленький», английские словари дают толкование эквивалента *rat*, связанные с понятием предательства: *scab, betrayer, informer* [4, с. 163].

К третьей группе относятся слова, отличающиеся своими лексическими фонами — **фоновая лексика**: *taxi* — (в Лондоне это машины черного или красного цвета, пассажир в них никогда не садится рядом с водителем, такси не выезжают за пределы города); *envelope* — конверт (выполняя одинаковые функции, они отличаются по своим размерам, местом и способом написания адреса).

Вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что спе-

циальному отбору не подлежит безэквивалентная и фоновая лексика [1, с. 9], ибо как раз в этих случаях и происходит значительное количество нарушений интеркоммуникация, что недопустимо на старшем этапе обучения.

К минимуму ЛЕ с НКК следует также отнести некоторые фразеологизмы и языковые афоризмы (особенно встречающиеся в перефразированном или сокращенном виде) [3, с. 79—100]:

A summit is not a fire-side chat — Встреча в верхах — это не беседа у камина (fire-side chats — название радиопередач, в которых Ф. Д. Рузвельт обращался к нации с разъяснениями тех или иных аспектов своей политики и которые отличались спокойствием и неторопливостью).

Важную роль также играет широко употребляемая ономастическая лексика, особенно та, которая становится нарицательной:

a Harrow old boy — выпускник привилегированной частной школы Херроу в Лондоне.

Таким образом, овладение минимумом ЛЕ с НКК для активного употребления способствует аккультурации студентов, снижает «затруднения в интеркоммуникации, возникающие вследствие частичного расхождения между коммуникативно-языковыми сообществами в наборе знаний о мире [6, с. 10].

Список литературы: 1. Вельская О. А. Лингвострановедение в языковом вузе // Иностр. яз. в высш. школе. Вып. 13. 1978. С. 5—15. 2. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Состав семейства учебных лингвострановедческих словарей: ономастический словарь // Актуальные проблемы учебной лексикографии. 1977. 320 с. 3. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1983. 269 с. 4. Гутман Е. А., Литвин Ф. А., Черемисина М. И. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик // Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977. 352 с. 5. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М., 1982. 373 с. 6. Райхштейн А. Д. Национально-культурный аспект интеркоммуникации // Иностр. языки в школе. 1986, № 5. С. 10—14. 7. Томахин Г. Д. Лексика с культурным компонентом значения // Иностр. языки в школе. 1980, № 6. С. 47—50. 8. Томахин Г. Д., Фомин Б. Н. Проблематика сравнительного лингвострановедения // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. М., 1986. 277 с.

Поступила в редколлегию 25.12.87

И. А. ТАТАРИНЦЕВА, А. Г. РИХТЕР

“GLASNOST” В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, при необходимости употребления в процессе коммуникации новой концептуальной единицы, язык находит способ номинации, в том числе использует заимствования. Потребность в заимствовании, ход его усвоения новой языковой системой зависит от ряда причин: необходимости значения неологизма для коммуникации, отсутствия в лексической системе синонима, степени иноязычной гетерогенности и др. [2, с. 79].

Данная статья рассматривает вопросы, связанные с возникновением и утверждением русизма *glasnost* в словарном составе английского языка. Она основывается на анализе материалов десяти английских и американских периодических изданий общественно-политического характера за январь—август 1978 года¹.

Реализация курса XXVII съезда КПСС на ускорение социально-экономического развития нашего общества вызвала взрыв интереса во всем мире к политике Советского Союза. Слова «перестройка», «гласность», «ускорение», «новое мышление» вошли в языки многих народов. В силу ряда причин слово «гласность» стало из них наиболее употребительным.

Оказалось, что в английском лексиконе нет слова, достаточно полно отражающего смысл русского понятия «гласность». Словарный перевод — “publicity” (Русско-английский словарь под ред. А. И. Смирницкого. — М., 1981. и др.) не мог быть принят, как не только не передающий, но искажающий смысл слова. Для перевода с конца 1985 года англоязычные средства массовой информации используют слово “openness”. В середине 1986 года появляется и заимствование “glasnost”, выделенное курсивом или кавычками и с обязательным переводом — “openness”. Необходимость уточнения значения русизма привела к появлению многочисленных постпозитивных приложений, выраженных чаще всего тем же нарицательным существительным “openness” и зависимыми словами, например: public openness, greater openness, media openness; openness of discussion, openness in the press; political openness. Кроме них нами зарегистрировано несколько приложений, образованных на основе других существительных, например: public frankness, public disclosure, the new public candor, transparency, honesty, а также герундия, например: public airing, opening things up, the opening up of the press and writing.

Возвращаясь к переводу “openness”, отметим, что, как нам представляется, он не оказался удачным по двум причинам. Первая — слово не является сематическим синонимом, так как уже по смыслу и ближе по значению к слову «открытость». Поэтому, например, при публикации речи М. С. Горбачева на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС газета «Гардиан» вынуждена была дать пояснения слову “openness” в двух случаях, указав в первом, что оно соответствует русскому «гласность», а во втором — слову «открытость» (G., 02.02.1987, p. 24). Вторая причина — слово “openness” не является стилистическим синонимом. Употребление его в буржуазной прессе должно вызывать у читателя стереотипное представление о Советском Союзе как о «закрытом обществе» (closed society; close и open — пара антонимов). Когда автор публикации сомневается, что стереотип возникает, он напоминает о нем прямо: “Gorbachev's greatest success has come with the introduction of glasnost, or openness,

¹ Материалы еженедельника «Тайм» анализировались за апрель 1985—август 1987 годов.

in a long-closed society". (U. S., 01.06.1987, p. 37); или косвенно, помещая слова "openness" и "glasnost" в отрицательно-оценочное окружение: "One of the hallmarks of Soviet Leader Michail Gorbachev's regime has been its emphasis on glasnost, an officially sanctioned openness about Soviet society's shortcomings and difficulties". (Т., 10.11.1986, p. 11). Таким образом, если «гласность» в русском языке имеет позитивную окраску, то «openness» в английском языке нередко приобретает отрицательную коннотацию.

В 1987 году с дальнейшим усилением интереса к Советскому Союзу растет число публикаций о жизни СССР (примерно в 6 раз). Частотность появления слова "glasnost" в англоязычных изданиях увеличивается примерно в 10 раз (анализ материалов «Тайм» за первые 8 месяцев 1987 г по сравнению с тем же периодом 1986 г.). С ходом усвоения русизма исчезает перевод (приложение), сопутствовавший ему. Слово становится более привычным, в силу этого отпадает необходимость выделять его графически. В подавляющем большинстве случаев заимствование пишется со строчной буквы.

В короткий срок слово приобретает свойства английского абстрактного существительного, как морфологические обладает категорией числа; употребляется в притяжательном падеже ("Poles are well aware of glasnost's limitations." D. T., 01.06.1987, p. 11), так и синтаксические: употребляется в функции субъекта, объекта и предикативного члена.

О закреплении русизма в английском языке говорит и то, что он входит в состав новых прилагательных и причастий, например: "good old pre-glasnost days" (Н. Т., 10.04.1987, p. 48), "glasnost-inspired youths" (Т., 10.08.1987, p. 43).

Из морфологического состава слова выделяется суффикс -nost, который используется для образования новых существительных. Схожесть графического изображения и звукового состава слова с английским "glass" («стекло») способствовала образованию неологизмов "glass-nost" (U. S., 27.04.1987, p. 37) и "looking-glasnost" ("Through the Looking-Glasnost", Н. Т., 03.04.1987, p. 6)*. Мы зарегистрировали и слово "glamnóst", образованное от "glamorous" («обаятельный»), в публикации, посвященной внешнему виду М. Тэтчер во время ее визита в СССР (G., 01.04.1987, p. 25). В пропагандистских целях использует в своей статье о гласности слово "gloss-over-nost" (от "gloss over" — «приукрашивать») директор ЮСИА Ч. Уик (Moscow News, 29.03.1987, p. 4). Все эти образования — временные, использовались окказионально, обычно в качестве заголовка или подписи для привлечения своей новизной внимания читателя. Видимо, неслучайно и то, что в публикациях о жизни в СССР

* Нам представляется, что часто употребляемый перевод русизма как «transparencу» («прозрачность»), см. выше и С. Кондрашов «На острове в лагуне», «Известия», 04.04.1987 подсознательно связан с главным свойством стекла — прозрачностью.

чаще других в последние месяцы встречаются заимствования с суффиксом: *bezopasnost*, *corporativnost*, *deyatel'nost* и др.

Русизм начинает выходить из сферы употребления, ограниченной соотносительностью с советской действительностью. Например: "In television, Poland's *glasnost* has taken the form of expanded diversity rather than relaxed taboos." (Н. Т., 24.04.1987, p. 1).

Слово также выходит из сферы, ограниченной его семантическим соответствием русскому «гласность». Русизм часто обозначает все новые процессы в жизни советского общества и, прежде всего, перестройку; им обозначают различные явления: от успеха советского кино в Каннах до визита дипломатов за рубеж, до гастролей Большого театра в Англии. Например, в заголовках: "Glasnost reaches industry". (М. С., 30.06.1987, p. 2), "Moscow's musical *glasnost*". (Г., 27.03.1987, p. 6).

Тот факт, что русизм несет ряд позитивных стилистических оттенков, ориентированных на культуру — источник заимствования противоречит стереотипизации советского общества, насаждаемой буржуазными средствами массовой информации. Они пытаются устранить его, используя слово "openness" (см. выше) и ложно интерпретируя суть гласности, например: "Glasnost is a program of openness aimed at exposing shortcomings and abuses of power in Soviet life". (Т., 19.01.1987, p. 31). Сравните с точкой зрения, не подверженной влиянию стереотипизации: "Glasnost aims to encourage the people to make the fullest use of all their democratic institutions and rights established by the October Socialist Revolution nearly 70 years ago". (М. С., 09.04.1987, p. 4).

С 1917 года слово **Совет** «везде произносится по-русски» (I, т. 40, с. 205). В 1957 году Sputnik вошел в языки всего мира, как символ достижений социализма. Анализ употребления слова «гласность», означающего новый этап нашей жизни, в англоязычной прессе позволяет сделать вывод, что и этот русизм нашел свое выражение в системе языка: приобрел новые значения, т. е. подвергся переосмыслению; создал по словообразовательным моделям производные. Слово, видимо, закрепится и лексикографически. На очереди слово *perestroika*.

Принятые сокращения:

D. T. — The Daily Telegraph H. T. — International Herald Tribune

G. — The Guardian T. — Time

M. S. — Morning Star U. S. — U. S. News and World Report

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 40. С. 205.
2. Кабачки В. В. Семантический аспект русизма английским языком / Семантика слова и предложения. Л., 1985. 240 с.

Поступила в редколлегию 01.10.87

ГРАММАТИКА УНИВЕРСАЛИЙ И ЭКСПЛИКАЦИЯ
ОДНООБЪЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Проблема так называемых «универсалий», т. е. закономерностей, общих для всех языков или для абсолютного большинства языков мира, занимает центральное место в лингвистических исследованиях ученых многих стран. «За бесконечным поражающим многообразием языков мира скрываются общие для всех их свойства. При всем безграничном несходстве оказывается, что языки созданы по одному образцу... языковые универсалии по своей природе являются обобщенными высказываниями о тех свойствах и тенденциях, которые присущи любому языку [1]». В приведенном выше высказывании говорится об универсалиях, которые основаны на тождестве языков, т. е. об абсолютных универсалиях [5, с. 21]. В. В. Мартынов предлагает считать абсолютными универсалии типа «во всех языках есть А» [4] и относит к ним «все, что необходимо и достаточно для выполнения двух основных функций языка — коммуникативной и номинативной» [5, с. 21].

Абсолютные универсалии лежат в основе «канонизации языка» [10, с. 5], т. е. приведения его в соответствие с выработанными правилами к некоторому каноническому виду. Канонизация языка не должна вести к нарушению хотя бы одного грамматического правила, но должна существенным образом ограничить список этих правил, полностью лишив их исключений. Канонизация необходима для обработки текстов с помощью ЭВМ, так как синтаксическая конденсация [12], свойственная предложениям естественного языка, приводит к пропуску в них фундаментальных семиологических категорий и к фразовой эллиптичности, что делает естественный язык в его полном виде непонятным для ЭВМ.

К абсолютным универсалиям, лежащим в основе канонизации языка, мы относим рассматриваемое в данной статье разделение номинативных единиц, с одной стороны, на обозначающие предмет, а с другой — на обозначающие признак предмета. Такое разграничение было предложено японскими лингвистами [2], а формальную процедуру, диагностирующую подстановку, разработал В. В. Мартынов [5, с. 23—24; 6, с. 115—116; 7, с. 12—15].

Признаки бывают временные и постоянные [3; 6, с. 138—139]. Постоянные признаки — это качества, присущие предметам. Они выражаются адъективными существительными, т. е. существительными, соотносимыми с однокоренными прилагательными: *beauty* → *beautiful*; *ability* → *able*; *possibility* → *possible* и т. д. Временные признаки — это процессы, в которых участвуют предметы. Они выражаются глагольными существительными, т. е. существительными, соотносимыми с однокоренными глаголами: *deviation* → *to deviate*; *o approximation* → *to approximate*, *contrast* → *to contrast* и т. д.

В нашем исследовании мы расширяем круг признаковых существительных. К признаковым мы относим также существительные, удовлетворяющие упомянутой выше диагностике, но не имеющие однокоренных семантических глагольных и адъективных коррелятов. Однако к этим существительным можно подобрать супплетивные глагольные и адъективные пары. Следовательно, указанные существительные можно подвергнуть супплетивным трансформациям вербализации и адъективизации: *current* → *to flow*, *opportunity* → *(to be) able*.

Разграничение номинативных единиц на признаковые и предметные вместе с использованием правил презумпции [9, с. 66, 179; 11, с. 155—162] позволяет осуществить экспликацию постулируемого нами однообъектного управления [13, 14] и снять проблему адвербиального, т. е. синтаксически не выводимого, употребления падежей, а также предложить последовательный подход к решению проблемы субстантивного управления, столь широко трактуемого в советской и зарубежной литературе.

Просмотрев большое количество текстов по специальности «микроэлектроника», и, проанализировав 3 тысячи отобранных примеров субстантивных конструкций, мы пришли к выводу, что способностью к управлению обладают признаковые существительные. Они трансформируются в соответствующие глагольные и адъективные конструкции (однокоренные или супплетивные), что является диагностирующим признаком их способности к управлению: *deviation from* → *deviate from*; *dependence on* → *depend on*; *contribution to* → *contribute to*; *a decision that* → *to decide that*; *an attempt to make* → *to attempt to make*; *effort to improve* → *try to improve*; *misconception that* → *to misunderstand that*; *superiority over* → *(to be) superior over*, *ability to grow* → *(to be) able to grow*.

Конструкции «предметное существительное+предложная форма существительного» мы считаем случайным соположением слов, возникшим в результате синтаксической конденсации, и трактуем их как квазиуправление, требующее восстановления пропущенной управляющей словоформы при помощи определенной презумпции, сигналом которой является сохранившаяся в предложении синтаксически не управляемая предложно-падежная форма: *facts about demonstration* → *facts (informing) about demonstration*.

Таким образом, абсолютная универсалия — разграничение признаковых и предметных существительных — используется как правило канонизации естественного языка. Исходя из постулата однообъектности управления, мы восстанавливаем утраченные в процессе синтаксической конденсации управляющие единицы, опираясь на правила презумпции и учитывая при этом способность существительных обозначать признаки предметов. Такого рода канонизация приводит к однозначности текста и дает возможность подготовить его к автоматизированной обработке.

Список литературы: 1. Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. 1950. Вып. 5. С. 43. 2. Кизда М. Грамматика японского языка. Т. 1. М., 1958. 3. Мартынов В. В. Кибернетика. Семиотика. Лингвистика. Минск, 1966. С. 81—82. 4. Мартынов В. В. Дедуктивная семиотика и типологическая лингвистика // Проблемы языкознания. 1967. С. 218—219. 5. Мартынов В. У. Дзве найважнейшыя абсалютныя універсальі мовы // Беларуская лінгвістыка. Мінск, 1972, № 2. С. 21—24. 6. Мартынов В. В. Семиологические основы информатики. Минск, 1974. С. 115—119. 7. Мартынов В. В. Универсальный семантический код науки и дедуктивная семиотика // Вычислительная лингвистика. М., 1976. С. 12—15. 8. Мартынов В. В. Семиологические проблемы искусственного интеллекта // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1978. Т. 37, № 1. С. 4—6. 9. Мартынов В. В. Категории языка: Семиологический аспект. М., 1962. С. 66—179. 10. Мартынов В. В. Универсальный семантический код: УСК-3. Минск, 1984. С. 5—7. 11. Мартынов В. В. Функциональная грамматика и категории языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985. С. 155—160. 12. Міхневіч А. Я. Праблемы семантыка-сінтаксічнага даследавання беларускай мовы. Мінск, 1976. С. 236—252. 13. Навуменка Н. П. Аб эксплікацыі аднааб'ектнага кіравання ў навукова-тэхнічных тэкстах // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. Мінск, 1987, № 2. С. 108—113. 14. Навуменка Н. П. Аб некаторых выпадках эксплікацыі аднааб'ектнага кіравання // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. Мінск, 1987, № 6. С. 110—112.

Поступила в редколлегию 05.11.87

СОДЕРЖАНИЕ

Плоткин В. Я. От средневекового тривиума к современному комплексу наук о речемыслительной деятельности	3
Богданов В. В. Коммуниканты	7
Дородных А. И. О «функциональной грамматике» и «коммуникативной грамматике»	11
Торопова Н. А. Типовые речемыслительные процессы в области абстрактных отношений (на материале немецких логических частиц)	15
Харитонова И. Я., Иванова Л. А. Степень адекватности отражения мира в языковой коммуникации	19
Ейгер Г. В. Механизм контроля этапа внутреннего программирования	23
Старикова Е. Н. К вопросу о категории модальности	29
Тарасова Е. В. О многоаспектной природе времени (время физическое, перцептуальное, языковое, художественное и лингвистическое)	33
Почепцов Г. Г. Коммуникативная функция языковой единицы как фактор развития словаря	38
Жлуктенко Ю. А. Номинативные аспекты словосочетания	40
Медведева Л. М. О типах речевых актов	42
Почепцов О. Г. Речевой акт и организация дискурса	47
Карабан В. И. Адресатность простых и сложных речевых актов	51
Паповяц Э. Г. Интенциональный анализ качественно характеризующих высказываний	54
Гринь Б. М. Высказывания, регулирующие речевые действия адресата, в составе диалогических единств	57
Николаева В. Д. Информационная неполнота высказываний в трехчленных диалогических единствах	62
Прокопчук А. А. Значение ирреального сравнения или впечатления	66
Носенко Э. Л., Гребенюк Н. Д. О влиянии тревожности на характеристики иноязычной речи в ситуации экзамена	71
Черноватый Л. Н. Исследование эффективности коммуникативно ориентированного алгоритма	74
Кухаренко В. А. «Язык писателя» как аспект речевой деятельности индивида	78
Слюнин А. В. Корреляция жанровых особенностей текста и распределения его лексики по функционально-семантическим полям. (На материале жанра «horror story»)	85
Ретунская М. С. Реализация эмоционально-оценочного потенциала слова в речевой деятельности	87
Тимошенкова Т. М. Коннотативно-стилистический аспект прагматического содержания предложения	89
Морозова Е. И. Прагматические аспекты стилистики	93
Мартынюк А. П. О реализации принципа вежливости в речи женщин и мужчин	96
Бейдер Е. И. Структура контекста и однозначность восприятия значений слов	98
Одиноква В. И. Соотношение коннотаций и контекстной ситуации в бинарной метафорической модели	101
Локишина Т. Ф. Категориальные ситуации усиления	104
Кривенко В. П. Способы выражения будущего в прошедшем в немецком языке	104
Подминогин В. А. О варьировании и омонимии немецких временных форм в коммуникативном аспекте	104

Маслова Н. И. Некоторые особенности употребления глагольных форм в английском языке Индии (40—80 гг. XX столетия)	106
Липко З. Н., Липко И. П. Варьирование структуры вопросительных предложений с глаголом have в модальном значении в британском и американском вариантах английского языка	109
Хименко В. В., Черкашина Н. И. О взаимосвязи лексико-семантических и грамматических характеристик некоторых глаголов неполной предикации в речи	112
Гурский С. Е., Зиновьева В. Л. Лексикографическое описание статических глаголов	115
Бакуменко В. П. Некоторые проблемы создания минимума лексических единиц с национально-культурным компонентом содержания для употребления в устной речи	118
Татаринцева И. А., Рихтер А. Г. «Glasnost» в английском языке	121
Науменко Н. П. Грамматика универсалий и экспликация однообъектного управления	124

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 339

Человек и речевая деятельность

Редактор Л. Ф. Кизилова
Художественный редактор Т. П. Короленко
Технический редактор Г. П. Александрова
Корректор А. Г. Долгова

ОИБ № 13756

Сдано в набор 06.03.89. Подписано в печать 21.09.89. Формат 60×90^{1/16}.
Бум. тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Печ. л. 8.
Кр.-отт. 8,25. Уч.-изд. л. 9. Тираж 500 экз. Изд. № 1726. Зак. 507.
Цена 1 р. 30 к. Заказное.
Издательство при Харьковском Государственном университете,
310003 Харьков, ул. Университетская, 16.
Харьковская городская типография № 16.
310003 Харьков-3, ул. Университетская, 16. Зак. 1362.